

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ: ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИЗАЦИИ (1)

В.И. Батюк

Институт США и Канады Российской Академии Наук
Хлебный пер., 2/3, Москва, Россия, 123995

В настоящее время Международная антитеррористическая коалиция сталкивается с серьезнейшими концептуальными и организационными трудностями. Во-первых, до сих пор не удалось сформулировать определение международного терроризма, которое было бы политически приемлемым для ведущих держав. Во-вторых, отсутствует единство мнений относительно природы международного терроризма. Вот почему в современной системе международных отношений отсутствует эффективный антитеррористический режим.

Всякая система — это определенным образом организованное множество, структурная взаимосвязь между элементами этого множества, которая заставляет различные его компоненты действовать по известным правилам. По мнению российского политолога Э.А. Позднякова, «система — не просто конгломерат или совокупность каких-то элементов, а такое органическое образование, такая сумма элементов и связей, соединение которых дает новое качество... В основе взаимосвязи элементов системы, ее функционирования и развития, ее целостности лежит структурная организация системы, представляющая собой *устойчивый* (курсив мой. — Авт.), инвариантный и определенным образом организованный способ связи этих элементов» [3. С. 178, 181].

Именно *структура* международных отношений предопределяет прочный и устойчивый характер внутрисистемных связей. В теории международных отношений под *структурой* понимают совокупность сформированных государствами норм и институтов. *Нормы* — это как писаные, так и неписаные правила поведения государств. *Институты* — это *международные организации*, созданные для претворения в жизнь норм международного права. Структура определяет эффективность и жизнеспособность системы, ее потенциал в решении проблем, стоящих перед международным сообществом.

Многие специалисты в области международных отношений называют *эффективные* международные структуры, которые способны на деле оказать влия-

ние на ход мировой политики, *режимами*. Крупнейший авторитет в области теории международных отношений С. Краснер рассматривает режимы как «принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, вокруг которых концентрируются ожидания действующих лиц в данной области» [6. Р. 1].

По нашему мнению, международные режимы включают в себя:

- 1) базовый (для данного режима) договор, определяющий основные параметры режима;
- 2) дополнительные соглашения, конкретизирующие положения базового договора;
- 3) многосторонний орган, созданный для регулирования взаимоотношений между участниками данного режима.

В любом случае, однако, необходимо наличие основополагающей правовой нормы, которая признавалась бы всеми влиятельными субъектами международных отношений: без этого ни одна международная структура не будет эффективно функционировать.

Степень развития многостороннего режима прямо пропорциональна интенсивности взаимодействия субъектов международных отношений в той или иной предметной области. Не будет преувеличением сказать, что чем более плотной является ткань международных режимов, тем более дееспособными являются международные структуры и тем успешнее международное сообщество решает возникающие перед ним проблемы.

Серьезнейшей международной проблемой, с которой человечество столкнулось в начале XXI века, является вызов со стороны «террористического интернационала». Угрозой безопасности и стабильности стала, таким образом, не агрессивная великая держава, стремящаяся к мировому господству, а *негосударственный субъект международных отношений*.

Нужно сказать, что международное сообщество оказалось совершенно не готовым к такому повороту событий. Структура современной системы международных отношений, нормы международного права, усилия международных организаций — все это направлено на предотвращение именно межгосударственных конфликтов, и прежде всего конфликтов между великими державами, ставших достоянием прошлого, а не конфликтов нового поколения, участниками которых являются негосударственные субъекты, в том числе и международный терроризм.

Серьезные перемены претерпел после окончания «холодной войны» и сам терроризм. *Во-первых*, последний в настоящее время — почти исключительно международный. Трудно найти такую сильную и влиятельную террористическую группировку, которая не имела бы широчайших международных связей и, нередко, международных же амбиций.

Во-вторых, за последнее столетие неизмеримо возрос уровень технической оснащенности террористов. Что еще хуже, современное постиндустриальное общество оказывается крайне уязвимым для террористических нападений, примером чему являются события 11 сентября 2001 года, теракты в Лондоне, Мадриде, Москве и т.д.

В-третьих, коренным образом изменились цели, которые ставят перед собой террористы. Цели эти носят не политический, а этноконфессиональный характер. Современные террористы не ставят задачу изменить политический строй общества, они стремятся очистить определенную территорию от представителей иных этносов и/или иных конфессий. Это обстоятельство объясняет чудовищно возросшую кровожадность современных террористов: объектами их нападений являются не отдельные «царские сатрапы», а целые «неправильные» этносы и конфессии.

В-четвертых, огромные перемены произошли во внутренней структуре террористических организаций. Еще сравнительно недавно типичная террористическая организация была крайне малочисленной группой лиц, существовавших в условиях строгой конспирации. В настоящее время все крупные террористические группировки имеют свое так называемое «политическое крыло», которое обеспечивает респектабельность террористам и действует, как правило, легально.

Наконец, *в-пятых*, у современных террористов в результате взрывообразного распространения средств массовой коммуникации имеется неизмеримо больше возможностей, чем у их предшественников, для того чтобы апеллировать не только к обществу, но и к народным массам, в том числе и к так называемой «исламской улице».

Все эти перемены превращают современный международный терроризм в опасную угрозу мировому сообществу — угрозу, к отражению которой это сообщество оказалось не готово. В каком же состоянии находятся в настоящее время *международные структуры*, призванные эту угрозу отразить?

Глобальные антитеррористические структуры

Вклад ООН в борьбу с международным терроризмом. Несмотря на известные недостатки — застой в реформировании Организации, неэффективность, бюрократизм, злоупотребления — никакой альтернативы ООН в качестве универсального координатора усилий международного сообщества в деле укрепления глобальной безопасности в настоящее время нет и не предвидится. В полной мере координирующая роль ООН проявляется в противостоянии международному терроризму. Как указывается в Заявлении саммита «большой восьмерки», принятом в Хайлигендамме в июне 2007 года, ООН играет «центральную роль» в глобальном противостоянии терроризму: «Мы признаем, что ООН — единственная организация со статусом и возможностью достичь всеобщего соглашения об осуждении терроризма, способная на всесторонней основе обратиться к ключевым аспектам террористической угрозы» (см.: [18]).

В настоящее время создана достаточно сложная и разветвленная антитеррористическая структура под эгидой Организации Объединенных Наций. В состав Целевой группы по осуществлению мероприятий по борьбе с терроризмом при Генеральном Секретаре ООН входят представители 23 различных организаций системы ООН, многие из которых являются независимыми организациями и специализированными учреждениями.

Особую роль играет Контртеррористический комитет (КТК) Совета Безопасности, созданный в соответствии с резолюцией Совета Безопасности № 1373 от 28 сентября 2001 года. В соответствии с данной резолюцией все государства — члены ООН должны принять незамедлительные меры по пресечению финансирования и оказанию иной поддержки террористам, предотвращать передвижение террористов или террористических групп, активизировать обмен оперативной информацией по террористической деятельности.

Резолюция уполномочивает Комитет не только следить за ее соблюдением, но также и способствовать оказанию технической помощи государствам в укреплении их потенциала по выполнению обязательств, связанных с борьбой с терроризмом. Просьба Комитета к государствам о представлении докладов об их усилиях по осуществлению данной резолюции получила исключительно положительный отклик. До конца 2006 года все государства — члены ООН — 191 — представили Комитету по крайней мере один доклад, а многие — два, три или большее число докладов. Благодаря этой информации международное сообщество впервые получило общее представление о законах и институциональных механизмах, имеющихся в государствах — членах ООН, и возможность выявления существующих недостатков в их контртеррористической деятельности.

В 2004 году был учрежден Исполнительный директорат Контртеррористического комитета (ИДКТК). За счет диалога членов Исполнительного директората с государствами и соответствующими международными, региональными и субрегиональными организациями Комитет вывел свою деятельность за рамки рассмотрения письменных докладов и расширил возможности по контролю и оценке тех мер, которые фактически принимают государства для борьбы с терроризмом. ИДКТК также расширил возможности Комитета по выявлению потребностей государств в соответствующей технической помощи.

К концу 2006 года Исполнительный директорат совершил 17 поездок на места, в которых принимали участие представители других организаций системы ООН, а в некоторых — и представители региональных организаций. Это дало возможность Исполнительному директорату определять приоритетные области в пределах той или иной страны. Особое место в деятельности КТК СБ ООН занимает налаживание взаимодействия с региональными контртеррористическими структурами.

В соответствии с резолюцией Совета Безопасности № 1267 (1999 г.) был учрежден Комитет по санкциям в отношении «Аль-Каеды» и движения «Талибан». При нем действует группа по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями.

Признавая серьезные успехи, достигнутые ООН в ее усилиях по координации контртеррористической активности международного сообщества, политики и специалисты указывают и на определенные недостатки, самый существенный из которых — *неспособность Организации Объединенных Наций дать правовое определение понятия «терроризм»*. Предполагалось, что эту задачу должен решить Шестой (правовой) комитет Генеральной Ассамблеи ООН. Однако до сих пор там не удалось добиться существенного продвижения в выработке проекта

Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме ввиду наличия серьезных разногласий между государствами — членами ООН о природе и причинах терроризма. Так, для бывших колониальных и зависимых стран неприемлемы такие дефиниции терроризма, которые ставят вне закона борьбу народов за национальное освобождение. Поэтому, хотя еще в начале 1990-х гг. Комиссия международного права ООН и приняла в первом чтении проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, в статье 24 которого понятие «терроризм» определялось как «совершение, организация, содействие осуществлению, финансирование или поощрение агентами или представителями одного государства актов против другого государства или попустительство с их стороны совершению таких актов, которые направлены против лиц или собственности и которые по своему характеру имеют цель вызвать страх у государственных деятелей, групп лиц или населения в целом» (цит. по: [4. С. 11]), до окончательного принятия Кодекса еще очень далеко ввиду неоднозначного отношения к данному определению некоторых государств.

В этих условиях международное сообщество пошло по пути криминализации отдельных проявлений терроризма, в чем добилось немалых успехов. Огромную роль в данном процессе сыграла Организация Объединенных Наций, поскольку некоторые из основополагающих антитеррористических договоренностей были приняты именно в формате резолюций Генеральной Ассамблеи ООН: Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (принята в декабре 1973 года на 2202 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи), Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (принята резолюцией № 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года), Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята резолюцией № 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1997 года) и, наконец, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, в разработку и принятие которой существенный вклад внесла Российская Федерация (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 59/290 от 15 апреля 2005 года).

Вместе с тем неспособность ООН дать всеобъемлющее правовое определение терроризма серьезно ограничивает возможности организации играть координирующую роль в борьбе международного сообщества против этого зла. Как указывается в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам от 1 декабря 2004 года, «способность Организации Объединенных Наций разработать всеобъемлющую стратегию сдерживается неспособностью государств-членов согласовать антитеррористическую конвенцию, включая определение терроризма. Это мешает Организации Объединенных Наций оказать моральное влияние и недвусмысленно заявить, что терроризм никогда не является приемлемым методом, даже по самым убедительным причинам... В отношении применения силы негосударственными субъектами Организация Объединенных Наций должна достичь такого же уровня нормативной силы, что и в отношении применения силы государствами» (см.: [9]).

В контртеррористической деятельности ООН имеются и другие недостатки. Так, в Заявлении «группы восьми» об укреплении программы ООН по борьбе с терроризмом, принятом в Санкт-Петербурге 16 июля 2006 года, указывается, что имеет место дублирование разрозненных программ между собой и предстоит еще многое сделать для их увязки. До сих пор Организацией Объединенных Наций не разработаны стандарты отчетности, на основе которых можно было бы оценивать контртеррористические усилия каждого государства (см.: [10]).

Признавая, что Организация Объединенных Наций не идеальна, лидеры международного сообщества, тем не менее, отдают себе отчет в том, что сегодня только она может выступать в качестве координатора усилий международного сообщества в борьбе с терроризмом.

«Большая восьмерка» против «супертерроризма». В конце XX — начале XXI в. на «поле игры» ядерного распространения вышли новые «действующие лица» — такие негосударственные организации, как радикальные политические движения, религиозные секты и террористические группы. Они зачастую располагают значительными финансовыми и материальными средствами и вместе с тем не подвергаются воздействию многих факторов, которые ограничивают политику государств.

В силу ряда причин именно так называемая «большая восьмерка» (G8) внесла основной финансовый и организационный вклад в предотвращение распространения оружия массового уничтожения и, соответственно, попадания последнего в руки террористов. Во-первых, в «группу восьми» входят 4 из 5 объявленных ядерных держав. Во-вторых, все без исключения страны — члены «восьмерки» относятся к числу ведущих экспортеров ядерных, химических и биологических материалов и технологий. В-третьих, G8 располагает и необходимыми финансовыми ресурсами для решения задач нераспространения: доля «восьмерки» в общемировом ВВП составляла к началу 2005 года 45,7%, в мировом экспорте — 44,1% (см.: [12]).

Важнейшим этапом в процессе повышения вклада «группы восьми» стало Заявление о глобальном партнерстве против распространения оружия массового уничтожения, которое было принято 27 июня 2002 года в ходе саммита G8 в Кананасскисе (Канада). В соответствии с этим заявлением США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада и Япония должны выделить до 20 млрд. долларов на протяжении следующих 10 лет для финансирования проектов на территории бывшего Советского Союза (главным образом, в России) и направленных на предотвращение распространения оружия массового поражения.

Итоги проделанной за последние годы работы были подведены в Докладе о Глобальном партнерстве «группы восьми», принятом на саммите «восьмерки» в Санкт-Петербурге 16 июля 2006 года. В документе, в частности, констатировалось, что с 2002 года Глобальное партнерство превратилось в крупномасштабную инициативу, которая способствовала укреплению международной безопасности и стабильности. Удалось добиться серьезного продвижения в уничтожении химического оружия, оставшегося после распада Советского Союза, а также в утилизации и обеспечении физической защиты расщепляющихся материалов.

В последние годы в повестке дня «большой восьмерки» все более значительное место занимает и собственно антитеррористическая проблематика. Так, например, в ходе парижского совещания министров иностранных дел и безопасности в 1996 году были выработаны практические рекомендации по борьбе с этим злом, включая перекрытие финансовых потоков для террористов и противодействие информационному терроризму. После 1996 года такие встречи высших должностных лиц, отвечающих за противодействие международному терроризму, стали регулярными. В ходе саммита «группы восьми» в Эвиане (Франция, 2003 год) была учреждена Группа контртеррористических действий (ГКД) для содействия заинтересованным государствам в наращивании их потенциала противодействия террористической угрозе.

Лидеры «большой восьмерки» постепенно приходят к пониманию того, что борьба с международным терроризмом не может быть сведена лишь к нераспространенческим или военно-полицейским мерам: необходимо обратиться и к социально-политическим, и идеологическим истокам этого явления. Так, в соответствии с Декларацией саммита «группы восьми» о борьбе с терроризмом (Санкт-Петербург, 16 июля 2006 года) «восьмерка» выделяет следующие основные направления борьбы с международным терроризмом:

- осуществление и совершенствование международно-правовой базы в области борьбы с терроризмом;
- обеспечение надлежащего адаптирования национального законодательства для решения новых вызовов в борьбе с терроризмом;
- пресечение попыток террористов получить доступ к оружию и другим средствам массового уничтожения;
- вступление в активный диалог с гражданским обществом для содействия предупреждению терроризма;
- активизацию усилий по противодействию финансированию терроризма на основе согласованных стандартов;
- разработку и осуществление эффективной стратегии по борьбе с террористической пропагандой и вербовкой новых террористов, в том числе в отношении использования террористов-смертников;
- эффективное противодействие попыткам злоупотребления киберпространством в террористических целях, включая подстрекательство к совершению терактов, связь и планирование террористических актов, а также вербовку и обучение террористов;
- предотвращение любых нарушений миграционного режима в террористических целях при одновременном облегчении передвижения на законных основаниях;
- привлечение к суду, в соответствии с обязательствами по международному праву, лиц, виновных в совершении терактов, а также их финансировании, поддержке, планировании подобного рода действий и подстрекательстве к ним;
- обеспечение и поощрение уважения международного права, в том числе в области прав человека, гуманитарного и беженского права, во всех наших контртеррористических усилиях;

— повышение безопасности систем снабжения на основе существующих международных стандартов и наилучшей практики;

— содействие международному сотрудничеству в деле обеспечения безопасности подземного, железнодорожного и автомобильного транспорта и повышение стандартов безопасности воздушного и морского транспорта (см.: [8]).

Говоря об эволюции подхода «группы восьми» к террористической угрозе, директор Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ А.В. Змеевский отметил: «В 2002 году на саммите в Кананаскисе основной акцент был сделан на мерах по укреплению антитеррористической защиты самих стран «восьмерки», в 2003 в Эвиане — на содействии укреплению контртеррористического потенциала третьих стран..., нуждающихся в такой помощи. В принятой же... в Санкт-Петербурге по инициативе России Декларации саммита «Группы восьми» о борьбе с терроризмом утверждена всеобъемлющая стратегия — „глобальная террористическая угроза требует глобальных ответных мер“» [1. С. 23—24].

Действительно, Декларация Санкт-Петербургского саммита о борьбе с терроризмом в гораздо большей степени отвечает критериям всеобъемлющей стратегии, чем те документы по антитеррористической проблематике, которые принимались «восьмеркой/семеркой» ранее. В то же время ни одна такая стратегия не сможет быть достаточно эффективной до тех пор, пока не будет общепризнанного (на уровне «восьмерки» и ООН) правового определения понятия «терроризм».

Региональные контртеррористические структуры

Антитеррористическое взаимодействие между евроатлантическими партнерами. В настоящее время в подходах США и их европейских союзников к террористической угрозе имеются существенные различия. Нынешняя американская администрация предполагает нанести поражение терроризму за счет односторонних, преимущественно военно-силовых, действий, международное же сотрудничество рассматривается официальным Вашингтоном как вспомогательный фактор. Так, в «Стратегии национальной безопасности», принятой в 2002 году, о борьбе с терроризмом говорилось буквально следующее: «Чтобы отразить эту угрозу, мы должны использовать любое оружие в нашем арсенале — военную мощь, лучше организованную систему внутренней безопасности, правоохранительные органы, разведку и решительные меры, направленные на пресечение источников финансирования террористов... Союзы и многосторонние институты могут увеличить силы свободолюбивых стран. Соединенные Штаты привержены таким постоянно действующим институтам, как ООН, Всемирная торговая организация, Организация Американских Государств и НАТО...» (см.: [20]). На первом месте здесь, как мы видим, стоит американская военная мощь, международное сотрудничество — на втором.

А вот составители «Европейской стратегии безопасности» (2003 год) смотрят на многосторонние институты и международные организации совсем иначе: «Фундаментом международных отношений является Хартия Организации Объ-

единенных Наций. Совет Безопасности ООН несет основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Укрепление ООН, обеспечение ее всем необходимым для выполнения своих обязательств и эффективного функционирования — вот приоритет Европы. Мы хотим, чтобы международные организации, режимы и договоры эффективно противостояли угрозам международному миру и безопасности, и должны поэтому быть готовы действовать, когда их нормы нарушены» (см.: [17]).

Итак, американская стратегия борьбы с терроризмом — это ставка на военную мощь США и их ближайших союзников; западноевропейская стратегия борьбы с терроризмом — это курс на укрепление многосторонних международных институтов. Нельзя сказать, что эти стратегии совершенно несовместимы: в Вашингтоне (особенно после Афганистана и Ирака) отдают себе отчет в том, что одна лишь морская пехота и В-52 не могут решить всех проблем внешней политики Соединенных Штатов; с другой стороны, в Западной Европе также понимают, что «беззубые» международные институты не остановят Усаму Бен Ладена и его единомышленников.

Свидетельством стремления трансатлантических партнеров выработать общие подходы к проблеме международного терроризма стала Декларация о борьбе с терроризмом, принятая на саммите США и ЕС в Шенноне (26 июня 2004 года). В пункте 1.1 Декларации стороны берут на себя обязательство поддерживать ведущую роль Организации Объединенных Наций, ее Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, сотрудничать с Контртеррористическим комитетом ООН и вносить свой вклад в программу ООН по наркотикам и преступности. Пункты 2.1—2.11 посвящены расширению сотрудничества сторон в противодействии финансированию террористической деятельности, включая координацию на уровне США — ЕС, укрепление ФАТФ и защиту свидетелей. В пунктах 3.1—3.12 стороны берут на себя обязательства о расширении взаимодействия между правоприменяющими органами, в том числе в рамках Соглашения между США и ЕС об экстрадиции и взаимной правовой помощи (см.: [19]).

Таким образом, Объединенная Европа была вынуждена согласиться со своим заокеанским союзником в том, что терроризм является величайшим вызовом международной безопасности. В свою очередь, Соединенные Штаты были вынуждены согласиться со своими европейскими партнерами в том, что это зло может быть сокрушено лишь при опоре на многосторонние институты и международное право.

В целом, несмотря на наличие общего и опасного врага, американо-европейское партнерство в борьбе с международным терроризмом, по всей видимости, не будет беспроблемным. И главная причина — в том, что, хотя по обе стороны Атлантики и считают международный терроризм опасным врагом, американцам и европейцам непросто договориться о причинах и правовом определении этого явления.

Вот почему до сих пор западноевропейские страны и США не создали никаких совместных антитеррористических органов, в том числе и в формате НА-

ТО. Ни в одном руководящем документе НАТО или других евроатлантических институтов до сих пор нет определения понятия «терроризм».

Антитеррористическое взаимодействие в рамках СНГ. Известные проблемы, с которыми сталкивается в настоящее время Содружество Независимых Государств, не позволяют СНГ превратиться в эффективного координатора антитеррористической деятельности на постсоветском пространстве. Правда, страны — члены Содружества создали несколько антитеррористических структур, однако отсутствие общепринятого правового определения понятия «терроризм», безусловно, является для них серьезной проблемой.

Принципиальное решение о создании Антитеррористического центра (АТЦ) государств — участников СНГ было принято 1 июня 2000 года на саммите СНГ в Москве. Это решение подписали главы всех стран — членов Содружества, кроме Туркмении. Общее руководство работой АТЦ осуществляет Совет руководителей органов безопасности и специальных служб государств — участников СНГ (СОРБ) (председателем Совета является директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации Н. Патрушев).

На регулярной основе проводятся совместные командно-штабные учения «Юг-Антитеррор», в которых принимают участие представители органов безопасности большинства государств СНГ. В настоящее время АТЦ возглавляет генерал-полковник милиции А. Новиков (Российская Федерация). Деятельность АТЦ осуществляется на плановой основе в соответствии с Программой сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом на период 2005—2007 гг. (см.: [5]).

В целях обеспечения координации и взаимодействия в вопросах борьбы с терроризмом между АТЦ СНГ и компетентными органами государств Центральной Азии в Бишкеке развернуто отделение АТЦ по Центральноазиатскому региону. В марте 2003 года в АТЦ создан контактный пункт связи с Контртеррористическим комитетом СБ ООН.

Противодействие терроризму в рамках СНГ поставлено на солидную правовую основу: заключен Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом (ратифицирован Россией в декабре 2004 года). Положениями Договора определены такие конкретные направления сотрудничества, как обмен информацией, разработка и принятие согласованных антитеррористических мер, направление по согласованию с заинтересованными государствами специальных антитеррористических формирований, подготовка специалистов, поставка специальных средств, техники и другие. Слабым местом данного Договора, однако, является то, что в нем не дается определения понятия «терроризм», а террористы рассматриваются как обычные уголовные преступники (см.: [7]).

Давая оценку антитеррористической деятельности государств — членов СНГ, директор ФСБ РФ Н. Патрушев отметил, что она осуществляется на стабильной основе, хотя наличие серьезных разногласий между странами — членами Содружества и проблем в функционировании СНГ не может не сказываться и на взаимодействии спецслужб на постсоветском пространстве (см.: [2]).

Контртеррористическая деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Договор о коллективной безопасности (ДКБ) подписан 15 мая 1992 года в Ташкенте главами шести государств — участников СНГ — Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Узбекистана. Договор предусматривает оказание помощи государству — участнику Договора в случае совершения против него акта агрессии в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН.

14 мая 2002 года в Москве главы государств — участников Договора приняли решение о преобразовании ДКБ в полноценную международную организацию — Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В соответствии с Уставом ОДКБ государства-члены принимают совместные меры к формированию в рамках Организации действенной системы коллективной безопасности и созданию региональных группировок войск, координируют свои усилия в борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, оружия, организованной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами их безопасности. Высшим органом ОДКБ, рассматривающим принципиальные вопросы деятельности Организации, является Совет коллективной безопасности (СКБ), состоящий из глав государств-членов.

25 мая 2001 года на сессии в Ереване Совет коллективной безопасности утвердил Положение о Коллективных силах быстрого развертывания (КСБР) Центрально-азиатского региона коллективной безопасности, Положение об органе управления КСБР, Протокол о составе и дислокации национальных формирований (контингентов) КСБР и Протокол о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности. В соответствии с указанными документами летом 2001 года сформированы КСБР численностью до 1600 человек (по 1 батальону от Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана), назначен командующий КСБР и создана Постоянная оперативная группа (ПОГ) штаба КСБР в Бишкеке. Сессия СКБ в апреле 2003 года в Душанбе приняла решение о создании с 1 января 2004 года Объединенного штаба (ОШ) во главе с представителем страны, председательствующей в Совете коллективной безопасности (см.: [14]).

Страны — члены ОДКБ регулярно проводят контртеррористические учения. Совместное командно-штабное учение «Рубеж-2007» прошло с 27 марта по 6 апреля 2007 года на территории России и Таджикистана. Тема учения: «Применение сил и средств системы коллективной безопасности в контртеррористической операции в Центральноазиатском регионе коллективной безопасности». В маневрах приняли участие подразделения Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) Центральноазиатского региона из России, Казахстана и Таджикистана, оперативные группы от военных ведомств Армении, Киргизии и Узбекистана.

Хотя среди нормативных актов ОДКБ нет документа, в котором содержалось бы определение терроризма, страны — члены Организации, как представляется, не испытывают в связи с этим каких-либо трудностей. Среди правящих элит этих стран имеется общее понимание, что террористическая угроза для них исходит из-за рубежа и, по преимуществу, с юга — со стороны беспокойного

Афганистана и религиозных экстремистов исламских стран. Поэтому для отражения этой угрозы особую роль играют чисто военные силы и средства.

Характерным в этом смысле является недавнее высказывание министра обороны Киргизии генерал-лейтенанта И. Исакова, который заявил, что военная структура, сформированная в рамках ОДКБ, способна защитить государства — члены ОДКБ от угрозы международного терроризма: «Речь идет о Коллективных силах, то есть частях и подразделениях сухопутных сил, и их авиационном компоненте — российской авиабазе «Кант». Теперь при возникновении внешней угрозы для одной из стран — участниц ОДКБ решение о применении военной силы может быть принято в максимально сжатые сроки» (см.: [13]).

Разумеется, можно спорить о том, насколько такое понимание террористической угрозы является адекватным. Однако единство мнений по этому вопросу, безусловно, способствует взаимодействию стран — членов ОДКБ в анти-террористической сфере.

Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) в борьбе с международным терроризмом. С января 2004 года ШОС функционирует в качестве полноценной международной организации, куда входят в качестве полноправных членов Казахстан, Киргизия, КНР, Российская Федерация, Таджикистан и Узбекистан. Постоянно действующие органы — Секретариат в Пекине (Исполнительный секретарь — Чжан Дэгуан, КНР) и Региональная антитеррористическая структура (РАТС) с Исполнительным комитетом в Ташкенте (директор Исполкома РАТС — В.Т. Касымов, Узбекистан).

Сформирована необходимая правовая база для антитеррористической деятельности ШОС, включая Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 год). В рамках ШОС созданы механизмы регулярных встреч секретарей советов безопасности, генеральных прокуроров, министров, отвечающих за оборону и спасательные службы, проводятся совместные контртеррористические учения (см.: [16]).

Что касается собственно РАТС, то ее Исполнительный комитет начал функционировать с 1 января 2004 года. Основными задачами и функциями РАТС являются: поддержание рабочих связей и координация действий с компетентными органами государств — членов ШОС по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; сбор и анализ информации, предоставляемой государствами-членами по вопросам борьбы с «тремя злами» (терроризм, сепаратизм и экстремизм), создание банка данных антитеррористической структуры, внесение соображений по развертыванию Организацией сотрудничества в борьбе против «трех зол» (см.: [11]).

Именно в формате РАТС была подготовлена «Программа сотрудничества государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007—2009 годы», которая была подписана на Саммите глав государств — участниц ШОС летом 2006 года.

Свидетельством дееспособности новой антитеррористической структуры стало регулярное (начиная с 2005 года) проведение учений и военных маневров

контртеррористической направленности. Особенным размахом отличались совместные антитеррористические учения стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) «Мирная миссия-2007» (Челябинская область, август 2007 года). Это были первые учения, в которых приняли участие подразделения всех стран ШОС. В маневрах было задействовано свыше 7500 военнослужащих и более 1200 единиц вооружений и военной техники.

Члены организации полностью едины в понимании природы террористической угрозы. В Статье 1 Шанхайской конвенции дано исчерпывающее определение понятия «терроризм»: «...Любое... деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» (см.: [15]).

Единство стран — членов ШОС по вопросу о правовом определении международного терроризма существенно повышает эффективность антитеррористического взаимодействия Шанхайской Организации Сотрудничества.

* * *

Анализ существующих глобальных и региональных антитеррористических структур показывает, что Антитеррористическая коалиция сталкивается в настоящее время с серьезнейшими концептуальными и организационными трудностями.

Во-первых, до сих пор не удалось сформулировать определение международного терроризма, которое было бы политически приемлемым для ведущих субъектов международных отношений.

Во-вторых, отсутствует единство мнений относительно природы международного терроризма. Лидер коалиции — Соединенные Штаты — увязывает победу над терроризмом с глобальными демократическими преобразованиями, в соответствии с американскими представлениями о том, что такое «демократия». Другие влиятельные участники коалиции либо не согласны с такой радикальной постановкой вопроса, либо усматривают в американском подходе подкуп под их государственный суверенитет.

В-третьих, целостность антитеррористической коалиции подвергается эрозии ввиду практикуемых рядом государств двойных стандартов в подходе к терроризму. Непрекращающиеся попытки разделить террористов на «плохих» (то есть тех, кто убивает «нас» и наших союзников), и «хороших» (то есть тех,

кто убивает «не нас»), уже сейчас ведут к ослаблению единства мирового сообщества в противостоянии международному терроризму.

Как следствие, антитеррористическая коалиция до сих пор не имеет работоспособной структуры. Как Контртеррористический комитет СБ ООН, так и Группа контртеррористических действий G8 не раскрыли в полной мере свои возможности в деле координации антитеррористических усилий международного сообщества, и главной причиной тут является отсутствие единства в подходах к международному терроризму. Лишь те региональные антитеррористические структуры демонстрируют эффективность, участникам которых удалось выработать общее понимание того, с чем они борются.

Вот почему, по нашему мнению, не приходится говорить об эффективном *антитеррористическом режиме* в современной системе международных отношений: международному сообществу еще предстоит создать такой режим.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Статья написана при финансовом содействии Российского гуманитарного научного фонда (Проект конкурса РГНФ «Образ России в современном мире» 2006 г. «Россия в борьбе с международным терроризмом: границы повышения позитивного образа страны». 06-03-04159а).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Змеевский А.В. Антитеррористическое партнерство «восьмерки» // Международная жизнь. — 2006. — № 8.
- [2] Мамонтов В. Директор ФСБ России Николай Патрушев: «Международное сотрудничество спецслужб плодотворно развивается» // Известия. — 2007. — 22 мая.
- [3] Поздняков Э.А. Философия политики. — 2-е изд., испр. и доп. — Ч. 2. — М., 1994.
- [4] Терроризм: история и современность / Кофман Б.И., Миронов С.Н., Сафаров А.А., Сафиуллин Н.Х. — Казань, 2002.
- [5] Тихонов А. Террористам перекрывают кислород // Красная звезда. — 2007. — 28 сентября.
- [6] International Regimes. / Ed. by S. Krasner. — Ithaca: Cornell University Press, 1983.

Интернет-ресурсы

- [7] Антитеррористический центр государств — участников СНГ (Справочная информация) // <<http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/52b86a6b9f27da78432569ee0048fe02/432569d800221466c325704300315427?OpenDocument>>
- [8] Декларация саммита «Группы восьми» о борьбе с терроризмом // <<http://www.kremlin.ru/text/docs/2006/07/108851.shtml>>
- [9] Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. 2004 г. Организация Объединенных Наций. 59 сессия. А/59/565 // <<http://www.un.org/russian/secureworld/report.htm>>
- [10] Заявление «Группы восьми» об укреплении программы ООН по борьбе с терроризмом // <<http://www.mid.ru/ns-g8.nsf/4681a749b12257b3432569ea003614e4/432569ed00401c0ec32571ae0021dce2?OpenDocument>>
- [11] Краткие сведения о Региональной антитеррористической структуре Шанхайской организации сотрудничества // <<http://www.china.org.cn/russian/225508.htm>>

- [12] Луков В.Б. Россия в «Большой восьмерке»: из гостей — в председатели // Россия в глобальной политике. — 2006. — № 3 // <http://www.globalaffairs.ru/numbers/20/5777.html> // <http://www.dkb.gov.ru/start/index.htm>
- [14] Россия и Организация Договора о коллективной безопасности // <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/3a813e35eb116963432569ee0048fdb/432569d800221466c325704300315421?OpenDocument>
- [15] Шанхайская Конвенция // http://www.ecrats.com/ru/docs/read/shanghai_convention
- [16] Шанхайская организация сотрудничества (справочная информация) // <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/432569d80021985fc325711d003b9e9d?OpenDocument>
- [17] A Secure Europe in a Better World: European Security Strategy. — Brussels. — 12 December 2003 // <http://ue.eu.int/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>
- [18] G8 Summit Statement on Counter Terrorism — Security in the Era of Globalization // <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2007heiligendamm/g8-2007-ct.pdf>
- [19] Text of U.S.-EU Declaration On Combating Terrorism. U.S.—EU Summit. Dromoland Castle. — Shannon, Ireland. — 26 June 2004 // <http://www.state.gov/p/eur/rls/fs/36892.htm>
- [20] The National Security Strategy of the United States of America. September 2002 // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.pdf>

THE INTERNATIONAL COMMUNITY IN STRUGGLE AGAINST TERRORISM: PROBLEMS OF STRUCTURIZATION

V.I. Batyuk

Russian Academy of Sciences
Institute of USA and Canada Studies
Khlebny per., 2/3, Moscow, Russia, 123995

The international anti-terrorist coalition faces now serious difficulties of conceptual and natural origin. First, the acceptable for the leading nations definition of international terrorism was not formulated yet, and, second, unanimity on the origin of international terrorism is lacking. That is the reason for absence of efficient anti-terrorist international regime.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ

Н.В. Шуленина

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются особенности и специфика формирования правовой основы экологической политики в контексте современного мира. Автор анализирует основные подходы к определению экологического права и экологической политики.

В политическом плане вопрос об охране окружающей среды был поставлен непосредственно после окончания Второй мировой войны, когда создание ООН зафиксировало неразрывную взаимосвязь понятий «перспективы человечества» и «необходимость консолидации мирового сообщества». Благодаря деятельности Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), созданной при ООН в 1945 году, «мировое сообщество» узнало, что треть человечества хронически недоедает и голодает, и взрывной рост народонаселения при дефиците продовольствия подготавливает почву будущих социально-экономических, политических и социально-экологических катаклизмов. В 1946 году охрана окружающей среды становится одним из ведущих направлений работы ЮНЕСКО. Информирование о состоянии окружающей среды и состоянии исследований по данному вопросу превращается в неотъемлемый элемент культурного и научного развития. Постепенно в общественном сознании закрепляется триада «культура — наука — охрана среды» как стержень нового экологического мировоззрения, в рамках которого начинает оформляться экологическое право.

В течение последующих почти пяти десятилетий (до Конференции Рио-92), насыщенных политико-идеологическими, социально-экономическими трансформациями, интенсивный междисциплинарный исследовательский поиск теоретических основ концепции разрешения экологического кризиса сопровождается поиском механизмов ее реализации как конкретной социально-политической программы. В 1992 году триада «культура — наука — охрана среды» дополняется закономерным соотношением «экология — экономика — политика», знаменующим начало новой эпохи в развитии экологического мышления, эпохи экологической политики.

Вернемся к предыстории вопроса. Первая межправительственная научно-консультативная организация по сохранению природных богатств и их рациональному использованию — Международный Союз Охраны природы и природных ресурсов (МСОП) — возникает по инициативе ЮНЕСКО в 1948 году и принимает непосредственное участие в подготовке Первой Конференции ООН по морскому праву, состоявшейся в Женеве в 1958 году и принявшей подготовленные Комиссией международного права «Конвенцию о территориальном море

и прилегающей зоне», «Конвенцию об открытом море», «Конвенцию о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря», «Конвенцию о континентальном шельфе». Спустя всего три года, в 1961 году, возникает Всемирный фонд дикой природы, и, следовательно, акцентируется внимание на проблеме (в современной формулировке) сохранения биоразнообразия. Экологический и социальный совет ООН (ЭКОСОС) принимает резолюцию о создании сети заповедников по всему миру.

Осмысление последствий восстановления предвоенного экономического потенциала и технологического перевооружения экономики, которое сопровождалось варварским уничтожением природной среды, находит свое отражение в «Комплексе мер по охране и улучшению природной среды» (ЭКОСОС, 1962 год) и в принятой Генеральной Ассамблеей ООН резолюции «Экономическое развитие и охрана природы». Через год в 1963 г. более 100 государств подписывают (в форме бессрочного договора) соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Запрет на проведение атомных взрывов в мирных целях становится пунктом заключенного в 1968 году «Договора о нераспространении ядерного оружия». Всплеск природоохранной активности фиксируют принятые в США законы по охране воздуха (1963 г.), водных ресурсов (1965 г.), дикой природы (1964 г.), утилизации твердых отходов (1965 г.) и ряд других, активное применение которых, несомненно, подтолкнуло к созданию международных ассоциаций по изучению уровней проявления, причин и последствий взаимосвязи частных проблем охраны природы, развития экономики и социальной сферы. В 1968 году фирма «Фиат» и концерн «Фольксвагенверк» образуют первую международную ассоциацию по изучению глобальных проблем — «Римский клуб».

В развитии экологического мышления наступает период алармизма, получивший в конце XX века поверхностную, если не сказать, вульгарную оценку, и в начале XXI века требующий переосмысления (что, к сожалению, выходит за рамки данной статьи). Принципиальным моментом исследовательских работ указанного периода становится идея взаимосвязи проблем охраны природы, темпов экономического развития, здоровья населения; взаимосвязи устойчивости биосферы и степени антропогенного воздействия на нее. Подобная постановка вопроса находит отражение в принятой в 1970 г. Генеральной Конференцией ЮНЕСКО Международной программе «Человек и биосфера». Научная идея целостности биосферы, сформулированная В.И. Вернадским в первые десятилетия XX века, развитая затем П. Тейяром де Шарденом в теологическом, философском аспекте в годы Второй мировой войны, становится базовой идеей экологической парадигмы периода 1970—1990 гг.

Охрана и улучшение окружающей человека среды для нынешнего и будущего поколений стали важнейшей целью человечества, подчеркивается в преамбуле (пункт 6) декларации Стокгольмской конференции 1972 года, проходившей в условиях нарастающего военного, экономического, политико-идеологического противостояния капиталистической и социалистической социальных систем, сопровождаемого безудержным ростом производства и потребления,

загрязнением среды, демографическим взрывом. В указанной декларации актуальные проблемы современности впервые системно проанализированы и отражены в общих принципах дальнейших совместных действий. Мировое сообщество, как отмечалось на конференции, должно консолидировать усилия ради выживания цивилизации путем регуляции своей деятельности и ее последствий на глобальном уровне. Именно человек несет ответственность за сохранение и разумное управление живой природой, следовательно, в планировании экономического развития данные вопросы должны стать ключевыми.

Демократическая политика как безусловный императив современности включает экологическую составляющую: человек имеет право на свободу, равенство, благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет ему вести достойное существование. Политика, унижающая, калечащая природу человека, антидемократична и антиэкологична. Таков гуманистический посыл конференции, положившей начало разработке концепции устойчивого развития. Штабом ее подготовки стала образованная по решению Стокгольмской конференции Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП).

Последующее десятилетие, в течение которого были приняты важнейшие международные конвенции («Брюссельская международная конвенция о создании международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью», 1971 г.; «Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитания водоплавающих птиц», 1971 г.; «Лондонская конвенция о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов и других материалов», 1972 г.; «Парижская конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия», 1972 г.; «Вашингтонская конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС)», 1973 г.), показало, что острота экологических противоречий может быть реально ослаблена при последовательном подходе к их разрешению. Так, нефтяной кризис 1973 года стимулировал интенсивный поиск технологических приемов разрешения социально-экологических проблем. К началу 1980-х годов развитым странам удалось сохранить прежний темп развития при нулевом росте потребления энергии, разработав и внедрив технологии, способствующие экономии традиционных энергоносителей и возможной замене их альтернативными источниками. Определенный успех также был достигнут в решении проблемы «кислотных дождей», проявившейся в начале 1970-х годов гибелью хвойных лесов в ряде северных стран. Под эгидой Экономической Комиссии ООН для Европы была разработана и заключена в 1979 году «Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния», вступившая в действие в 1983 году. Результаты последующей работы по определению ответственности и размеров компенсации за нанесенный ущерб отразились в проведении необходимой технологической модернизации промышленности и значительном снижении загрязнения воздуха оксидами серы и были зафиксированы в принятых «Протоколе об ограничении выбросов оксидов азота» (1988 г.), «Протоколе об ограничении выбросов летучих органических соединений» (1991 г.), «Протоколе относительно дальнейшего сокращения выбросов серы» (1994 г.).

В указанный период корреляция между признаками экологического, социально-экономического и политического неблагополучия становится фактом общественного сознания в большинстве развитых стран, что находит свое закономерное отражение в активном совершенствовании природоохранного законодательства. Например, в США принимается серия законов о национальной энергетике (1978, 1980, 1987 гг.), детализируются законы о чистоте воды (1984, 1987 гг.), воздуха (1989 г.), принимаются законодательные акты о комплексной природоохранной деятельности, компенсациях и ответственности (1980, 1986 гг.), законы об охране млекопитающих и птиц (1982, 1985, 1988 гг.), охране и изучении китов (1986 г.), использовании рыбных ресурсов (1980, 1982 гг.) и охране прибрежной зоны (1982 г.), о безопасности пищевых продуктов (1985 г.), о пестицидах (1988 г.). Постепенно получает распространение и само понятие «экологическая политика» как система образовательных, просветительских, организационных мер, составляющими которой являются мониторинг и инвентаризация природных ресурсов и потенциально опасных для среды предприятий, экологическая экспертиза.

Последующие усилия по формированию экологической политики зафиксированы в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущих поколений» (1980 г.), во Всемирной хартии природы (1982 г.), в докладе «Наше общее будущее» (1987 г.), опубликованных результатах деятельности специальной «Международной комиссии по окружающей среде и развитию» (1983—1987 гг.).

Работа «Наше общее будущее» акцентировала внимание на необходимости поиска новой модели развития всей цивилизации — устойчивого развития, удовлетворяющего потребности современного поколения и не ущемляющего интересы будущих поколений. В 1991 году на конференции министров «Окружающая среда для Европы» в г. Добриш (Чехия) были определены наиболее острые экологические проблемы: изменение климата, истощение стратосферного озонового слоя, кислотные дожди, тропосферный озон, отходы, химические вещества, биоразнообразие, состояние континентальных водоемов, морских и прибрежных экосистем, деградация почв, состояние урбанизированной окружающей среды, техногенные и природные бедствия. Официально термин «устойчивое развитие» был закреплен в документе «Программа действий. Повестка дня на XXI век», принятом на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (КОСР), состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 1992 году, явившейся грандиозной попыткой разработки базовых принципов консолидированных действий по предотвращению социально-экологического кризиса (см.: [5]). Концепция устойчивого развития стала закономерным итогом неуклонного нарастания в течение почти полувека внимания ученых, общественности, политиков к экологической проблеме как проблеме политической. Неразрывность экономического развития и сохранения окружающей среды означает, что «экономическое развитие в отрыве от экологии ведет к превращению планеты Земля в пустыню; упор на экологию без экономического развития закрепляет нищету и неспра-

ведливость, экология без права на действия становится частью системы порабощения; равенство без экономического развития означает нищету для всех; право на действие без экологии открывает путь к коллективному ...самоуничтожению» [1. С. 10].

Важной частью реализации решений Рио-92 стала разработка большинством стран национальных программ устойчивого развития, усиление природоохранного законодательства, регулярные конференции Министров по охране окружающей среды Европейской экономической комиссии ООН (см.: [4]). Так, уже в 1993 году на конференции в Люцерне была одобрена Программа действий по охране окружающей среды для Центральной и Восточной Европы (ПДОЭС) как основа для разработки соответствующих действий на национальном и локальном уровнях. На конференции 1995 года в Софии были сформулированы принципы реформирования охраны окружающей среды в Европе. К ним, в частности, относятся: принцип интеграции природоохранных идей в процесс принятия правительствами политических решений, принцип участия общественности, принцип превентивности и принцип «загрязнитель платит», принцип реализации международных обязательств, принцип устойчивых моделей потребления; принцип учета воздействия продукции на окружающую среду на протяжении всего ее жизненного цикла, принцип развития экономических инструментов охраны окружающей среды. Событием стала конференция в Орхусе (Дания, 1998 г.), принявшая политическое заявление по энергоэффективности; конвенцию, гарантирующую экологические права граждан, и Общеввропейскую стратегию биологического и ландшафтного разнообразия. Первые международные стандарты охраны окружающей среды «ISO 14000» были разработаны в 1996 году.

Итоги десятилетия реализации программных положений Рио-92 подвел состоявшийся в Йоханнесбурге в 2002 году Всемирный саммит по устойчивому развитию, акцентировавший внимание на необходимости взвешенной оценки данного процесса. Серьезно затрудняет достижение целей устойчивого развития, как было отмечено на саммите, отсутствие политической воли по соблюдению существующих правовых механизмов, проявившееся в ратификации Киотского и Картахенского протоколов небольшим числом государств; недостаточное внимание, уделяемое издержкам глобализации в сфере культуры, социальных отношений, здоровья населения; срыв выплат развитыми странами финансовых средств в размере 0,7% своего ВВП в качестве помощи; увеличение бедности, особенно в сельских районах; отсутствие должной научной и профессиональной квалификации человеческих ресурсов в развивающихся странах и отсутствие эффективной поддержки развития образования; увеличение военных бюджетов и конфликтов в мире; скромные успехи в борьбе с коррупцией и другие факторы. В то же время нельзя отрицать и реальных достижений в разрешении социально-экологических противоречий как на глобальном, так и на национальном и локальных уровнях. Речь, прежде всего, идет о понимании сущности экологической политики и значимых результатах в развитии экологического права.

По генезису и последствиям экологические проблемы — это общественные проблемы. И главная задача, которая должна быть решена современным об-

ществом — управление экологическими рисками и обеспечение экологически безопасного развития. В этой связи экологическую политику следует рассматривать как закономерный этап развития и последовательной трансформации в новых исторических условиях природоохранной политики в системную общественную деятельность по регуляции экологических процессов. Государственная экологическая политика может быть определена как совокупность решений и действий уполномоченных властных и управленческих органов, осуществляемых ими в масштабах государства по направлениям природоохраны и природопользования. По содержанию понятие «государственная экологическая политика» близко понятию «экологическая функция государства». Экологическая функция государства выражается в гармонизации соотношения интересов экономической модернизации и экологических интересов общества в ходе деятельности по стабилизации экологической обстановки, рациональному использованию природных ресурсов, находящихся в собственности государства. Государственная экологическая политика большинства развитых стран, как уже отмечалось, основывается на принципах устойчивого развития, провозглашенных на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году.

Критерием правомерности деятельности государственных органов и хозяйствующих субъектов является учет экологических требований. Сохранение и восстановление природной среды, регулирование природопользования, обеспечение экологической безопасности, снижение всех видов антропогенного загрязнения представляют собой приоритетные направления государственной экологической политики ведущих стран современного мира. Игнорирование отдельных проявлений и системного характера социально-экологического кризиса определяет суть несовершенной (деэкологизированной) экологической политики и экологического законодательства, дополняемых, как правило, коррумпированным экологическим управлением.

На современном этапе экологическое право является самостоятельной и комплексной отраслью права, формирование которой на международном и национальном уровнях было завершено в 80-е годы XX века. К предпосылкам формирования и развития экологического права принято относить социально-экологический кризис (региональный, национальный, глобальный) и государственную экологическую политику. Социально-экологический кризис представляет собой совокупность антропогенных и естественных изменений физико-химических и биологических констант среды, характеризующуюся: ухудшением качества и снижением потребительской ценности, истощением стратегических и других важных для технологической основы современного общества ресурсов; возникновением угрозы жизни биологическим организмам, включая человека, под воздействием деградирующей среды обитания. Традиционный подход к определению понятия и предмета экологического права («консервативная охрана природы и ландшафтов») не адекватен специфике современного этапа взаимодействия общества и природы.

Экологически значимое общественное поведение составляет собственный предмет регулирования и определяет самостоятельность экологического права. Специфические задачи сохранения окружающей природной среды, восстановления экосистем, обеспечения экологической безопасности населения, поддержания экоправопорядка и т.д. принципиально не могут быть решены другими отраслями права. В то же время экологические нормы как новые вторичные правовые образования органично взаимодействуют с нормами фундаментальных и производных отраслей права. Комплексность экологического права определяется комплексностью объекта его регулирования — окружающей средой, и характеризуется отсутствием единого метода и механизма регулирования.

Правомерно определение экологического права, акцентирующее тот принципиальный для современного этапа взаимодействия общества (как новой геологической силы в системе планеты) и природы факт, что любое воздействие на среду является ее использованием. Экологическое право, таким образом, следует понимать как совокупность правовых норм, регулирующих общественные экологические отношения, объединяющих две подструктуры — природоохранное право, т.е. совокупность правовых норм, регулирующих охрану окружающей среды, и природоресурсовое, регулирующее отношения по использованию и охране природных ресурсов. Конструктивно как в теоретическом, так и в практическом плане определение экологического права как совокупности норм, регулирующих общественные (экологические) отношения в сфере взаимодействия общества и природы в интересах сохранения и рационального использования окружающей природной среды для настоящих и будущих поколений.

Следует отметить, что отдельные нормы, институты, регулирующие аспекты природопреобразовательной деятельности, имеют долгую историю. Но именно формулирование задачи охраны окружающей среды как политической проблемы способствовало систематизации экологических правовых идей и отражающих их предписаний и повлияло на интенсивное развитие экологического права в последние десятилетия XX века.

Для экологического права характерно активное использование терминологии естественных наук, а также узкопрофессиональная нацеленность текстов нормативно-правовых актов. В развитии экологического права закономерно и широкомасштабно проявляется тенденция сближения различных правовых систем, стремление к максимальной унификации правовых принципов. За предшествующее десятилетие неуклонно возрастала степень юстициарности экологического права. Экологическое право характеризуется объемностью и разнообразностью нормативного материала. Специалисты отмечают, что «массив актов только специального экологического нормотворчества фактически необозрим» [2. С. 12]. Данное обстоятельство провоцирует сложности, связанные с кодификацией и систематизацией экологического законодательства. Смешанность методов правового регулирования не позволяет однозначно отнести экологическое право ни к публичному, ни к частному праву.

Главная цель экологического права состоит в сохранении жизни на Земле и обеспечении необходимых условий жизнедеятельности человека и определяет

статус экологического права как над/супер/сверхотрасли права [2. С. 19], важнейшими характеристиками которого являются глобальность и значимость в современном мире. Экологическое право формируется путем взаимодополняемости международного и национального регулирования как отрасль интегративного типа с опорой на универсальные стратегии. Новизна, конфликтность и реактивность на кризисные ситуации — свойства, отражающие высокий уровень адаптированности экологического права к реалиям современности. В экологическом праве обособляются в новые предметы правового регулирования такие явления, как экологическое преступление, торговля окружающей средой, право чрезвычайных экологических ситуаций, генно-инженерная деятельность и т.д.

Экологическое право отражает конфликт между экономическими и экологическими интересами, между ростом потребления и необходимостью защиты природной среды, между формальным согласием всех членов общества с принципами и целями экологического права и реализацией правовых предписаний в конкретном поведенческом акте. Разрешение социально-экологических противоречий рассматривается как последовательная реализация установленных правом действий.

Цели экологического права непосредственно обеспечиваются специальными институтами, к которым относятся природоохранные прокуратуры, экологическая милиция, экологические суды (Международный экологический трибунал в Мадриде), ведомства, созданные для контроля в области соблюдения экологического законодательства и управления природоохраной. К основным принципам международного экологического права относят: принцип предусмотрительности, реализуемый в защите людей от низкого качества среды, в управлении рисками и их минимизации; принцип компенсации, соединяющий потребительские интересы граждан и интересы природоохраны; упомянутый выше принцип «загрязнитель платит», принцип предотвращения угрозы; принцип полного возмещения вреда за экологический ущерб, принцип ответственности государства перед мировым сообществом за использование им природной среды. Подчеркнем, что реализация принципов экологического права опирается на комплексный подход к решению экологических проблем, выработанный в ходе развития экологической политики. Например, уже по Договору об учреждении Европейского экономического сообщества (Рим, 1957 г.) Сообщество ставило перед собой задачу содействия устойчивому и безинфляционному росту, который бы позволил сохранить окружающую среду, и относило политику ее защиты к числу приоритетных видов деятельности. Осуществление экологической политики ЕС происходит во взаимодействии с индустриальной политикой (обмен информацией, совершенствование планирования, экологический аудит); энергетической политикой (снижение выбросов в атмосферу, разработка альтернативных источников); транспортной политикой (улучшение инфраструктуры, снижение выбросов, развитие экологических технических средств); сельскохозяйственной (и лесохозяйственной) политикой (ограничение применения пестицидов, стабилизация нитратов в подземных водах, расширение площадей лесовосстановительных работ); торговой политикой (соблюдение запрета на дискриминацию в отношении развива-

ющихся стран); региональной политикой (стремящейся к сокращению в уровнях социально-экономического и экологического развития стран — членов ЕС); политикой в области туризма (пытающейся совместить улучшение его качества с усилением охраны природы, справедливо критикуемой еще О. Леопольдом применительно к США).

Экологическая политика ЕС убеждает в трудности поиска баланса между рыночными механизмами, частной инициативой и государственным принуждением. Некоторые ведущие специалисты (например, Л. Кремер) отдают предпочтение в деле охраны природы государственному принуждению (см.: [3]). Особое внимание в странах ЕС уделяется совершенствованию экономических механизмов охраны окружающей среды. Государственная помощь природоохранным мероприятиям составляет почти до 30% проводимых ЕС инвестиций и реализуется в виде поддержки инновационных проектов, грантов (например, на производство экологически чистой сельхозпродукции, строительство очистных сооружений, сокращение в интересах сохранения дикой природы сельскохозяйственных площадей и т.д.). В ЕС развиты и широко применяются при реализации экологической политики и правовых предписаний экологического характера разрешительные и уведомительные процедуры, действуют несколько видов лицензирования (на выбросы, на ухудшение качества окружающей среды, на производство и оборот продукции — пестицидов, биоцидов, генномодифицированных организмов и др.). Важно отметить, что экологическое право не является панацеей; его роль и потенциал ограничены необратимостью последствий загрязнения, деградации среды, невозможностью предусмотреть, оценивая прошлые ошибки, все последствия будущих воздействий на среду, невозможностью возмещения всех прошлых экологических ущербов и обеспечения адекватной природоохраны, например, в зонах военных конфликтов.

Стимулом к поиску эффективных правовых решений выступают возникающие и усугубляющиеся экологические конфликты и кризисы, способные кардинально влиять на систему соотношений между экологическим правотворчеством, правореализацией, экологически значимым общественным поведением, правообеспечивающей деятельностью, и, экологическим правовым мышлением как совокупностью темперируемых спецификой современного этапа развития способов разрешения глобальной экологической проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Васильев В.Г.* Экология, энергетика, экономика, этнология устойчивого развития общества XXI века. — М., 2007.
- [2] *Дубовик О.Л.* Экологическое право: Учеб. — М., 2005.
- [3] *Кремер Л.* Экологическая политика Европейского Союза // Современное экологическое право в России и за рубежом. — М., 2001.
- [4] Осуществление Повестки дня на XXI век. Доклад Генерального секретаря ООН. Комиссия по устойчивому развитию, действующая в качестве подготовительного комитета Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. 28 января — 8 февраля 2002 г. (http://www.un.org/russian/coferen/wssd/docs/ecn_17-02pc2-7.pdf).
- [5] Программа действий. — Женева: Центр за наше общее будущее, 1993.

ECOPOLITICS IN THE MODERN WORLD: GENESIS AND DEVELOPMENT OF LEGAL PRINCIPLES

N.V. Shulenina

The Department of Political Science
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the definition, analysis of features and specificity of legal principles of ecopolitics. The author considers its main steps in the modern world' context. The genesis and development of legal principles of ecopolitics are analyzed.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

С.П. Пономарь

Кафедра прикладной политологии
Государственный Университет — Высшая школа экономики
Кочновский проезд, 3, Москва, Россия, 125319

Теория социального капитала в конце XX века заняла важное место в арсенале целого ряда социальных наук, в первую очередь экономики, политологии и социологии.

Накопление социального капитала благоприятствует социально-экономическому развитию, поскольку взаимное доверие снижает транзакционные издержки и способствует распространению общественно полезной информации.

Термин «социальный капитал» в конце XX века приобрел широкую популярность не только в академическом сообществе, но и далеко за его пределами. В течение последних десятилетий прошлого века концепция социального капитала стала одним из наиболее популярных теоретических продуктов, востребованных в общественно-политической публицистике.

Этим термином часто оперируют политики и журналисты, для которых социальный капитал превратился в своеобразную панацею от всех болезней общественного организма. Суть концепции социального капитала состоит в утверждении, согласно которому вовлечение индивида в групповую деятельность может иметь ряд позитивных последствий и для него самого, и для сообщества в целом.

В этом ключе термин «социальный капитал» использовала еще в 1961 году Джейн Джекобс в ее исследовании детской и подростковой преступности в разных городских кварталах. Свойство, которым различались кварталы с высоким и низким уровнем вовлеченности людей в дела местного сообщества, Дж. Джекобс назвала социальным капиталом. Она определила социальный капитал как «сложную сеть социальных отношений, создаваемую в течение длительного времени, которая обеспечивает взаимную поддержку в трудные времена, увеличивает степень безопасности на улицах и усиливает чувство гражданской ответственности» [21. Р. 118].

Один из наиболее активных апологетов теории социального капитала Роберт Патнэм, склонный объяснять многие болезни общества ослаблением связей между его членами, отстранением людей друг от друга и снижением их общественной активности, положил начало заимствованию концепции социального капитала политической наукой. В рамках предложенного им подхода социальный капитал означает свойство социальных организаций, способствующее распространению взаимного доверия, облегчающего сотрудничество в общих интересах [17. Р. 35—42]. Последователи Р. Патнэма обычно считают, что для обществ

с большим запасом социального капитала характерен высокий уровень политического участия, проявляющийся в членстве в политических ассоциациях, высокие тиражи политических газет и т.д.

Не удивительно, что в современной политической науке социальный капитал изучается в качестве свойства больших человеческих сообществ, в особенности стран и регионов. С этой точки зрения рейтинги стран и регионов строятся, как правило, на основе результатов массовых опросов о том, в какой мере граждане доверяют друг другу и различным общественным институтам, а также участия граждан в деятельности различных добровольных ассоциаций [18. Р. 15—20]. Иногда в качестве дополнительного аспекта социального капитала используют также показатели электоральной активности и другие данные, свидетельствующие о степени вовлеченности граждан в политический процесс [17. С. 122].

Однако социальный капитал выступает не только в качестве элемента «общего блага». Он может также являться фактором конкурентного преимущества людей и организаций. Известный французский социолог Пьер Бурдьё определил социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [2. С. 66]. Поэтому от отдельного человека требуются осознанные инвестиции в установление и поддержание социальных связей. В рамках этого подхода социальные сети существуют именно потому, что максимизируют выгоды их участников, предоставляя каждому доступ к ресурсам партнеров. Понимаемый таким образом социальный капитал может быть легко конвертирован в капитал экономический. Человек находит «по знакомству» хорошую работу, или дешевле снимает квартиру. Предприниматель «по знакомству» получает доступ к кредиту быстрее и на более выгодных условиях. Даже в бытовой лексике бизнесменов активно используется понятие «кредит доверия» [1. С. 126—159, С. 128]. Фирма, пользующаяся доверием поставщиков и потребителей, образующих своеобразную сеть, а также соблюдающая нормы, принятые в бизнес-сообществе, приобретает благоприятную репутацию, отражающуюся на прибыли и капитализации компании.

Аналогичная ситуация складывается и в политике. Для политических партий актуальны все соображения, высказанные выше. Партия, пользующаяся доверием избирателей и поддерживающая устойчивые отношения с контрагентами (общественными организациями, деловыми структурами и различными группами интересов) может получить преимущество перед конкурентами. Мы рассмотрим, каким образом партии используют два важнейших элемента социального капитала: социальные сети и доверие.

Здесь, конечно, необходимо проводить различие между кадровыми и массовыми партиями, по терминологии М. Дюверже (см.: [6]). Для массовых партий многочисленные партийные организации представляют собой основной организационный и даже финансовый ресурс, поскольку партийный аппарат содержится

за счет членских взносов, а при проведении избирательных кампаний партии этого типа полагаются на трудозатратные методы коммуникации, такие, как кампания «от двери к двери». Кадровые партии не стремятся наращивать членскую базу, поскольку их финансирование обеспечивают бизнес-структуры, а в период избирательной кампании они доносят информацию до избирателей при помощи СМИ.

Массовые партии выстраивают опору на формализованную социальную сеть, состоящую из членов партии. Принято выделять два вида стимулов к членству в политических партиях: коллективные и селективные. Коллективные стимулы связаны с идеологией и поиском единомышленников. Идеологически мотивированный гражданин не стремится к материальным выгодам. Наоборот, он готов поддерживать партию взносами и выполнять для нее некоторые виды работ на безвозмездной основе. В качестве компенсации он получает, главным образом, чувство психологического комфорта от участия в общем «праведном» деле. Наиболее распространенным селективным стимулом для вступления в партию является желание сделать политическую карьеру, что обычно предполагает победу на выборах в различные органы государственной власти с помощью партийных ресурсов [4. С. 16].

Селективные стимулы важны также для членов кадровых партий, но, костяк кадровых партий составляют, в основном, нотабли, то есть люди, уже обладающие весомым социальным статусом. В их случае речь идет, скорее, не о карьерном росте как таковом, а о конвертации одного ресурса в другой (например, финансового капитала в политический). Предприниматель, желающий пожертвовать партии пару миллионов долларов в обмен на кресло депутата Государственной Думы, не обнаруживает в этой сделке ничего принципиально отличающего политику от бизнеса. У кадровых партий, таким образом, существуют свои сети, но они невелики по масштабам и менее формализованы.

Для массовых партий привлечение большого количества членов жизненно необходимо. Классическим примером массовых партий принято считать коммунистические партии Западной Европы. В зените своего организационного могущества они привлекали в свой состав миллионы представителей рабочего класса. Им удавалось эффективно отстаивать интересы работников, занятых физическим трудом, за счет чего были сформированы крепкие связи с профсоюзами и устойчивые партийные идентификации значительной части избирателей, формально не вступивших в партию, но с готовностью голосующих за нее на всех выборах в течение многих десятилетий. Собственно, партийную идентификацию и можно считать показателем доверия избирателей к политической партии. Доверие как раз и помогает снижать издержки на сбор и обработку информации. Избиратель, идентифицирующий себя с определенной партией, может позволить себе не тратить силы и время на изучение программ конкурентов, поскольку его выбор предопределен.

Однако в конце XX века массовые партии в развитых западных странах столкнулись с вызовом модернизации социальной жизни. Переход к постиндуст-

риальному обществу сопровождался уменьшением количества «синих воротничков», что подорвало позиции традиционных профсоюзов. Рост благосостояния и образования наемных работников в целом сделал менее четкими классовые различия в образе жизни, в результате чего оказались размыты прежние групповые идентичности. Все чаще основным мотивом электорального выбора становилась не манифестация лояльности гражданина к социальной группе или политической партии, а оценка избирателем результатов деятельности правящей на данный момент партии или конкретного политического лидера. Именно эти тенденции привели к росту популярности в политической науке теоретической модели рационального электорального выбора.

Кроме того, выяснилось еще одно немаловажное обстоятельство. Сеть партийных активистов в определенной ситуации может превратиться в гирю на шее партии, препятствующую электоральному успеху. Если активисты руководствуются не карьерными соображениями, а именно приверженностью идеологии, то степень их идеологического радикализма часто выходит за рамки, приемлемые для большинства избирателей. В результате партия сдвигается из центра политического спектра к краю, теряя шанс на поддержку неидеологизированного «среднего» избирателя.

Показательна в этом отношении история Лейбористской партии Великобритании. В 1979 году лейбористы потеряли большинство в парламенте, уступив власть консерваторам во главе с Маргарет Тэтчер. Избиратели были разочарованы результатами политики активного вмешательства государства в экономику, которая включала в себя национализацию ряда отраслей промышленности и создание режима наибольшего благоприятствования в отношении профсоюзов. Критики утверждали, что именно лейбористы несут ответственность за уменьшение предпринимательской активности и разрушение трудовой этики, а также снижение темпов экономического роста. Казалось бы, партия должна была учесть недовольство избирателей и скорректировать свою программу таким образом, чтобы вернуть симпатии большинства. Но развитие событий пошло по другому сценарию. Контроль над партией перешел в руки левых активистов, выступавших за еще более масштабную национализацию и одностороннее ядерное разоружение страны. Только серия поражений на парламентских выборах 1983, 1987 и 1992 годов заставила партийное руководство смириться с мыслью о необходимости изменения электоральной стратегии и принципов внутрипартийной организации.

Новому партийному руководству во главе с Тони Блэром с большим трудом удалось освободиться от контроля со стороны профсоюзов и свести к минимуму роль партийных активистов левого толка. После этого сдвиг в центр политического спектра не вызвал затруднений и принес ожидаемую победу. Успех британских лейбористов на выборах 1997 года считается классическим примером выхода политической партии из затяжного кризиса с помощью выбора верной политической стратегии. Однако в это же время (между 1990 и 1999 годами) радикально снизилась численность самой партии [19. Р. 88].

Аналогичные процессы происходили в конце прошлого столетия и в других странах. По утверждению американского политолога Эрика Усланера, «чрезмерный запас социального капитала может повлечь за собой неудачу на выборах» [22. Р. 12—13]. В современных высококонкурентных избирательных кампаниях партийные лидеры напрямую обращаются к избирателям посредством СМИ, минимизируя роль партийных активистов. Партия, опирающаяся на активистов, лишается необходимой идеологической гибкости.

Вместе с тем необходимо признать, что имеющиеся данные о динамике членства в политических партиях весьма противоречивы. Поскольку не существует универсального определения «партийного членства» для разных стран и разных партий, под это понятие подпадают порой совершенно различные практики. В США членами партий принято называть граждан, которые указывают свою партийную принадлежность (в основном, к одной из двух ведущих партий) при регистрации на избирательных участках. Это не означает, что они каким бы то ни было образом принимают участие в деятельности партийных организаций. При этом они могут вполне открыто заявить, что на данных выборах собираются проголосовать за кандидата от другой партии. В то же время члены большинства европейских социалистических партий обязаны выплачивать членские взносы и периодически посещать партийные мероприятия.

Можно с определенной уверенностью утверждать лишь о снижении показателей «жесткого» партийного членства, предполагающего реальное вовлечение гражданина в деятельность партийной организации. Заметное снижение соответствующих показателей между 1980 и 2000 годами было зафиксировано во Франции, Италии, Великобритании, Норвегии, Финляндии, Голландии, Австрии, Швейцарии, Швеции, Дании, Ирландии, Бельгии и Германии [13. Р. 7—22]. При этом, как свидетельствуют данные сравнительных социологических исследований, на вопрос о принадлежности к партиям граждане этих же стран дают утвердительный ответ не реже, чем 10 и 20 лет назад [16. Р. 12]. Можно предположить, что многие европейские партийные лидеры удивились бы, узнав, как много сограждан считают себя членами возглавляемых ими партий.

Несмотря на то, что вопрос о тенденциях в развитии института партийного членства допускает противоречивые интерпретации, есть аспект проблемы, относительно которого мнения исследователей сходятся. Самые низкие уровни принадлежности к политическим партиям демонстрируют посткоммунистические страны, и в особенности страны бывшего СССР. В середине 1990-х годов, на вопрос социологов о принадлежности к политическим партиям положительно ответили 1,1% респондентов в Польше, 1,6% — в Украине, 1,8% — в Белоруссии, 1,9% — в России, 2% — в Эстонии, 2,9% — в Молдове, 3,2% — в Литве и 3,3% — в Латвии. Для сравнения: в Индии на этот же вопрос ответили положительно 18,6% респондентов, в Швейцарии — 16,9%, в Швеции — 15,1%, в Бразилии — 14,3%, в Южной Корее — 11,8%, в Финляндии — 9,8%, в Австралии — 9,6% [16. Р. 13]. Данные опросов в действительности отражают, скорее, не показатели партийного членства в формате, обычном для массовых пар-

тий, а партийную самоидентификацию граждан. Как мы видим, в России этот показатель сравнительно невелик.

Большинство российских партий не обременено излишним социальным капиталом. Граждане редко вступают в политические партии и не идентифицируют себя с ними.

Вместе с тем фактор социального капитала позволяет объяснить такие парадоксы российской политики, как, с одной стороны, относительно устойчивый рейтинг КПРФ на протяжении всего постсоветского периода нашей истории, так и резкое падение результатов на выборах у таких партий, как «Демократический Выбор России» (ДВР) (в 1993 году у партии ДВР было — 15,5%, в 1995 году — 3,9%) и «Наш Дом — Россия» (НДР) (в 1995 году — 10,1%, в 1999 году — 1,2%). Очевидно, что КПРФ в наибольшей мере опирается на стабильную членскую базу и пользуется ресурсами социальных сетей. Г. Голосов и Ю. Шевченко, основываясь на анализе региональной электоральной статистики, утверждают, что «влияние КПРФ и АПР в некоторых регионах России строится на их включенности в плотные сельские социальные сети» [5. С. 120]. По их данным, в 1990-х годах развитию партий в целом способствовали именно разреженные социальные сети. В то время избирательная система предоставляла значительно больше возможностей для карьеры так называемых «независимых» кандидатов, поэтому «объемы социального капитала действующих законодателей, чиновников и экономических управленцев позволяли им пренебрегать партийной принадлежностью» [5. С. 119].

Изменения законодательства в ходе политической реформы 2004 года уменьшили возможность политической карьеры вне партий (скорее, просто сделали ее невозможной). Кроме того, массовый переход регионального начальства под знамена «Единой России» наделил эту партию огромным объемом социального капитала. Правда, речь идет, главным образом, о ресурсах вертикальных сетей, основанных на патронажно-клиентельных отношениях.

В настоящее время социальный капитал является важным фактором стабилизации российской партийной системы. Однако именно те аспекты социального капитала, на которые опираются российские политические партии, не помогают, а, скорее, препятствуют завершению процесса демократизации нашей страны.

Целый ряд исследователей придерживается точки зрения, что социальный капитал оказывает не только позитивное, но и негативное воздействие на процесс посткоммунистической общественной трансформации [20. Р. 243—256]. Некоторые авторы акцентировали внимание на том обстоятельстве, что социальные сети в посткоммунистических странах часто объединены антиобщественными интересами. «Посткоммунистические сети, — утверждает немецкий исследователь М. Татур, — могут пониматься как форма проявления точной противоположности гражданского общества. Они — в институциональной преемственности номенклатуры — основаны на персональной лояльности и оппортунизме и имеют своей целью осуществление частных интересов» [9. С. 189].

В период разрушения прежней социальной системы именно неформальные связи стали ключом к экономическому и политическому успеху. Дж. Коланкевич, опираясь на традицию, заложенную П. Бурдьё, подчеркивает взаимозаменяемость различных видов капитала. По его мнению, на начальных этапах посткоммунистической трансформации недостаток финансового капитала компенсировался с помощью опоры на социальные связи. Так осуществлялась приватизация в интересах предпринимателей, близких к власти, или налаживались взаимозачеты и бартерные обмены [12. Р. 427—441].

Веселин Ганев подчеркивает, что в посткоммунистическом мире «господство сетевых структур будет систематически обеспечивать определенные выгоды их кадрам» [3. С. 189]. Он определяет сетевые структуры как «образования, действующие по принципу ограниченного доступа. В определенных социальных сферах сетевые структуры будут образовывать вполне определенные группы лиц, в то время как другие лица будут лишены доступа в эти сетевые структуры и, соответственно, к данной форме координированной экономической деятельности» [3. С. 187]. Как утверждает В. Ганев, «сетевые структуры в бывшем социалистическом мире формируются в основном номенклатурой, злоупотребляющей своей властью» [3. С. 190]. В значительной степени из-за этого сетевые структуры ассоциируются «с такими одиозными явлениями, как закрепление неравенства, концентрация доходов, злоупотребление властью и хроническая неэффективность».

В. Ганев обратил внимание на то обстоятельство, что доступ к социальным связям в условиях резкого увеличения социального расслоения быстро превращается в весьма дефицитный ресурс для граждан, оказавшихся на низших ступенях социальной лестницы. Например, чтобы заняться бизнесом в условиях социальной трансформации, когда быстро и многократно меняются правила игры, часто необходим доступ к инсайдерской информации. Не все важные документы публикуются в открытой печати. При этом члены социальных сетей, имеющих доступ к закрытой информации и получающих выгоду от распоряжения ею, сознательно и очень активно препятствуют «нормализации» социальной обстановки [10. Р. 1—25].

М. Рэйзер утверждает, что основным препятствием для успешной экономической трансформации в регионе Восточной Европы стало именно преобладание неформальных институтов, основанных на инсайдерских социальных сетях, над формальными институтами, не укорененными в социальных практиках (см.: [18]).

В политике преобладающая роль социальных сетей может означать, что формальные политические институты приобретают имитационный и фасадный характер. Так, партийная конкуренция становится малозначимой, если все властные рычаги находятся в руках неформальной группы, объединенной вокруг лидера. Губернатор в российском регионе может назначить «своих» людей курировать различные политические партии, формально конкурирующие друг с другом.

Один вице-губернатор отвечает за «Единую Россию», второй — за «Справедливую Россию», а третий — за КПРФ. Но если какая-то региональная партийная организация выйдет из-под контроля губернатора и переориентируется на мэра большого города или на крупного предпринимателя, то конкуренция становится реальной и даже очень острой. Проблема в том, что это — конкуренция между кланами, слегка закамуфлированная идеологическими различиями партийных программ.

Иначе говоря, критики подвергли сомнению благотворную роль, выполняемую в условиях посткоммунистической трансформации одним из основных элементов социального капитала — социальными сетями. Но и более существенный аспект этого феномена, а именно доверие, также не остался без критического анализа.

Британские политологи Н. Летки и Дж. Иванс поставили под вопрос традиционную объяснительную схему, согласно которой успешность демократизации зависит от уровня доверия граждан к политическим институтам. Согласно их точке зрения, данная логика в условиях посткоммунистической трансформации не работает. Скорее наоборот: успешная демократизация порождает эффективные политические и экономические институты, которым граждане могут доверять. Это доверие затем способствует росту политического участия.

Доверие в действительности должно опираться на реальный опыт. Большинство исследователей считают чем-то само собой разумеющимся, что в посткоммунистических странах уровень доверия граждан по отношению к политическим институтам не может быть высоким. Политические институты коммунистической эпохи полностью дискредитировали себя в глазах большинства населения, а период становления новых институтов пришелся на эпоху трансформационного экономического спада.

Применительно именно к политическим партиям мы можем выделить два аспекта социального капитала, препятствующие формированию по-настоящему конкурентной и стабильной партийной системы, и один аспект, оказывающий позитивное воздействие на этот процесс.

Опора на вертикально интегрированные сетевые структуры патронажно-клиентельного типа, несомненно, вредит демократизации российской политики, а также формированию стабильного партийного спектра. Многочисленные взлеты и падения различных «партий власти» в посткоммунистической России убедительно демонстрируют угрозы, связанные с реализацией подобной электоральной стратегии. Что станет, к примеру, с «Единой Россией», если она вдруг утратит поддержку президента и сразу лишится подпорки в виде административного ресурса сетей региональных элит? Есть все основания считать, что подобный сценарий для данной партии может стать фатальным.

Второй аспект социального капитала, оказывающий негативное воздействие на российскую партийную политику — чрезмерное доверие к партийным лидерам. Наиболее характерный пример российской лидерской партии — это,

конечно же, ЛДПР. Что случится с этой партией, если В. Жириновский вдруг уйдет на покой? Вероятнее всего, в этой ситуации она немедленно рассыплется, утратив основной фактор электорального успеха. Нечто похожее произошло ранее с партией «Яблоко». Ее лидер не ушел, но он утратил популярность среди избирателей, и партия не смогла найти ему адекватную замену. Высокий уровень голосования за «Единую Россию» также обусловлен, отчасти, тем, что эта организация ассоциируется с очень популярным президентом. Конечно, нельзя утверждать, что голосование за ЛДПР, «Яблоко» и «Единую Россию» в принципе никогда не несло идеологической нагрузки, а было обусловлено исключительно популярностью лидеров. Но ориентация избирателей преимущественно на лидера, а не на партию, осложняет задачу адаптации партий к процессу естественной смены руководства.

Таким образом, опора на вертикальные и неформальные социальные сети, а также доверие к лидерам мы можем отнести к числу негативных аспектов социального капитала.

Однако существует и позитивный аспект этого феномена, возникающий в случае, когда партия опирается на так называемые «сильные ослабленные связи» (если использовать терминологию американского социолога Марка Грановеттера) [11. Р. 201—233]. Речь идет о разреженных социальных сетях, объединенных общими интересами и не слишком плотным общением. В разреженных социальных сетях друзья одного человека, как правило, не знают друг друга. Но в этих сетях взаимодействие обычно обусловлено наличием общих интересов.

Примером электоральной стратегии, основанной на использовании «сильных ослабленных связей», является трансформация, произошедшая с КПРФ, когда, утратив свои доминирующие позиции в сельской местности в результате массированного административного давления, эта партия сумела усилить свои позиции в мегаполисах. КПРФ фактически все больше превращается в партию бюджетников, ностальгирующих по социальной защищенности советских времен. Как утверждает И. Пономарев: «если компартия образца 1996 г. — это было, прежде всего, село и очень слабая позиция в городах, то компартия образца 2006 г. — это, наоборот, исключительно города и почти «по нулям» на селе. И чем крупнее и развитее город, тем больше компартия там набирает». Опора на реальные социальные интересы помогает партии обходиться без постоянного доступа к электронным СМИ и масштабного финансирования. Разреженные сети почти не поддаются административному давлению, но вполне способны выступать в качестве канала политической коммуникации.

Таким образом, социальный капитал является фактором, оказывающим противоречивое, но весьма существенное воздействие на процесс формирования российской партийной системы. Можно ожидать, что по мере укрепления гражданского общества, в особенности органов местного самоуправления, а также развития региональных и территориальных общественных и некоммерческих организаций воздействие негативных аспектов этого феномена будет ослабевать, а позитивных — усиливаться.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Блом Р., Мелин Х., Сарно А., Сарно И. Социальный капитал доверия и менеджеральные стратегии // Мир России. — 2005. — № 2.
- [2] Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5.
- [3] Ганев В. Заметки о сетевых структурах в посткоммунистических обществах // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2000. — № 2.
- [4] Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. Политические партии и выборы. — СПб.: Борей-Арт, 2001.
- [5] Голосов Г., Шевченко Ю. Социальные сети и электоральное поведение // Политическая социология и современная российская политика / Под ред. Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. — СПб.: Борей-принт, 2000.
- [6] Дюверже М. Политические партии. — М.: Академический проект, 2000.
- [7] Пеишков В., Васильцов С. КПРФ и электорат мегаполисов: новые тенденции, изменения ориентаций избирателей // <http://www.cipkr.ru/research/ps/politsociology070603.htm>
- [8] Пономарев И. КПРФ: вчера, сегодня, завтра // http://www.spravedlivo.ru/press/section_20/3578.smx
- [9] Тамур М. Экономическая трансформация, государство и моральные ресурсы в посткоммунистических обществах // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. — Т. 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. / Ред.-сост. Петра Штыков, Симона Шваниц. — СПб.: Летний сад, 2003.
- [10] Ganev V. The Dorian Gray Effect: winners as state breakers in post communism // Communist and Post-Communist Studies. — 2001. — Vol. 34. — № 1.
- [11] Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. — 1983. — Volume 1.
- [12] Kolankiewicz G. Social capital and social change // British Journal of Sociology. — 1996. — Vol. 47 (3), September.
- [13] Mair P., Van Biezen I. Party membership in twenty European democracies 1980—2000 // Party Politics. — 2001. — Vol. 7. — № 1.
- [14] Marsh C. Social Capital and Democracy in Russia // Communist and Post-Communist Studies. — 2000. — Vol. 33. — № 2.
- [15] Norris P. Making Democracies Work: Social Capital and Civic Engagement in 47 Societies. Paper for the European Science Foundation EURESCO Conference on Social Capital: Interdisciplinary Perspectives at the University of Exeter, 15—20 September 2000.
- [16] Norris P. Mapping Party Activism. Chapter 6 // Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003 // <http://ksghome.harvard.edu/~pnorris/ACROBAT/everyvoice/chapter6.pdf>
- [17] Putnam R. The prosperous community: social capital and public life // American Prospect. — 1993. — Vol. 13.
- [18] Raiser M. Informal institutions, social capital and economic transition: reflections on a neglected dimension // European Bank for Reconstruction and Development Working paper. — 1997. — № 25.
- [19] Seyd P., Whiteley P. New Labour's Grassroots: The Transformation of the Labour Party Membership. — London: Palgrave Macmillan, 2002.
- [20] Sotiropoulos D. Positive and negative social capital and the uneven development of civil society in Southeastern Europe // Southeast European and Black Sea Studies. — 2005. — Vol. 5. — № 2.
- [21] Thomas E. Local Participation in Development Initiatives: the Potential Contribution of an Understating of Social Capital // Urban Forum. — Apr 2002. — Vol. 13. — Issue 2.

- [22] *Uslaner E.* Political Parties and Social Capital, Political Parties or Social Capital // Hand-book of Political Parties / Edited by Richard S. Katz and William Crotty. — London: Sage Publications, 2004 // <http://www.bsos.umd.edu/gvpt/uslaner/partiessocialcapital.pdf>.

POLITICAL PARTIES AS SOCIAL NETWORKS

S.P. Ponomar

The Department of Applied political science
State university — Higher school of economics
Kochnovskiy proezd, 3, Moscow, Russia, 125319

At the end of the XX-th century the theory of social capital was highly acclaimed and used by specialists of different social studies, in particular, economists, political scientists and sociologists.

Social capital accumulation is favorable to socio-economic development, because mutual trust reduces transaction costs and contributes to dissemination of socially useful information.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО КИТАЯ В ПРЕДДВЕРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Г.А. Кубышина

Центр Азиатско-Тихоокеанского региона
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ
ул. Остоженка, 53/2, Москва, Россия, 119021

Опыт Китая в обновлении подходов к государственной собственности предоставляет богатейший фактический материал, позволяющий сделать вывод о том, что Китаю принадлежит особое место в истории стран, избравших в качестве стратегической перспективы создание современной рыночной экономики без радикального слома социально-экономического строя в целом. Преимуществом на этом пути было наличие у Китая собственной научной теории, известной всему миру как строительство социализма с китайской спецификой.

Социально-экономическая модель экономики КНР до начала радикальной экономической реформы формировалась теми же путями и способами, что и в Советском Союзе. В качестве теоретической основы она опиралась на марксизм-ленинизм, имея перед собой образец его воплощения на практике — пример СССР.

Развитие китайской экономики, начиная с момента образования КНР, происходило под руководством и контролем Коммунистической партии. К концу 1970-х гг., когда страна столкнулась с настоящим вызовом модернизации, развитие народного хозяйства Китая пережило немало периодов подъема и падения темпов экономического роста. На протяжении всего этого исторического этапа (то есть с 1949 по 1978 г.) деятельность китайских политических институтов всех уровней было направлено на решение тех задач, которые директивным образом спускались сверху. Китаем у Советского Союза были заимствованы основные принципы единоначалия руководства и перенесены в сферу управления народным хозяйством. Дэн Сяопин подтвердил это, сказав: «Раньше мы учились у Советского Союза и переняли у него плановую экономику. Позже мы ставили плановую экономику на первое место. В дальнейшем мы так говорить не будем» [2. С. 203].

В начале 1950-х гг. в Китае стала быстро формироваться административно-командная система управления, главным методом которой стало составление перспективных (пятилетних) планов развития народного хозяйства. Административно-командная система управления вела к его централизации. С советской схемой ее сближало то, что Китай принял курс на индустриализацию страны, во главу которой было поставлено развитие тяжелой промышленности.

«Плановое развитие народного хозяйства является одной из характерных черт социалистической экономики» — такая позиция в те годы считалась неоспоримой. «Отказ от планового хозяйства привнесет анархию общественного производства и разрушение социалистической общественной собственности»; «Административное планирование есть существенный признак социалистического планового хозяйства и важнейшее проявление социалистической общест-

венной собственности в организации производства и управлении им» [8. С. 59]. Такие, в основном, идеи пропагандировались в китайском обществе.

После восстановления экономики в 1952 г. за 26 лет (1953—1978) производство валового национального дохода КНР выросло почти в 4,5 раза. За исключением провала политики «большого скачка» и создания народных коммун в сельском хозяйстве, пришедшихся на годы второй пятилетки (1958—1962) и трех лет «культурной революции» (1967—1968, 1976), когда производство ВВП падало ниже уровня предыдущих лет, все остальные годы экономика Китая росла быстрыми темпами. Так, среднегодовой прирост ВВП в 1953—1957 гг. составлял 6,9% [6. С. 136]. Китайские экономисты называют этот период мобилизационным.

К концу 1956 г. в КНР практически завершилось социалистическое преобразование экономических отношений. В 1957 г. доля государственного сектора в создании национального дохода возросла с 19% до 33%, кооперативного сектора — с 1,5% до 56%, смешанного государственно-частного сектора — с 0,7% до 8%.

Одновременно удельный вес единоличных хозяйств снизился с 72% до 3%, капиталистического сектора — с 7% до менее чем 0,1% [5. С. 1]. Но к концу первой пятилетки стали проявляться недостатки административно-командной, мобилизационной модели управления народным хозяйством. Основные из них, по свидетельству китайских и российских специалистов, были вызваны следующими противоречиями:

- концентрация всех управленческих функций, включая экономические, в Пекине (центр) подрывала инициативу местных органов власти, повышала бюрократизацию управления (противоречие между центральной и местными властями);

- упор на развитие социалистической индустриализации за счет изъятия средств из сельского хозяйства расшатывает экономику и не может продолжаться так долго, как это имело место в Советском Союзе (противоречия между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней).

В 1950-е годы государство в лице Госсовета КНР проводило курс на укрепление своих функций в управлении народным хозяйством. Начиная с 1952 г. и до перехода к новым реформам 1978 г. главным источником финансирования экономики оставался государственный бюджет. В 1957 г. при помощи этого механизма осуществлялось 83,5% всех инвестиций в народное хозяйство, в 1978 г. доля государственного бюджета в инвестировании основных фондов равнялась 77,7% [5. С. 1].

Столь высокий уровень зависимости от государственных средств свидетельствовал о том, что бюджетное обеспечение практически снимало с предприятий ответственность за капитализацию прибыли, которая в силу действовавшей тогда системы налогообложения почти полностью изымалась в централизованный бюджет.

Следует заметить, что механизм мобилизации, распределения и потребления инвестиционных ресурсов в свое время был скопирован из практики Советского Союза и частично сохранился до сих пор, поскольку государственный сектор в экономике Китая еще занимает определенное место. Особенно госу-

дарственный бюджет используется для поддержки стратегически важных отраслей, в том числе в сфере военно-промышленного комплекса. Но до начала 1980-х гг. этот механизм, действовавший в КНР, носил следующие общие черты с советским финансовым механизмом:

- в обеих странах его действие опиралось на монополию государственной собственности на все виды хозяйственных ресурсов;

- подход к руководству народным хозяйством осуществлялся как руководство «единой фабрикой»;

- в госбюджет изымалась не только чистая прибыль, но и амортизационные отчисления государственных предприятий с последующим распределением этих средств между регионами, отраслями и отдельными приоритетными хозяйствующими объектами;

- государственные расходы на капитальное строительство осуществлялись безвозмездно;

- имели место недооценка и невосприятие экономических методов управления;

- применялась система двойных цен, позволяющая систематическое перекачивание средств из сельского хозяйства в другие отрасли, прежде всего в тяжелую промышленность.

Несмотря на целый ряд экономических экспериментов, в том числе попыток ввести хозрасчет (так называемые старые реформы), призванных, по идее, обеспечить частичную децентрализацию управления, решить такие задачи без радикального преобразования всей экономической системы, прежде всего легализации всех форм собственности, не удавалось. В итоге предприятия и отрасли в целом были лишены необходимой мотивации труда — повышения заработной платы, финансирования расходов на обновление основных фондов, внедрения новой техники и технологии. Доля прибыли, которая в отдельные периоды оставалась в распоряжении предприятий, колебалась в узком диапазоне — от 1% до 5%, что ограничивало саму возможность производить самофинансирование.

Неэффективной была и налоговая система. Созданный сразу после образования КНР налоговый механизм стал подвергаться преобразованиям уже в начале 1950-х гг. с целью создания системы «централизованного управления и многоуровневой ответственности». В результате продолжительное время в Китае действовала трехуровневая система управления фискальной политикой.

Первый уровень был представлен центральным правительством, второй — администрациями крупных административных регионов, третий — провинциальными администрациями. Нижестоящим администрациям предоставлялось право создавать собственные бюджетные резервы для использования их в период между поступлением доходов и расходами. На местах создавались свои плановые органы, отвечавшие за составление местных планов развития местной экономики. Иначе говоря, нижестоящему органу разрешалось оставлять в своем распоряжении часть собираемых налогов для финансирования местных планов экономической деятельности. В КНР, к примеру, Госсоветом был установлен директивный контроль над реализацией мероприятий по реконструкции произ-

водственных мощностей предприятий, осуществляющих технический прогресс, и в отношении них применялся льготный налоговый режим. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что уровень централизации управления китайской экономикой был чрезвычайно высок, его реализация опиралась на детально разработанные планы, которые носили директивный характер. Их осуществление наблюдали и контролировали не только органы планирования, но и политические институты. С этой же целью использовалась налоговая и бюджетная политика в целом. При помощи финансовых рычагов развитие китайской экономики направлялось в единое русло. Политические институты действовали в полном соответствии с марксистской теорией, согласно которой экономической опорой социалистического государства является общественная собственность. В сознании населения эта идея приобретала абсолютное значение под влиянием широкой партийной агитации и пропаганды. Трудовой энтузиазм длительное время служил источником роста производительности труда и подъема экономики.

Наиболее характерными чертами китайской экономики в тот период стали опережающие темпы развития промышленности, повышение удельного веса обрабатывающих отраслей и на этой основе — рост производства потребительских товаров, а также продукции тяжелой и химической индустрии. Промышленное производство продолжало развиваться. Этот процесс был поддержан перераспределением капиталов в пользу государственного сектора. К концу 1970-х гг. инвестиции в тяжелую промышленность составляли 45%, в топливно-энергетический комплекс — 20,9%, транспорт и связь — 12,9%. В общей сложности они занимали около 80% суммарных капиталовложений в народное хозяйство Китая, при этом, что на долю сельского хозяйства приходилось только 10,5% [10. С. 26].

Важно и другое. Страна почти не производила инновационную продукцию. Затраты на модернизацию и реконструкцию в виду их незначительных масштабов национальная статистика не отражала.

Основной проблемой в исполнении центрального и местных бюджетов официальная печать КНР называла расточительство бюджетных средств из-за недостатка сдерживающих механизмов, ведение сверх бюджетного строительства производственных объектов, рост управленческих расходов в центре и на местах. В начале 1970-х гг. стало заметнее проявляться ухудшение положения дел на государственных предприятиях, что требовало все новых и новых дотаций из госбюджета. Это вело к расширению масштабов бюджетного дефицита и росту долговых обязательств. Центр осуществлял давление на провинции по политической линии, провинции — на уезды, вынуждая местные органы управления утверждать завышенные объемы бюджетов и декларировать их местными собраниями народных представителей.

Иначе говоря, на перспективу заранее формировались предпосылки роста бюджетных дефицитов на всех уровнях. Регулярно принимались законы, требующие принудительных мер к тем, кто имеет задолженность по налогам. Но меры к тому, чтобы ужесточить ревизионный контроль над сбором налогов, действовали слабо.

Еще одна проблема — быстрый темп роста населения Китая. Это означало, что доходы страны постоянно поглощались ростом численности жителей. После образования КНР существенно улучшились жизненные условия и повысился уровень здравоохранения, но в 1959—1961 гг. отмечался отрицательный прирост. В целом, начиная с 1950 г. сократилось время удвоения численности населения. Если до того для увеличения населения в два раза — со ста миллионов до 200 требовалось примерно 600 лет, то с 400 до 800 млн. человек — только 41 год [9. С. 12]. В 1950-е гг. «теория демографического контроля» потерпела поражение. Благодаря этому население не сократилось даже после трех лет последовательных стихийных бедствий. Рождаемость в те годы достигла исторического пика — 40% [9. С. 13]. Это вынудило государство перейти к политике планирования рождаемости. В последующие годы в китайской демографии в зависимости от политической ситуации происходили колебания от поддержки сторонниками Мао до постепенного признания права, а позднее — обязанности планирования семьи. В соответствии с идеологическими установками того периода почти все документы по планированию рождаемости были закрыты, пользоваться ими могли только партийно-государственные органы. Но факты говорят сами за себя, несмотря на сокращение рождаемости, население продолжало увеличиваться, возрастала и демографическая нагрузка на каждого работающего. Это стало одной из причин поиска более эффективных источников расширения масштабов производства и роста производительности общественного труда. К тому же невысокое качество рабочей силы замедляло модернизацию экономики. Общеобразовательный и профессиональный уровень китайской рабочей силы не отвечали потребностям развития современной структуры научно-технического производства. Негативно сказывался и тот факт, что планово-централизованная китайская экономика с ее замкнутостью практически имела очень мало шансов на то, чтобы использовать преимущества международного разделения труда. Ее интеграция в мировую экономику носила проблематичный характер, тем более что технический уровень народного хозяйства КНР был весьма невысок.

Таким образом, до начала радикальных преобразований в народном хозяйстве китайская экономика представляла собой систему, во всех основных чертах скопированную с экономической модели Советского Союза. В процессе социалистической индустриализации в КНР была создана замкнутая система самообеспечения.

Это свидетельствует о том, что влияние политики на экономику было настолько велико, что привело к разбалансированности народного хозяйства, неэффективному использованию природных ресурсов, дальнейшему отставанию в области техники и технологий от таких новых индустриальных стран, как Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Тайвань.

Разумеется, управлять экономикой столь огромной страны, как Китай, было делом чрезвычайно трудным. После образования КНР предполагалось, что все слои населения в равной степени заинтересованы в развитии страны по пути новой демократии к социализму. Но, как показал весь последующий ход истории,

общим для всего народа интересом было сохранение Китая как независимого суверенного государства. Вскоре после образования КНР в стране был создан Центральный народный правительственный совет как высший орган власти в Китае в то время. Под его руководством был установлен порядок создания и функции провинциальных, уездных и городских конференций всех слоев населения. Состав конференций формировался из делегатов, одна часть которых избиралась населением, а другая часть была представлена делегатами от демократических партий, государственных учреждений и общественных организаций. Иными словами, это были органы, создаваемые, одной стороны, как выборные, а с другой, как органы, состоящие из назначенцев. Это отражало историческую специфику аграрного государства, в котором правящая коммунистическая партия не полагалась на одни только свободные выборы населения. Под руководством КПК конференции были преобразованы в собрания народных представителей. На местах действовали исполнительные органы под названием народных комитетов. Исследователи считают, что местные советы народных представителей в Китае соответствовали нашим местным советам депутатов, а народные комитеты — исполкомам. Однако Всекитайское собрание народных представителей нельзя было сравнить с Верховным Советом СССР, оно больше напоминало съезд советов до 1936 г. или съезды народных депутатов периода перестройки [3. С. 154]. На роль законодательного собрания в КНР вскоре вышел Постоянный комитет ВСНП (ПК ВСНП). В целом формирование в КНР представительной власти происходило не как целостный, непрерывный политический процесс. Он был нарушен в ходе борьбы против «правых элементов» в 1957 г., когда собрания народных представителей использовались в качестве одного из ее механизмов. В период «большого скачка» и создания народных коммун в китайской деревне представительные низовые органы на селе были ликвидированы. В годы «культурной революции» власть на местах осуществлялась военизированными революционными комитетами (ревкомы), а в центре — пролетарским штабом, сформированным левоцентристским крылом руководства КПК.

Восстановление представительной системы началось фактически только в октябре 1977 г., после того как по директиве ЦК КПК стали создаваться советы народных представителей провинциального уровня. Первые такие советы избрали представительский корпус Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва.

Следовательно, сама представительная система в КНР в то время была структурой неустоявшейся, отражавшей нестабильную внутривнутриполитическую обстановку в стране. В целом же в Китае происходило становление нового общества на старой социальной базе, в условиях жесткой классовой борьбы. Поэтому ясно, почему выборы в высшие органы власти были не прямыми, а опосредствованными, очевидно, что так было легче обеспечить нужный делегатский состав ВСНП. Выборы были открытыми (а не тайными, как это принято в странах с устоявшейся демократией), что давало возможность партийным организациям правильно оценивать расклад политических сил, выявлять лиц, не согласных с политикой КПК. Критические выступления в адрес Коммунистической партии и ее

руководителей расценивались партийными органами как «нападки на партию» и социализм со всеми неблагоприятными последствиями для критиков. В свое время КПК восприняла опыт внутренней и внешней политики ВКП(б), многие направления социалистических преобразований в СССР. В результате на китайской почве осуществлялся ленинский план построения социализма путем форсированной индустриализации, массового кооперирования крестьянства и «культурной революции», которая приняла в КНР особенно искаженные формы.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что и Китай, и Россия начинали строить социализм на основе общих идеологических принципов, но в совершенно разных исторических и национальных условиях. Китай, будучи страной аграрной, раньше по продолжительности времени по сравнению с СССР ощутил на себе неприемлемость высоких темпов строительства нового общественного строя в стране, где «коммунизация» деревни при низком уровне урбанизации и развития промышленности лишила многомиллионное китайское крестьянство подлинного интереса к труду и привела его на грань нищеты.

Характеризуя стартовые условия Китая для перехода к созданию современных рыночных отношений, следует отметить, что важным фактором укрепления политического руководства в Китае стало критическое осмысление партийными лидерами ошибок, допущенных в руководстве народным хозяйством. Критический метод и до выдвижения Дэн Сяопином идеи рыночной экономики с китайской спецификой использовался во внутрипартийной жизни. Но действие этого фактора ослаблялось тем, что меры по корректировке ошибок и промахов предпринимались нерегулярно и часто не доводились до конца.

Процесс адаптации руководства КПК к требованиям модернизации всего народно-хозяйственного комплекса в целом происходил в двух направлениях — по пути совершенствования внутрипартийного строительства, проводимого под лозунгом укрепления принципа демократического централизма, с одной стороны, и по пути прочного сохранения за собой функций управления экономикой, с другой.

Такой двойственный аспект роли партии в жизни китайского общества ярко проявился в работе VIII съезда КПК (сентябрь 1956 г.), который в своих попытках стремления к адекватному отражению времени в своей хозяйственной политике наметил новые задачи и функции партии. В выступлениях делегатов на съезде историографы КПК усматривали первые практические шаги на пути поиска новой экономической модели, выходящей за рамки прежнего опыта [7. С. 620]. Как говорил Дэн Сяопин, «главное внимание после 1949 года было сосредоточено на политических движениях, строить, как следует, мы не научились, строительство на подъем не пошло, а в политике имели место серьезные зигзаги» [2. С. 198—199].

Период 1953—1960 гг. в истории КПК известен как период «большого скачка». В российской науке суть его представлена как прекращение единого государственного планирования, децентрализация управления промышленностью, дезориентация административно-хозяйственных кадров работников в центре и на местах [5. С. 13—14].

Но на наш взгляд, степень децентрализации экономики в период «большого скачка» была весьма незначительна. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы один показательный факт: в 1958 г. вся продукция сельского хозяйства и подсобных промыслов закупалась исключительно только государственными заготовительными организациями под руководством центрального правительства [1. С. 20]. Фактически в годы «большого скачка» произошло дальнейшее усиление централизации политической и экономической власти в руках КПК. Так, налоговая система была преобразована в сторону ее централизации. Все бюджетные излишки провинциальные власти должны были перечислять в центральный бюджет, перестали фиксироваться доли центра и местных администраций при распределении доходов, которые стали, за исключением налогов на потребление и части прибылей предприятий, контролироваться центральными органами.

В рамках «большого скачка» особенно проявились пагубные последствия всеобщей коллективизации деревни и гипертрофированного развития тяжелой промышленности. Итогом стал экономический кризис. В целях его преодоления пришлось реорганизовать народные коммуны, прекратить массовое строительство мелких примитивных предприятий на селе, выпускавших низкосортный чугун и сталь, непригодные для дальнейшей промышленной переработки, а также был принят ряд мер для стимулирования развития сельскохозяйственного производства. В 1964 г. положение в экономике стабилизировалось. Страна приобрела определенный опыт преодоления кризисных ситуаций, вызванных волонтаристской хозяйственной политикой. Заметим, кстати, что период «большого скачка», хотя и достаточно широко освещался в академических трудах, в области влияния на дальнейшую политику модернизации производительных сил Китая изучен крайне слабо. Но, несомненно — опыт того периода предостерегал от форсирования темпов роста при огромном разрыве в уровнях развития промышленности и сельского хозяйства, от навязывания крестьянству форм ведения хозяйства единолично или коллективно.

Однако в 1966 г. политика «культурной революции» едва не завела в тупик всю китайскую экономику. Пытаясь удержать ее на плаву, руководство инициировало создание так называемых совещаний по распределению материальных ресурсов. Их непосредственными организаторами стали отраслевые министерства и центральные плановые органы. Затем они стали проводиться на региональной основе. На этих совещаниях, которые созывались не реже одного раза в год, поставщики и потребители согласовывали свои планы. Таким образом, осуществлялся некоторый отход от тотальной централизации управления и создавалось некоторое подобие рынка. Во всяком случае, опыт был положительный: расширились горизонтальные связи, предприятия, которые до того были связаны между собой только опосредствованно через свои иерархические вертикальные структуры, получили непосредственный выход друг на друга. Более доступной стала и экономическая информация. Но не следует преувеличивать значение этих явлений. Хотя они и носили, безусловно, прогрессивный характер, предприятия по-прежнему оставались под контролем государства.

Подобная концентрация экономической власти в руках политического органа делала народное хозяйство управляемым, но только при условии сохранения ее невысокой диверсификации.

Таким образом, первые три десятилетия после образования КНР правительство Китая постоянно внедряло и поддерживало систему планово-централизованной экономики. Специальный государственный орган — Государственный комитет по делам планирования — разрабатывал и намечал развитие разных отраслей экономики. Все виды продукции, ее объем и цены определялись плановыми ведомствами в едином порядке. При такой системе экономика Китая могла развиваться по плану и в определенном направлении. Однако эта же система сковывала жизнеспособность и темпы развития самой экономики. К концу 1970 гг. в Китае существовала только экономика, основанная на общественной собственности, в структуре которой государственные предприятия занимали 77,6%, предприятия коллективного сектора — 22,4% [4. С. 98]. Другим фактором реформ стала потребность в восстановлении внутренней политической стабильности в китайском обществе. Накануне радикальной экономической реформы оно пребывало в состоянии полного хаоса, наступившего в результате безрассудной «культурной революции». Политический и государственный аппарат, его мощь и влияние были подорваны, и он не мог оказать действенного сопротивления нараставшей политике реформ.

Следует сказать о дестабилизации политической обстановки в Китае в годы «пролетарской культурной революции», в ходе которой на повестку дня были выдвинуты ключевые проблемы внутреннего развития и внешней политики КНР. Концептуальные установки «культурной революции» были выдвинуты Мао Цзэдуном. Они были объединены идеей, состоящей в том, что в условиях социалистического строя, когда свергнутые эксплуататорские классы лишены возможности выступать на любых других направлениях, главной ареной классовой борьбы становится идеология, в широком плане — сфера культуры.

Подводя краткие итоги анализа характерных особенностей формирования стартовых условий перехода Китая к рыночной экономике, отметим, что они представляли собой сложнейший комплекс проблем, в котором переплелись такие черты, как гипертрофированная централизация управленческих функций политических институтов, административно-командный стиль управления, отсутствие хозяйственной самостоятельности, а значит, и хозяйственной инициативы предприятий.

Но постепенное решение комплекса проблем, последовательное проведение политики реформ вывели отсталую страну на передовые позиции глобализации. Китай вырвался из экономического, политического, государственного кризиса и за последние годы по многим показателям вышел на достойный уровень мирового развития. Успехи столь впечатляющи, что такие центры глобального экономического анализа, как Всемирный банк и МВФ, признают, что к 2015—2020 гг. Китай по абсолютным показателям экономического развития превзойдет Японию и США.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Балюк М.А., Балюк И.А.* Экономическая реформа в КНР: государство и рынок // Информационный бюллетень Института Дальнего Востока РАН. — 1996. — № 5.
- [2] *Дэн Сяопин.* Избранные произведения. — Пекин, 1995. — Т. 3.
- [3] Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в 80—90-е гг. XX века. Коллективная монография / Под ред. М.Л. Титаренко. — М., 2001.
- [4] Китай. Цифры и факты. — Пекин: Синьсин, 2000.
- [5] Китайская Народная Республика в 1979 году. Политика, экономика, идеология. — М.: Политиздат, 1980.
- [6] КНР 55 лет. — М., 2002.
- [7] Краткая история КПК (1921—1991). — Пекин, 1993.
- [8] *Лю Жунцан.* Государственное макрорегулирование и социалистическая рыночная экономика // Экономические реформы в России и КНР: проблемы и перспективы. Материалы юбилейного российско-китайского симпозиума, проходившего в отделении экономики РАН. Москва. 22 сентября 1999. — М., 2000.
- [9] Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ // Информационные материалы ИДВ РАН, Центр научной информации и документации. Выпуск 3—4. — М., 2003.
- [10] Чжунго тунцзи джайяо 1992. — Пекин, 1992.

PEOPLE'S ECONOMY OF CHINA ON THE THRESHOLD OF THE ECONOMIC REFORM

G.A. Kubyshina

The Center for Asia Pacific Studies
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation
Ostozhenka str., 53/2, Moscow, Russia, 119021

The experiences of China in the innovation of the approaches to the state property offer a richest factual material making it possible to make a conclusion that China occupies a special place in the history of countries that have chosen the creation of modern market economy without a radical destruction of the socio-economic order in general as their strategic prospect. China's own scientific theory known worldwide as the building of socialism with Chinese specifics has become its advantage on this path.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИИ НА КАВКАЗЕ

Х.Г. Дзанайты

Кафедра экономики и внешнеэкономической деятельности
Горский государственный аграрный университет
*ул. Кирова, 37, Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания,
Россия, 362040*

В работе проведен историко-политический анализ внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации на Кавказе. Предложены новые ориентиры государственной политики, проводимой Российской Федерацией в данном регионе.

С точки зрения территориального подхода к развитию Российского государства (см.: [1; 2]) понятно его объективное стремление к приобретению естественных границ, расположенных на географическом юге его территории — Кавказе. Горы с их перевальными проходами, береговые линии Черного и Каспийского морей являются исключительно благоприятными естественными границами для любого государства. Данное обстоятельство исторически обусловило борьбу многих стран и народов за обладание этими границами. В то же время исторический, политологический анализ этого вопроса убедительно показывает, что право сильного на Кавказе не работает в той мере, как в других регионах. Специфика ландшафтно-географического расположения территории Кавказа, истории возникновения издревле проживающих здесь этносов, некоторые из которых представляют незначительные остатки некогда могущественных народов с многотысячелетней историей, знающих традиции своей государственности и внесших значительный вклад в развитие мировой цивилизации, предъявляет свои требования к формированию политики, способной привести к умиротворению Кавказа и его гармоничному развитию в лоне Российского государства.

История происхождения многих из этих народов, их языка и основ национальных культур зачастую сильно отличаются. В то же время сама жизнь в горах вырабатывает специфические черты горца и требование как к общественному поведению (порядку), так и к межнациональным отношениям. Без знания и учета этих особенностей, их насильственное разрушение и навязывание новых, чуждых для данной среды порядков, рано или поздно с неизбежностью приводит к их отторжению. Такова объективная реальность, учет которой является одним из необходимых условий мирного сосуществования народов.

Однако на уровне общественного сознания России, в силу ряда объективных и субъективных причин, сложились представления о Кавказе как о геополитической категории без учета данных особенностей. Надо полагать, что именно это обстоятельство предопределило отнесение всех горских народов Кавказа к категории «инородцев». В советский период горским народам в лучшем случае были

предоставлены автономные образования, не имеющие реального суверенитета и находящиеся зачастую под двойным политическим и административным контролем властей союзной республики и СССР в целом. Преемственность неадекватной политики, проводимой Центром, сохранилась и в начале XXI столетия, формализовавшись в получившем широкое распространение уничижительном термине «лицо кавказской национальности».

В результате политическая элита России, не сильно вникающая в существо кавказской проблематики, в одночасье привела исторически сложившийся многополярный мир Кавказа, с его региональными и субрегиональными связями, к двухполярному миру. Прямолинейный внешнеполитический курс России привел к тому, что на одном из полюсов этого мира находилась Грузия с ее непомерными, ни на чем не основанными политическими амбициями, а на другом — собственно Россия. Вместе с тем историография региона свидетельствует о том, что Грузия, в силу ряда объективных причин, а именно: чуждость языка, культуры, менталитета титульной нации абсолютному большинству народов как Южного, так и Северного Кавказа; отсутствие исторической практики даже по кратковременному контролю над территорией всего Кавказа; территориальное расположение в XIX веке не в центре, а на самой южной оконечности кавказского региона, примыкающей к береговой линии Черного моря; отсутствие собственной производственной базы как основы для развития национальной экономики; длительное пребывание под гнетом деспотичных восточных режимов (Турция, Иран) и т.д., никогда не являлась объединительной силой в изучаемом регионе.

Поэтому, надо полагать, Россия была вынуждена компенсировать эти многочисленные «недостатки» за счет расширения территории Картли (Грузии) в направлении Центрального Кавказа, Западного и Восточного Предкавказья. Неверный выбор Россией стратегического партнера в своей политической игре на Кавказе привел к ослаблению здесь позиций как горских народов, так, в перспективе, и самой России. И сегодня продолжает прогрессировать ползучая экспансия Грузии на территорию Северного Кавказа при непрекращающемся исходе отсюда русского и русскоязычного населения.

Изначальная бесперспективность такой направленности внешней политики России на Кавказе очевидна хотя бы уже потому, что выстраивалась она исключительно на основе принципа «задабривания» Грузии. Все призрачное добрососедство России и Грузии держалось на искусственном расширении территории последней за счет насильственного включения в ее состав Южной Осетии, Абхазии, ряда территорий северокавказских республик, насильственной, силами союзных войск депортации с ее территорий целых народов (турки-месхетинцы), постоянном перекачивании финансовых средств из Москвы в Тбилиси (которые в своем большинстве, как правило, присваивались политической и национальной элитой Грузии в обмен на свою лояльность центральной власти). Поэтому, как только в начале 1990-х годов были созданы побудительные мотивы в виде дестабилизации политического и социально-экономического положения в России, активизации в этом регионе Турции, США и других стран НАТО, в одно-

частье произошло разрушение иллюзорной стабильности и добрососедских отношений между Россией и Грузией.

В 1992 г. Республика Грузия, с многочисленными нарушениями действовавшего на тот момент законодательства, выделилась из состава России со всеми приобретенными с помощью и непосредственным участием последней территориями, которые ей никогда не принадлежали, и при этом заняла на международной арене резкую антироссийскую позицию. Сохраняющиеся и сегодня требования Грузии к Российской Федерации по выводу с ее территории ограниченного российского военного контингента при одновременном замещении его военными стран НАТО подтверждает правоту вышеизложенного. Для реализации своей новой политической и военной доктрины Грузия выдвинула из своей среды харизматических личностей — З. Гамсахурдиа, Э. Шеварднадзе, М. Саакашвили.

В этой связи нельзя не согласиться с высказыванием: «Как четыреста, так и двести лет назад Грузия и сейчас не способна быть самостоятельной и целостной одновременно. Ее единство, внутренняя и внешняя безопасность, ее благосостояние могут быть обеспечены только в составе другой державы, и мы даже знаем какой. Ну если не в составе, то хотя бы в теснейшем военно-политическом союзе, в дружбе с ней» (см.: [3]). Здесь констатируется полная эфемерность грузинского государства, искусственность созданных Грузии при российском господстве естественных границ, упроченных в годы советской власти. Неспособность Республики Грузия сохранить свою целостность самостоятельно есть свидетельство того, что она как государственно-политическое образование создавалась не вследствие объективного развития социально-политических, исторических, ландшафтно-географических, экономических и др. факторов, а как один из основных элементов великодержавной политики России на Кавказе.

Отсюда, не существует решения «национальных проблем», связанных с насильственным включением в состав Грузии Абхазии и Южной Осетии, в рамках грузинского государства. Оно невозможно по определению даже силами РФ, т.к. это будет решение не реально существующих «национальных проблем» абхазского или осетинского народов, подвергающихся многие годы дискриминации, а очередное удовлетворение экспансионистских устремлений Грузии, не имеющих ничего общего с «национальными проблемами» грузинского народа. Такое «совместное» решение национальных и экономических проблем Грузии абсолютно не соответствует и политическим интересам России.

Неспособность Грузии выполнять роль политической, национальной доминанты на Кавказе есть объективная реальность, подтверждаемая ходом всей многовековой истории изучаемого региона. Поэтому дальнейшее «ввинчивание» Россией народов Абхазии, Южной Осетии и других в «фундамент» грузинской государственности не отвечает национальным интересам Российской Федерации. Российское государство должно в первую очередь решать на Кавказе не проблемы Грузии, а свои собственные многочисленные политические, национальные и экономические проблемы, которые в своей основе возникли как следствие антироссийской направленности политического курса официального Тбилиси.

Таким образом, ставка России на Грузию, как главного союзника в ее государственной политике на Кавказе, объективно не могла оправдаться. В основе этого стратегического просчета лежит неверное представление политической элиты России (Российская империя, СССР, РСФСР, РФ) о Кавказе как о некоей однообразной территории с однообразным населением. Данное обстоятельство привело к нивелированию национально-исторических особенностей каждого из народов, здесь живущих. По существу, знание особенностей народов и народностей, населяющих Кавказ, их истории коснулось только узкого круга научных исследователей, профессионально занимающихся этим вопросом. Знание историографии края было как бы отделено от государственной политики, проводимой здесь центральной властью, т.е. геополитика развивалась отдельно от историографии.

В результате, с одной стороны, корифеи отечественной науки вместе с ведущими зарубежными учеными еще в первой половине XIX века из всех народов Кавказа отнесли к индоевропейцам только осетин. Отнесение языка осетин к огромной индоевропейской семье языков, к которой принадлежит и русский язык, позволило ученым определить и основные этапы в его этнической истории на протяжении более чем четырех тысяч лет. С учетом того, что генетические классификации языков и народов (этносов), как правило, почти полностью совпадают, учеными был доказан и значительный вклад осетин (алан) в развитие мировой цивилизации и особенно в формирование русского этноса, его государственных институтов власти.

С другой стороны, с момента присоединения Осетии к Российской империи в 1774 году, вне зависимости от государственно-политического устройства последней, проводимая центральной властью политика в отношении осетинского народа не учитывала его жизненные интересы. Неоправданно осетинский народ, исторически проживающий в центральной части Кавказа, по обе стороны Главного Кавказского хребта, имеющий общие с русским этносом языковые, этноисторические, духовные корни, оказался в результате данной политики разделен государственными границами.

В то же время Кавказ является исторической прародиной древнейшей индоевропейской цивилизации, к которой относится и русский этнос. Расположение территории Осетии (Алании) в центральной части Кавказа по обе стороны Главного водораздельного хребта позволяют отнести осетин в равной мере как к северокавказским, так и южнокавказским народам. На момент прихода на Кавказ русских (XVIII в.), осетины являлись единственным представителем индоиранской группы народов в этом регионе. Они на протяжении более трех тысяч лет в той или иной мере участвовали здесь в социально-политических, национальных процессах. Сказанное оказывает существенное влияние на культурные, политические, хозяйственные отношения этого народа с другими кавказскими народами.

Российской политологии свойственна недооценка роли алан (протоалан) в формировании историко-культурного, политического облика территории Кав-

каза и в целом Евразийской степи. При выстраивании хронологического ряда народов, исторически контролировавших данную территорию, в расчет, как правило, берутся гунны начала первого тыс. н. э., затем — татаро-монголы XIII—XIV вв. и, наконец, с XVIII в. — русские. Такая традиция полностью исключает самый значительный многотысячелетний пласт индоиранского господства над этой территорией. Данное обстоятельство значительно обедняет историю России, делает ее современную внешнюю и внутреннюю политику на Кавказе неубедительной.

Накопленный мировой историографией материал по алановедению показывает, что аланы (роксоланы, т.е. светлые аланы) исторически входят в часть предков русского этноса. Практически на всем постсоветском пространстве аланы и русские (украинцы, белорусы) являются наиболее близкими в этническом, культурно-историческом и языковом отношении народами. Следовательно, только официальное отнесение России к индоевропейскому миру через осознание общности происхождения и исторических судеб алан (ясов в русских летописях) и русских даст последним морально-историческое право контролировать территорию всего Кавказа. Данное право в этом случае приобретает осмысленный, исторически оправданный характер.

Осознание национальной элитой России объективной реальности того, что Кавказ для русского народа является не чужой территорией, позволит политическому руководству страны правильно выстроить свои внутривнутриполитические и внешнеполитические курсы в этом регионе. Право сильного должно быть заменено Россией на научно обоснованное право проживания на исторической родине народа, принимавшего активное участие в этногенезе русского этноса. Алания (РСО-А, РЮО) и аланы (осетины) не должны больше оставаться заложниками бесперспективной для России политической игры с Грузией. Дальнейшее игнорирование жизненно важных национальных и политических интересов Осетии (Алании) приведет к полной утрате Россией территории Кавказа и сделает невозможным ее возвращение сюда даже в далекой перспективе.

Согласно мнению многих политологов, выработка российским обществом основных геополитических, цивилизационных, идеологических ориентиров внутреннего развития и своего места в системе трансформационных координат XXI столетия в последние годы заметно активизировалась (см.: [4]). Однако и сегодня данный процесс носит поисковый, незавершенный характер. Показательным в этом отношении является позиция Министерства иностранных дел Российской Федерации по проблеме Косово. Ее решение напрямую увязывается с проблемой «непризнанных государств» на постсоветском пространстве. Согласно данной позиции, только в случае признания независимости Косово от Сербии Россия готова рассмотреть возможности изменения политического статуса этих «квазигосударств». Никакие другие аргументы, в частности, необходимость учета своих национальных интересов, безопасность собственных государственных границ, не говоря уже о проблеме сохранения этнической идентичности народов Абхазии, Южной Осетии, большинство жителей которых являются граждана-

ми РФ, Приднестровья и др., не играют столь существенной роли во внешнеполитическом курсе РФ.

Неэффективность такой политики очевидна хотя бы потому, что, выступая в руках Москвы в качестве основного политического аргумента, «непризнанные государства» невольно становятся ее заложниками. Из нее следует, что не будь проблемы Косово, решение проблемы Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья и др. «непризнанных государств» на постсоветском пространстве, с учетом мнения их граждан, не имеет никакой видимой перспективы. Такое императивное мышление значительно сужает поле переговорного процесса как по проблеме Косово, так и по проблеме «непризнанных государств» в целом. Надо полагать, у Российской Федерации и без тесной увязки с ситуацией с «непризнанными государствами» имеются весомые аргументы в отстаивании своего видения решения проблемы Косово.

Вышесказанное свидетельствует о наличии серьезных противоречий в политическом самоопределении России, где основную роль играет позиция элитных групп российского общества. Внутри- и внешнеполитическая доктрина РФ должна учитывать нарастающие из года в год темпы развития культурной и этнической самоидентификации народов мира. Все вышеизложенное, по-видимому, должно стать органической частью политологического базиса государственной политики, проводимой Российской Федерацией на своих южных рубежах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бабурин С.Н.* Территориальные режимы и территориальные споры: государственно-правовые проблемы. — М.: Изд-во МГУ, 2001.
- [2] *Бабурин С.Н.* Мир империй: Территория государства и мировой порядок. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
- [3] *Хисамов И.* Синдром моурави // Эксперт. — 2002. — № 29. — 12 августа.
- [4] Факторы политического самоопределения России в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 6.

IDEOLOGICAL GUIDELINES OF THE POLITICAL COURSE OF RUSSIA IN THE CAUCASUS

H.G. Dzanaity

The Department of economy and foreign trade
Mountain state agrarian university

Kirov str., 37, Vladikavkaz, Republic Northern Ossetia-Alania, Russia, 362040

In the article there was conducted a historical and political analysis of the internal political situation and foreign policy in the Caucasus. We propose new guidelines for Russian state policy in the region.

«ЯДЕРНАЯ» СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЯТОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О.А. Смирнова

Факультет международных отношений
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
ул. Ульянова, 2, Нижний Новгород, Россия, 603005

Автор анализирует партнерство и сотрудничество между Французской Республикой и Великобританией в сфере ядерных исследований, создание и развитие французской ядерной доктрины. Автор исследует, как наличие ядерного оружия Франции влияет на политику Франции в области европейской безопасности.

Проблема ядерной составляющей безопасности Западной Европы приобрела в начале XXI века новые измерения в дополнение к давно обсуждаемому вопросу, будет ли у объединенной Европы собственное «ядерное сдерживающее средство».

Обладание таким средством предполагает выполнение комплекса условий. Помимо собственно оружия, средств его доставки и обеспечения, должны существовать: центры принятия решения о применении ядерного оружия; доктрины и концепции, определяющие потенциального противника — объект ядерного сдерживания, а также условия, цели и порядок возможного боевого применения ядерного оружия.

В эпоху холодной войны основное бремя сдерживания несли США. С ними через механизмы НАТО полностью солидаризировалась в стратегии сдерживания Великобритания. Франция, вышедшая из военной организации НАТО в 1966 г., стояла с ее ядерным потенциалом особняком. Но в целом все перечисленные выше условия действенности ядерного сдерживания, бесспорно, выполнялись.

Интегрирующаяся Европа не имела в прошлом и не имеет сейчас в собственном распоряжении ни ядерных вооружений, ни всего остального, без чего ядерное сдерживание не может быть эффективным и просто не может состояться. Пока на официальном уровне Европа ни разу не заявила, что не нуждается в собственном сдерживающем ядерном средстве [1. С. 53].

В то же время западноевропейская интеграция после Маастрихта и Амстердама все ближе подходит к рубежу, когда Европейский Союз неизбежно должен будет столкнуться с проблемой дальнейшей судьбы и предназначения ядерных вооружений, которыми обладают Великобритания и Франция.

В условиях биполярного мира и холодной войны вопрос о целесообразности обзаведения собственным ядерным сдерживающим средством возникал в Западной Европе за последние сорок лет неоднократно. При этом дискуссия неизбежно обращалась к проблеме необходимости и возможности сотрудничества здесь Англии и Франции: иных источников получения ядерного оружия и создания во-

енно-технических инфраструктур для его потенциального использования у интегрировавшейся Европы просто не было.

Под «западноевропейским ядерным сдерживающим средством», скорее всего, понимается гипотетический комплекс ядерных вооружений, на основе которого от имени ЕС (или другой формы политического объединения государств Западной Европы) уполномоченными на то органами и институтами ЕС и в интересах и целях общей политики объединенной Европы в вопросах ее безопасности, обороны и внешней политики могло бы осуществляться «ядерное сдерживание» [2. С. 123], как минимум, по перечисленным параметрам отличное от аналогичного сдерживания, осуществляемого США и НАТО. Появление у объединенной Европы такого потенциала в любом случае потребовало бы тесного политического и практического сотрудничества Великобритании и Франции как единственных в Западной Европе ядерных держав.

В настоящее время Франция занимает в мировом сообществе особое место, являясь одним из государств, обладающих ядерным оружием и имеющих все основания участвовать в принятии стратегически важных решений на самом высоком уровне. Однако процесс реализации и становления собственной независимой ядерной стратегии (стратегические ядерные силы — СЯС) и обладания системой сил ядерного сдерживания шел для Франции очень непросто, что и сегодня во многом определяет политику современной Франции в условиях продолжения борьбы за расширение и укрепление своего влияния в мире, в целом, и в Европе, в частности.

Ядерные исследования, прежде всего с целью создания атомного оружия, велись Великобританией, Францией и Германией еще перед Второй мировой войной. Квебекское соглашение между США и Великобританией от августа 1943 г. наложило запрет на передачу какой-либо информации о ядерной энергии третьим странам, в том числе и Франции. В июле 1946 г. конгресс США принял акт Макмагона, установивший жесткие ограничения на передачу информации об атомной энергии другим странам, в число которых на этот раз попала Великобритания. Таким образом, Великобритания и Франция после Второй мировой войны оказались примерно в равном положении и были вынуждены самостоятельно вести разработку ядерного оружия. Благодаря наработкам в исследованиях ядерной реакции и более устойчивому финансовому положению страны Великобритания опередила Францию, испытав свою атомную бомбу в 1952 г.

Еще до прихода во Франции к власти Шарля де Голля задача создания атомного оружия была включена в число первоочередных, причем первоначально возможная британская помощь рассматривалась как естественный и наиболее простой способ ускорения процесса исследований.

В 1958 г. конгресс США внес изменения в акт Макмагона, разрешив передавать информацию и материалы по атомному оружию странам, которые уже достигли значительного прогресса. Это положение открывало пути для продолжения англо-американского сотрудничества и, как следствие, блокировало пространство для налаживания англо-французского взаимодействия в этой области. Несмотря

на финансовые и технологические трудности, Франция провела успешные испытания своей первой атомной бомбы в Сахаре в 1960 г.

Появление на рубеже 50—60-х годов XX в. ракетно-ядерного оружия в корне меняло военно-стратегическую ситуацию в мире и Европе. Идея обретения Европой собственного «европейского сдерживающего средства» [4. С. 75] была предложена на Ассамблее Западноевропейского союза (ЗЕС) в 1959 г. видным деятелем лейбористской партии Великобритании Ф. Малли. При этом французские и британские ядерные силы, выполняющие роль таких средств, оставались бы под национальным контролем соответствующих государств. По ряду причин это предложение не было реализовано и, прежде всего, из-за разных позиций этих двух стран.

Основа французского ядерного потенциала была заложена в ходе реализации четырех военных программ в соответствии с долгосрочным планом «Каэланш-1», рассчитанным на 20—25 лет. Значительные средства были выделены на опытно-конструкторские работы, направленные на создание морских ядерно-ракетных сил.

Одновременно велось научное обоснование французской доктрины использования ядерного оружия: главная цель Франции — создание независимой и единой Европы под руководством Франции — может быть решена лишь с выходом европейских стран из-под опеки Вашингтона под руководством Франции. Следовательно, ядерное оружие должно было выступать как средство давления при достижении национальных внешнеполитических целей. Разработкой «ядерной доктрины» Франции занимались П. Галлуа, Л. Пуарье, А. Сангинети. В конечном итоге их концепция получила название «сдерживание слабым сильного», и суть ее заключалась в идее, что даже более слабое в военной области государство, но обладающее ядерным потенциалом, может путем угрозы его применения сдерживать сильного агрессора от развязывания конфликта.

Таким образом, французское военно-политическое руководство определило для своих стратегических ядерных сил главную цель — сдерживание войны, а в качестве возможных форм их применения — нанесения всеми имеющимися носителями массированного ядерного удара (концепция «все или ничего») по объектам промышленного потенциала противника (концепция «удара по городам») при любом нападении агрессора. В военном строительстве приоритет отдавался стратегическим вооружениям.

С конца 1950-х гг. французское руководство стало проводить политику «ядерного национализма», что в конечном итоге привело к выходу Франции из военной структуры НАТО.

Франция, рассматривавшая свои ядерные силы как национальное достояние, предполагала создание «политического, экономического и военно-политического объединения» государств Западной Европы на основе полной самостоятельности будущего союза по отношению к США. Между тем Великобритания развивала свои «независимые ядерные силы» в общем контексте доктрины НАТО.

Для Франции создание собственного ядерного потенциала было, как представляется, лишь частью проводимой голлистами политики возрождения и ук-

репления «величия Франции» [6. С. 97], акцентировавшей автономность страны от США и НАТО.

Таким образом, политический курс, заданный стране де Голлем, был альтернативой доминированию двух сверхдержав, силовому сдерживанию коммунизма и поляризации мира. Вместе с тем ядерная стратегия «обороны по всем азимутам» — неопределение заранее противника — была сугубо национальной.

В период президентства В. Жискара д'Эстена основные принципы голлистской ядерной стратегии сохранились. Однако наметились и первые шаги в эволюции внешнеполитического курса Франции, направленные на сближение с США и НАТО. Так, в 1974 г. Франция признала взаимосвязь ядерных сил Великобритании и Франции в общей системе сил сдерживания Североатлантического блока. В 1976 г. вместо концепции «все или ничего» официально принимается концепция «реалистического сдерживания на всех уровнях». Это дало определенный толчок развитию тактически ядерных средств.

Существенные изменения военно-политической ситуации в Европе и мире и эволюция «средств сдерживания» заставляли переосмысливать надежность ядерных гарантий США западноевропейским государствам — членам НАТО — и периодически возвращаться к идее обретения Европой собственного объединенного «ядерного сдерживающего потенциала».

Объективно возникали новые стимулы к налаживанию англо-французского сотрудничества, поскольку ядерной дееспособности этих двух западноевропейских государств угрожали бы в перспективе как слишком радикальные сокращения ядерных арсеналов двух сверхдержав, так и чрезмерно энергичное развитие их стратегических потенциалов. Став к началу 1980-х годов одновременно и признанными участниками, и (по масштабам накопленных вооружений) аутсайдерами «ядерного клуба», Франция в совмещении усилий с Великобританией стремились законсервировать этот клуб в том состоянии, которое позволяло бы им как можно дольше сохранять ранее достигнутый статус дееспособных ядерных держав.

При Р. Никсоне Франция и США стали активно сотрудничать в сфере обмена технологиями ядерного производства и информацией. Однако это не затрагивало основную голлистскую установку — неучастие в ОВК НАТО.

Изменяются задачи стратегических ядерных сил. Теперь руководство Франции считает, что они не могут быть применены в качестве ответа на любую форму агрессии, а только в случае атомного нападения. Одновременно ведутся разработки новых образцов стратегических вооружений.

Со второй половины 1980-х годов тема военно-политического сотрудничества «Франция — Англия» становится постоянной в прессе и в кругах, близких к формированию внешней и оборонной политики каждого из двух государств. Превалировали настроения и призывы в пользу дальнейшего взаимодействия как в ядерной, так и в военной областях. Идею англо-французского ядерного сотрудничества поддерживали и в ФРГ.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов начинается новая волна поисков возможностей и путей двустороннего стратегического сотрудничества, возрастает

активность в сфере совместных разработок ядерных вооружений. Этот прилив заинтересованности, как представляется, был продиктован вначале ожиданием, а затем и фактом стратегических последствий распада СССР.

Конец конфронтации двух систем, обусловленный этим распадом, означал исчезновение на рубежах Западной Европы такого потенциального противника, которого нужно было «сдерживать» всей огромной американской мощью. Теперь уже США могли не стать безоговорочно на ядерную защиту Западной Европы, особенно если источником угрозы и/или агрессором будет не постсоветская Россия (которая могла теоретически стать участницей западного клуба), но иные силы.

С распадом ялтинско-потсдамской системы международных отношений Западная Европа могла со временем оказаться перед необходимостью «обороны по всем азимутам», и здесь рассчитывать на автоматизм американского «ядерного зонтика» было уже рискованно [1. С. 60].

В 1990-е годы мотив необходимости налаживания англо-французского сотрудничества в сфере ядерных разработок зазвучал с новой силой. Англии предстояло пережить новую волну кризиса «особых отношений» и атлантического партнерства с США. Франции пришлось привязывать свою стратегическую доктрину к новым реалиям, в которых уже не было политического пространства для проявления традиционной антиамериканской фронды.

Англо-французские отношения в ядерной области получили некоторый импульс в рамках созданной в ноябре 1992 г. Совместной комиссии по ядерной доктрине и политике (A Joint Commission on Nuclear Policy and Doctrine). Работа комиссии была засекречена, но ее публично провозглашенные задачи включали разработку общих концепций в сферах ядерного сдерживания, контроля за ядерным оружием и режимом нераспространения.

Выступая в национальном собрании Франции 10 января 1992 г., президент Ф. Миттеран высказал предложение о разработке в рамках ЕС целостной западноевропейской доктрины сдерживания. Затем в 1992 г. Франция присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). А в Белой книге по вопросам обороны Франции от 1994 г. было отмечено, что «вопрос о европейской ядерной доктрине обречен стать одним из главных вопросов в создании общей европейской обороны» [6. С. 77]. В январе 1995 г. тогдашний министр иностранных дел Франции А. Жюппе в связи с ядерными испытаниями, проведенными Францией вопреки многочисленным протестам, утверждал, что это было сделано «в интересах Европы в целом».

Вызвав жесткую критику западных европейцев в адрес Франции, испытания показали, что ее «европейские партнеры менее заинтересованы воспользоваться стесняющими стратегические взаимоотношения французскими ядерными достижениями» и не торопятся поддержать новую французскую ядерную доктрину «согласованного сдерживания». Ее суть состояла в приобщении желающих западноевропейских стран к ядерным секретам Великобритании и Франции с целью выработки доктрины использования ядерного оружия Европейским Союзом и создания модели сдерживания для Западной Европы при со-

хранении «ядерного средства сдерживания» под национальной юрисдикцией Великобритании и Франции и при финансовых вливаниях в национальные ядерные программы этих двух стран [5. С. 78].

В числе особенно недовольных французскими предложениями выделялись нейтральные страны — члены ЕС, такие как Швеция и Ирландия, которые не хотели принимать финансовое участие в осуществлении ядерного сдерживания. И даже главный союзник Франции в европейских делах — Германия — дала понять, что ядерные гарантии США остаются гораздо важнее, чем все, что может предложить в этой области Франция. В такой ситуации последней ничего не оставалось, как вести диалог в этом направлении лишь с одним членом ЕС — Великобританией, которая осенью 1995 г. отказалась осудить Париж за возобновление ядерных испытаний на тихоокеанском атолле Муруроа, но не переставала призывать Францию участвовать в консультациях по всему кругу проблем в ядерной области в рамках НАТО.

На этом фоне вновь ожила дискуссия о возможности создания в 2001—2010 гг. под эгидой ЗЕС объединенных англо-французских ядерных сил морского базирования. Однако, как отмечалось в сборнике официальных документов британской внешней политики, между Францией и Британией за все годы «не было заключено никакого особого соглашения в сфере ядерного сотрудничества»; нет и никакого практического сотрудничества по вопросам совместного использования ядерного оборудования и обмена информацией об испытаниях ядерного оружия. Это объясняется все теми же англо-американскими «особыми отношениями». Их «особость» применительно к ядерной сфере заключается в том, что США пока получают все возможности эффективно блокировать появление в западном мире соперничающего с ними центра ядерной мощи [1. С. 57].

С середины 1990-х годов США, видимо, активизировали усилия по вовлечению Франции в систему соглашений, которые давали бы им в перспективе контроль над дееспособностью Французской Республики в ядерной области.

Так, 4 июля 1996 г. между двумя странами было подписано секретное соглашение о сотрудничестве в сфере поддержания высокой степени готовности их ядерных арсеналов после вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Самым значительным пунктом франко-американского соглашения является согласие США поделиться компьютерными методами моделирования ядерных взрывов, что означает возможность продления технических сроков годности существующих ядерных боеприпасов без необходимости проведения их выборочных испытаний [1. С. 57].

Однако таким образом Франция даже в поддержании имеющегося у нее ядерного потенциала попадает в зависимость от США и рискует лишиться способности создавать новые типы такого оружия.

Полагая, что ЕС пока «далек от образования единых исполнительных структур подлинного политического союза», во Франции еще энергичнее заговорили о «согласованном сдерживании» — теперь с Германией. В 1997 г. стали достоянием гласности некоторые детали «Общей концепции безопасности

и обороны» (Common Concept for Security and Defence), принятой на встрече премьер-министра Франции Ж. Ширака и канцлера ФРГ Г. Коля в Нюрнберге 9 декабря 1996 г. В ней говорилось: «Высшая гарантия безопасности союзников обеспечивается стратегическими ядерными силами альянса, прежде всего силами Соединенных Штатов; независимые ядерные силы Соединенного Королевства и Франции, играющие собственную сдерживающую роль, вносят вклад в общее сдерживание и безопасность союзников» [4. С. 154].

Эта концепция была воспринята западноевропейскими странами как готовность французского правительства приобщить Германию к ядерным секретам, что шло вразрез с Оттавской декларацией НАТО 1974 г. и ее стратегической концепцией 1991 г. Только смена правительства в июле 1997 г. помогла официальным лицам Франции выйти из щекотливого положения и снова заговорить о ядерном измерении для Европы.

В сентябре 1997 г. и Ж. Ширак, и Л. Жоспен снова подтвердили интерес к внутриевропейскому диалогу по ядерной проблематике. Возвращение к прежним внешнеполитическим взглядам нашло отклик у сменившего консерваторов нового лейбористского правительства Великобритании во главе с Т. Блэром.

В то же время, как и следовало ожидать, революции в области ядерной доктрины и политики Великобритании не произошло; следовательно, возможности для сотрудничества с Францией в этой области определяются известным набором факторов.

На протяжении 1990-х — начала 2000-х годов, в условиях закрепления новых европейских и глобальных реалий англо-французский диалог по вопросам двустороннего сотрудничества в сфере ядерных вооружений, в том числе в интересах создания западноевропейского ядерного потенциала сдерживания, политически развивался достаточно интересно. Но в сфере двустороннего стратегического сотрудничества никакого прогресса, способного иметь реальное военно-политическое значение, так и не произошло. Оно ограничилось, по сути, лишь политическими акциями, не затрагивающими функционирование национальных стратегических комплексов.

Евросоюз политически и технически не готов к созданию и задействованию механизмов принятия решений и их технического использования, необходимых для того, чтобы западноевропейская стратегия ядерного сдерживания обрела материальное выражение и действенность. Формирование же единой политики ЕС в области безопасности, обороны и внешней политики будет приближать рубеж, когда членство государств Западной Европы в НАТО в практическом и политико-правовом планах начнет все более приходить в противоречие с наднациональными структурами объединенной Европы.

Вместе с тем в условиях современного мира практика ядерного сдерживания обретает тенденцию к расширению. Так, на пресс-конференции в марте 2002 г. министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен, говоря о ядерной доктрине Франции, подчеркнул, что «сдерживание также должно позволить нам противостоять угрозам, которые могут исходить от региональных государств, оснащенных оружием массового уничтожения» [3. С. 55—56].

Однако можно не сомневаться, что англо-французский диалог по проблеме сотрудничества в области ядерных вооружений будет продолжен. С одной стороны, этот диалог стал формой по-своему эффективного политического использования ядерного фактора; он подчеркивает особое в этом плане место Великобритании и Франции в Европе и мире. С другой — продолжаются франко-британские контакты в военной области, неизбежно выводящие участников сотрудничества на военно-ядерную проблематику.

Так, в настоящее время во Франции разрабатывается концепция нанесения «высокоточных ядерных ударов» авиационными носителями. В случае развязывания войны французские СЯС предполагается использовать совместно с ядерными силами США и Великобритании. Правительство Французской Республики активно выступает за создание европейской системы ядерного сдерживания, основу которой должны составить французские и английские ядерные силы.

В любом случае не вызывает сомнений, что дальнейшая политическая и военно-политическая интеграция Западной Европы не сможет игнорировать проблемы, которые являются производными от наличия у Великобритании и Франции собственных ядерных потенциалов.

Итак, в соответствии с изложенным выше материалом можно констатировать тот факт, что первая попытка обозначить основные черты такого понятия, как французская геополитическая идентичность, была связана с выходом страны из военной структуры Североатлантического альянса в 1966 году и «концепцией великой державы и ядра объединенной Европы» генерала де Голля.

Современный внешнеполитический курс Франции в рамках геополитической идентификации страны на международной арене вполне укладывается в концептуальные положения военно-политической доктрины де Голля с особым акцентом на увязке общеевропейской безопасности с национальной безопасностью Франции (и по большей степени — с ядерными гарантиями безопасности страны). Любая инициатива, направленная на активизацию европейского строительства, восстановление бывшего величия и статуса — и, соответственно, экономических и внешнеполитических амбиций великой державы, как правило, легко одобряются, кроме того, их реализация нередко форсируется. Поэтому можно предположить, что дальнейшее развитие политической системы Пятой Республики будет в большей степени связано с развитием общеевропейских политических тенденций и с углублением процесса европейской интеграции, одной из составных частей которой будет являться Франция со своей демократической структурой.

Что касается собственно «ядерной стратегии» государства, то очевидно, что вот уже минимум пять десятилетий Французская Республика следует в этом вопросе «бонапартистской политике лавирования» и маневрирования. В конечном итоге этот курс привел к ее возвращению в командную структуру НАТО. Это, в свою очередь, значит, что при всей своей демонстративной центробежной направленности в ближайшем будущем Франция едва ли выйдет из орбиты политического курса Североатлантического альянса, что, естественно, не может не отразиться на продолжающемся процессе ее геополитической идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреева Т.Н. Безопасность Западной Европы и независимые ядерные силы Великобритании и Франции // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — № 1.
- [2] Воронцова С.Б. США и Франция: соперничество и партнерство. — М.: Международные отношения, 1983.
- [3] Глухарев Л.И. Европейские сообщества: в поисках новой стратегии. — М.: Международные отношения, 1990.
- [4] Давыдов Ю.П. США — Западная Европа в меняющемся мире. — М.: Наука, 1991.
- [5] Потемкина О.Ю. Становление обновленной Европы // Современная Европа. — 2003. — № 3.
- [6] Червяков А.И. Военно-политический курс Франции в 1995—2010 гг. // Мировая экономика и международные отношения. — 1995. — № 10.

THE NUCLEAR PART OF THE GEOPOLITICAL IDENTITY OF THE FIFTH FRENCH REPUBLIC

O.A. Smirnova

The Faculty of International Relations
State University named after N.I. Lobachevsky
Ulianova str., 2, Nizhniy Novgorod, Russia, 603005

The author analyzes partnership and cooperation between the French Republic and the Great Britain in the sphere of the nuclear research, creation and development of the French nuclear doctrine. She investigates how possessing of nuclear weaponry influences France's policy in the field of European security.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Самир Исмаил

Кафедра политологии
Дамасский университет
Тель Мнин, Дамаск, Сирия, 961111

В статье анализируется роль арабских стран в современной системе международных отношений. По мнению автора, западные государства (в первую очередь США) в настоящее время в целом продолжают придерживаться неоколониальной парадигмы по отношению к странам Ближнего Востока.

Исследование проблематики, касающейся Ближнего Востока и его места в системе международной политики, методологически предполагает изучение и анализ того, что принято называть кризисом современной арабской государственности. Системные кризисы, переживаемые арабским миром, стали одним из его уязвимых мест, используемых внешними силами для легитимации своих действий, направленных на реализацию собственных интересов. С точки зрения направленности и используемых средств эти действия во многом напоминают былые времена — период «классического» колониализма. Разница в том, что если в конце 19 — начале 20 века в идеологический набор колонизаторов входили такие выражения, как «установление опеки» и «заполнение вакуума», то на рубеже 20—21 веков на смену им пришли идеи вроде «проекта реформ». С одной стороны, это стало своеобразным отражением перемен, произошедших в глобальном, региональном и локальном масштабах: сегодня трудно говорить об «опеке», поскольку народы «достигли совершеннолетия». Тем не менее, по сути, все та же опека стала сегодня неотъемлемым элементом планов установления новой гегемонии. Такая трансформация имеет определенный смысл с точки зрения идейно-политического видения ситуации, однако сути вопроса она отнюдь не меняет. Иными словами, политический менталитет, породивший идеологию классического колониализма, остался прежним; просто для новых условий подобраны «подходящие» словесные оболочки.

Таким образом, мы имеем дело со сменой средств, обусловленной изменением ситуации — при сохранении все той же колониальной политики, допускающей возможность вмешательства в дела регионов, пока не превратившихся из «объекта» в «субъект» международной политики. Применительно к арабскому миру можно говорить о том, что предпосылки, делающие возможным внешнее вмешательство и возрождение разного рода иностранных «проектов», обусловлены низким уровнем легитимности современных арабских государств по сравнению с недавним прошлым, а также активностью крупных международных блоков.

Структурные кризисы в арабском мире предоставили мировым центрам силы удобный повод, позволяющий придать видимость легитимности вмешательству в дела этого региона для осуществления своих интересов и установления контроля над ним (точно так же, как в прошлом колониальные державы пользовались такими кризисами для вмешательства, которое тогда называлось «установлением опеки», «заполнением вакуума» и т.п.). Применяемые при этом средства разнятся в зависимости от характера таких кризисов и степени их остроты (см.: [6; 13]).

Нельзя отрицать того, что современная обстановка в арабском мире и вокруг него складывается весьма драматично. С одной стороны, национальные государства здесь уже не обладают прежней степенью легитимности [5. С. 67—68]. Причем такая утрата легитимности (пусть и в разной степени) ощущается не только внутри самих этих государств, но и в отношении к ним извне — особенно в свете современной эволюции системы международных отношений, когда крупные центры силы перестали всерьез считаться с суверенитетом национальных государств [1. С. 117—118]. С другой стороны, чтобы угнаться за все ускоряющимся лавинообразным развитием науки, техники и информатики, сегодня необходимо объединяться в крупные межгосударственные блоки. Даже такие державы, как Германия, Франция и Великобритания, не поспевают за современным прогрессом; что уж говорить об арабских странах.

В связи с этим существенные изменения претерпел юнионистский дискурс в арабском мире. Сегодня полемика вокруг перспектив объединения ведется уже не между «юнионистами» и «сепаратистами», не между проповедниками арабского единства и адептами безусловного суверенитета отдельных государств. Сейчас спор идет между теми, кто призывает к объединению арабской нации и активизации межарабской региональной системы, представленной Лигой арабских государств [3. С. 320], с одной стороны, и проводниками идеи построения «Большого Ближнего Востока», или «Нового Ближнего Востока», продвигаемой Соединенными Штатами и пользующейся поддержкой «семерки» индустриальных держав, — с другой.

Можно сказать, что методы насильственной аннексии ныне преодолены человечеством и остались в прошлом. В современной политической мысли устоялся принцип права народов на самоопределение. К тому же сегодня любое политическое образование, испытывающее дефицит внутренних возможностей и ресурсов, может прибегнуть к помощи внешних сил для защиты своей неза-

висимости. Вместе с тем последние изменения в системе международных отношений создают возможности для вмешательства внешних сил в любую внутреннюю коллизию или ситуацию, которая, как представляется этим силам, может повлиять на их интересы — даже если такая ситуация по определению должна быть урегулирована самим государством в соответствии с нормами национального суверенитета (см.: [14]). Так произошло, например, применительно к сирийско-ливанскому досье, раскрученному теми, кто сейчас, благодаря произошедшему изменению баланса сил, получил возможность вмешиваться в дела обоих государств.

Из-за того, что арабский мир на сегодняшний день еще не осознал общности своих коренных интересов, высших интересов арабской нации, на свет появилось множество новых зарубежных стратегий, примеряемых к этому региону (см.: [11]). Не случайно неогегемонистские силы стараются вдохнуть жизнь в старую идею «Ближнего Востока», которая некогда являлась частью колониальной политики Запада в отношении «Восточного вопроса» и дележа наследства «больного человека Европы». Активизация гегемонистской политики по отношению к арабскому миру, и в особенности актуализация старой идеи «Ближнего Востока» в современной международной политике, свидетельствует о глубине падения арабского мира, вернувшегося к временам, предшествовавшим образованию современных арабских государств. Это означает, что арабский мир вновь стал пассивным «объектом», «материалом» для международной политики с ее разнообразными проектами — вместо того, чтобы стать единой силой, независимо и эффективно участвующей в международных отношениях вообще и в построении новой международной системы в частности.

Исторически идея «Большого Ближнего Востока» возникла в связи с двумя обстоятельствами: упадком и отсталостью Османской империи, включавшей в свой состав арабский мир, и подъемом европейского колониализма. «Ближний Восток» стал объектом борьбы интересов на мировой арене и частью стратегических планов установления геополитической гегемонии (см.: [16]). И появление этой идеи на современном этапе означает только одно: что возникли новые варианты старой стратегии, причем роли сторон практически не изменились.

Таким образом, в данном контексте современную международную политику в отношении «Ближнего Востока» можно расценивать как новое звено старой цепи. Сегодня мировые державы (в первую очередь США) заявляют, что их цель заключается в том, чтобы добиться коренных преобразований на «Ближнем Востоке», развития его культуры вообще и политической культуры в частности, поскольку недостаток такой культуры является одной из главных причин его нынешней отсталости.

Сейчас эта идея воплощена в лозунге «реформ», якобы необходимых ввиду переживаемых регионом острых кризисов, которые уже не являются внутренним делом тех или иных отдельных государств, но приобрели региональное и международное звучание. Авторы идеи «реформирования» пытаются заручиться симпатиями и поддержкой народов региона, а также всего мирового сообщества, утверждая, что их проект нацелен на поддержание международной безопасности.

Однако американские стратеги не ограничиваются заявлениями о необходимости реформ. Они выдвигают целый ряд других лозунгов, особенно применительно к тем странам, в которых желательно добиться перемен. Варианты здесь могут быть различными — в зависимости от того, какой подход представляется оптимальным в свете интересов США. Например, в отношении Саудовской Аравии и государств Персидского залива на первый план выдвигается идея защиты прав человека, и лишь затем — необходимость противостояния терроризму и насилию. А применительно к Ираку и Сирии вначале критикуют терроризм, а потом — ущемление прав и свобод. Если же та или иная страна соглашается выполнить требования мировых держав (как это сделала Ливия), то всякая критика, связанная с правами человека, терроризмом и оружием массового поражения, сходит на нет и выводится из обращения.

Можно сказать, что сами лозунги, выдвигаемые в рамках проектов реформ, меняются по мере развития международных событий. Сегодня они адресуются уже не только региону «Ближнего Востока».

Эта трансформация произошла в два этапа. Первый из них — это период, предшествовавший событиям 11 сентября 2001 г. Тогда говорили, в основном, о поощрении демократии, установлении эффективных систем управления, эмансипации женщин, прозрачности, борьбе с коррупцией, укреплении гражданского общества, стимулировании частного сектора, вступлении в ВТО в целях развития международной торговли, создании специальных экспортных зон и зон свободной торговли. После сентябрьских событий наступил второй этап. Все перечисленные лозунги были отодвинуты на задний план, а первостепенное внимание стало уделяться проблемам борьбы с терроризмом и террористами, причем арабские страны, согласно американскому видению, стали основными поставщиками того и другого [15. С. 225].

Не вызывает ни малейших сомнений, что мировые центры силы, призывающие к реформам и переменам в регионе «Ближнего Востока», стремятся к защите собственных интересов. Более того, в зависимости от изменений на международной арене они меняют способы и приемы поддержания этих интересов, стараясь не утратить международной легитимности (см.: [17]) Для продвижения этих интересов используются структурные кризисы, переживаемые арабскими государствами.

В соответствии с нормами современных международных отношений какая-либо из мировых держав сегодня не может заявить, что хочет поставить под свой контроль тот или иной регион мира, поскольку этим обеспечиваются его интересы. Зато вполне приемлемо (и этим можно даже снискать международную легитимность) заявить, что кризисы, происходящие в том или ином государстве (особенно если это слабое государство, расположенное где-нибудь в «третьем мире»), угрожают стабильности международной системы — и благосклонность мирового общественного мнения будет обеспечена. Тем более, что события 11 сентября дали Соединенным Штатам и другим державам сильнейший козырь, позволяющий им вмешиваться в дела любого государства под предлогом того, что оно является рассадником терроризма и насилия (см.: [12]).

Однако на поверхности одно, а в глубине — совсем другое. Если взять, например, проект «Большого Ближнего Востока» и его объявленные цели (реформа, демократия, права человека), то достаточно взглянуть на то, как он практически воплощается в жизнь в Ираке. Здесь мы увидим примитивную демократию, искусственно насаждаемую путем создания этноконфессиональных кантонов в соответствии с интересами США (см.: [4; 8]). Следовательно, в масштабах арабского мира вопрос стоит не о выборе между единством и раздробленностью, а о выборе между общенациональной интеграцией и расчленением по этническому, конфессиональному и доктринальному признаку. Если возобладает последний вариант, то мы получим мозаичную общность, лишенную четко выраженной идентичности и всегда готовую к борьбе и вооруженному противостоянию между отдельными ее частями.

Пример «реформ», проводимых в Ираке, механизм, используемый для их осуществления, и первые итоги этого процесса демонстрируют сущность целей, к достижению которых стремятся «реформаторы». Американские рассуждения о «реформах», подготавливающих создание «Большого», или «Нового Ближнего Востока», вовсе не предполагают построения подлинной демократии в регионе, поскольку это не отвечало бы интересам военно-промышленного и нефтяного комплексов США, играющих первостепенную роль в принятии решений в этой стране [9. С. 26—43]. И пример Ирака может служить ярким тому подтверждением. Накануне развязывания войны из уст представителей американской администрации слышались разговоры о решимости приступить к кардинальному реформированию арабских обществ после выполнения миссии по «освобождению Ирака». Вместо «оккупации» авторы идеи преобразований употребляли слово «трансформация» (см.: [18]).

Вехи «построения демократии» в Ираке — формирование «Совета руководства», затем «временного правительства» и принятие «временной конституции» — отразили стремление изолировать Ирак от его общеарабской идентичности, отделить иракцев от арабской нации. Они также опасно затронули социальную структуру этой страны. Ведь, помимо изоляции от арабского мира, руководящие органы Ирака формировались и конституция принималась на основе этнического и конфессионального паритета, а первостепенное значение придавалась родовой (родоплеменной) принадлежности. Таким образом, приоритет отдавался лояльности по отношению к более мелким (по сравнению с национальной) общностям, а существующее социальное разобщение закреплялось в основополагающих документах. Очевидно, что такая практика противоречит элементарным нормам демократии, предполагающим полное равенство между всеми гражданами. Противоречит она и принципам гражданственности.

В международном аспекте использование на саммите «восьмерки» термина «Большой Ближний Восток» в качестве девиза инициативы «реформ», имеющей американское происхождение, свидетельствует о существующем в рамках «восьмерки» консенсусе. Руководители индустриальных держав рассматривают регион как некое географическое пространство, а отнюдь не как очаг арабской цивили-

лизации и культуры, ареал распространения ислама, район, располагающий особым культурным наследием, разделяющий специфические ценности и специфические нормы поведения. Такой подход вполне соотносится с образом мыслей и действий европейских колонизаторов и их американских наследников, которые, ничтоже сумняшеся, прилагали надуманные востоковедческие постулаты к реалиям арабского мира. Между тем этот мир располагает всеми признаваемыми современной политической мыслью предпосылками для национального бытия, высоким уровнем гомогенности, основанной на общности происхождения, языка, культуры, ценностей и образа жизни. Это признается наиболее точными и честными социологическими исследованиями [2. С. 189—229].

Политика международных центров силы (в первую очередь США) отталкивается прежде всего от собственных представлений о событиях. Они ставят перед собой задачу произвести так называемый «качественный поворот» в политике по отношению к своим арабским и мусульманским «друзьям» и «союзникам» после окончания эпохи «холодной войны». Цель такого поворота заключается в том, чтобы активнее адаптировать их к «реформам» в их новой редакции (особенно американской), независимо от того, насколько они («реформы») окажутся адекватными и приемлемыми. Добиться желаемой адаптации будет нелегко [7. С. 512—513]. Тем более, что наиболее заметным признаком современного этапа в арабском мире стало снижение остроты внутренних угроз для правящих режимов. Военных переворотов, столь частых прежде, здесь больше не случается, а шансов на их успешное осуществление почти не осталось. Отсутствуют объективные и субъективные условия для массовых революций. Поэтому главная угроза для арабских правительств исходит сегодня в первую очередь извне.

Однако основная проблема как для властей предрежащих, так и для представителей современной арабской политической мысли заключается в том, что они все еще не осознают сути происходящих перемен и создаваемых ими новых потенциальных возможностей, связанных с вмешательством во внутренние дела. И наиболее ярким отражением этих новых возможностей можно считать как раз предлагаемые проекты реформирования, независимо от их формы или объявленного содержания.

В заключение остается отметить, что разговоры о переустройстве арабского региона стали вестись американцами не сегодня. Они связаны не с событиями 11 сентября 2001 г. Начались они и не в 1989 г., когда в связи с ликвидацией советской угрозы и распадом социалистического лагеря вашингтонские стратеги объявили ислам своим новым «врагом номер один». Еще в начале 1957 г. администрация США провозгласила «доктрину Эйзенхауэра», предусматривающую «заполнение вакуума на Ближнем Востоке» ввиду падения престижа и утраты эффективности старых колониальных держав — Англии и Франции — после Тройственной агрессии против Египта осенью 1956 г. Уже в те времена мишенью для американцев стало арабское национально-объединительное движение. К объявленной тогда войне против националистической мысли и национального действия арабов были привлечены самые разные арабские режимы

и организации — от крайне правых до крайне левых (как это происходит и сегодня в связи с объявленной войной против терроризма). Эти режимы и организации усматривали тогда главную угрозу для своих интересов не в американском империализме и не в сионизме, а в арабском националистическом движении, стремившемся добиться единства и социальной трансформации арабской нации.

И все же «война идей» в эпоху Буша-младшего и администрации «неоконсерваторов» отличается от той, что велась во времена Эйзенхауэра (см.: [10]). Тогда «холодная война» против Советского Союза налагала определенные ограничения на поведение американцев в «третьем мире». В американском политическом дискурсе того времени не было явных расистских ноток. А арабские и мусульманские режимы и организации обладали определенным авторитетом и весом в глазах американской администрации. Сегодня баланса сил в международной политике больше не существует. В нынешнем дискурсе и практике американской администрации нет ничего, что свидетельствовало бы о том, что арабы рассматриваются ею как древняя нация, внесшая значительный вклад в копилку человеческой цивилизации. Совсем наоборот: дело подается так, что администрация США противостоит архаичным коррумпированным режимам, обществам, лишенным воли и здоровых амбиций, людям, одержимым ксенофобией и изоляционизмом, прогнившим ценностям и отжившей культуре, которая является главным источником насилия и терроризма!

С этой ситуацией связаны изменения в американской стратегии по отношению к «Ближнему Востоку» и арабскому миру. Прямое военное вмешательство в Ираке стало, пожалуй, первой и наиболее масштабной «разминкой» в рамках этой новой стратегии. Оно представляет собой попытку воплотить в жизнь «стратегические проекты», которых немало накопилось на протяжении истории американского «теоретизирования» в отношении ближневосточного региона, и отражает сущность идеологии неоконсерваторов. Однако этот «эксперимент» демонстрирует узость и бесперспективность подобных подходов. Дело в том, что проекты, пригодные к практическому воплощению, не могут носить на себе ярлык «сделано в США». Всякий крупный проект, особенно если он касается Ближнего Востока или, в более узком смысле, арабского мира, может быть успешным лишь в том случае, если будет иметь местное происхождение и опираться на собственный опыт и практику региона.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аббас А.Х. Суверинитет. — Дамаск, Дар Аль-Хасад, 1994 (на араб. яз.).
- [2] Аль-Джанаби М. Ирак — актуализация будущего. — Дамаск, Дар Аль-Мада, 2004 (на араб. яз.).
- [3] Ахмад А.Ю. Арабский мир — цивилизационный подход // Марказ Дйрасат Алоахда, 2001 (на араб. яз.).
- [4] Биликзез А. Невыполнимый проект // Аль-мостакбал араби. — 29.05.2003 (на араб. яз.).
- [5] Биликзез А. Политическая реформа в арабском мире // Дирасат Фикриа. — 04.07.2004 (на араб. яз.).

- [6] Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [7] Исин А. Третья мировая война — 11.09. и международный мир. — Дамаск, Дар Аль-Мада, 2003 (на араб. яз.).
- [8] Кордсман А. Выборы в Ираке — обратная сторона сказки // Аль-мостакбал араби, 2003 (на араб. яз.).
- [9] Лоран И. Война семейства Буша. — Дар Аль Хаиал, 2003 (на араб. яз.).
- [10] Ричи Р. «Упрямец» Буш и «заговор Голливуда» // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [11] Сирия эпохи Башшара Аль-Асада. — 11-2-2004 // www.internationalcrisisgroub.com (на араб. яз.).
- [12] Хаас Р. Конец эпохи? // Россия в глобальной политике. — 2006. — № 6.
- [13] Хоуг Дж. Глобальный передел // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [14] Хоуг Дж. Сдвиг в глобальной расстановке сил // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 4.
- [15] Шимд И.Д. Роль случайности и глупости в изменении хода истории. — Дамаск, Дар Аль-Мада, 2002 (на араб. яз.).
- [16] Эрдоган Р.Т. Широкий взгляд на «Большой Ближний Восток» // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 4.

Интернет-ресурсы

- [17] Bodansky Y. Peres and The New Middle East. — 12 December 2004 // www.freeman.org
- [18] The President of the USA, speech on the web site of American foreign ministry // www.usinfo.state.gov

THE MIDDLE EAST IN THE MODERN SYSTEM OF WORLD POLITICS

Samir Ismail

The Faculty of Political sciences
Damascus University
Tel Mnin, Damascus, Syria, 961111

The article is devoted to the analysis of the role of Arabic countries in the modern system of international relations. The author states that Western powers (especially the USA) still apply the neo-colonial paradigm to the countries of the Middle East.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В СТРАТЕГИИ США

Ашвад Аббас

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Михлухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу места Ближнего Востока в стратегии Соединенных Штатов Америки, ее значения для американской внешней политики. Рассматриваются последние изменения в американской стратегии, история ее развития и эволюции, а также теории международных отношений, связанные с политикой на Ближнем Востоке.

Национальная стратегия США строится на учете внешнеполитических реалий соответственно тому историческому этапу, на котором эти реалии возникают. Поэтому изменения в американской стратегической ориентации в основном увязаны с переменами, затрагивающими международные отношения и мировое сообщество в целом. Однако это не означает отсутствия фундаментальных основ, на которых базируется внешнеполитическая стратегия США (см.: [12; 13]). За множественностью вариантов этой стратегии скрывается одна объединяющая их черта: стремление осуществить цели и реализовать интересы Соединенных Штатов (см.: [15]).

В связи с этим возникает вопрос о том, какие именно цели преследует Вашингтон на Ближнем Востоке. Как известно, Соединенные Штаты пришли в этот регион относительно поздно — в конце девятнадцатого века. Вначале они ставили перед собой цели скорее культурного характера [25. Р. 13], затем, в двадцатые годы прошлого столетия, выдвинули экономические задачи [17. С. 26—32], в особенности связанные с нефтедобычей. После второй мировой войны на передний план вышли геополитические интересы Вашингтона (см.: [24]).

Некоторые исследователи полагают, что интерес, проявляемый Соединенными Штатами к «ближневосточному» региону, изначально предопределялся его стратегической значимостью, и в связи с этим напоминают о том, что само словосочетание «Ближний Восток» впервые было озвучено американским морским офицером Альфредом Мэханом. Но, как бы то ни было, максимальную геополитическую значимость этот регион приобрел только с окончанием Второй мировой войны. С появлением социалистического лагеря и началом «холодной войны» главное внимание администрации США сосредоточилось на «сдерживании СССР». По мнению ряда американских стратегов того времени, всякое советское проникновение в регион Ближнего Востока следовало расценивать как попытку блокировать Североатлантический альянс, которая «стала бы причиной драматического изменения мирового баланса сил». Наряду с этим установление советского контроля над ближневосточной нефтью явилось бы «серьезным ударом по экономике свободного мира» [20. Р. 4—6]. Уже тогда начали появляться многочисленные американские инициативы по Ближнему Востоку.

1. Первой из таких инициатив стала **«доктрина Эйзенхауэра»** (1957 г.), призванная «заполнить вакуум» на «Ближнем Востоке». По мнению администрации президента Эйзенхауэра (1953—1957), ослабление британского и французского влияния в регионе после Тройственной агрессии против Египта в 1956 г. создало «вакуум силы», который Соединенным Штатам следовало заполнить прежде, чем это сделает Советский Союз. С этой целью предусматривалось оказание экономической и военной помощи странам Ближнего Востока. «Доктрина Эйзенхауэра» допускала применение военной силы США для обеспечения территориальной целостности и независимости государств, которые попросят о такой помощи для противодействия агрессии, которая может быть предпринята против них каким-либо из «коммунистических режимов» [1. С. 65]. Свое практическое воплощение «доктрина Эйзенхауэра» нашла в ходе ливанского кризиса 1958 г., а также во время событий 1957 г. в Иордании [5. С. 275].

2. Второй ближневосточной инициативой США стала так называемая **«гуманская доктрина», или «доктрина Никсона»**. Она должна была стать важной вехой в эволюции американской дипломатии. Содержание «доктрины Никсона» сводилось к тому, чтобы возложить определенные военные функции на отдельные дружественные государства региона. Соединенные Штаты при этом будут предоставлять таким государствам технологическую и материальную помощь для обеспечения оптимальных результатов [10. С. 737]. С практической точки зрения эта доктрина выразилась в наделении иранского шаха функциями «регионального жандарма» [5. С. 275], а также в известных челночных поездках госсекретаря Генри Киссинджера, миссия которого сводилась к тому, чтобы «страны Ближнего Востока сами определяли судьбу региона» — разумеется, под эгидой США [11. С. 90—91].

3. **«Доктрина Картера»** (декабрь 1980 г.) стала непосредственной реакцией Вашингтона на советское военное вмешательство в Афганистане. С принятием этой доктрины начался новый этап международной борьбы за регион Персидского залива и Ближнего Востока в целом. Заявив о своей сильной обеспокоенности в связи с угрозами, возникающими для США и их союзников в зоне Персидского залива, Вашингтон подтвердил свою решимость сопротивляться этим угрозам с использованием всех имеющихся средств, включая военную силу. Под «угрозами» понимались попытки любой внерегиональной державы установить свой контроль над этим стратегически важным регионом мира. На основании «доктрины Картера» были сформированы «силы быстрого развертывания», или «быстрого реагирования», в зоне Персидского залива. В дальнейшем Вашингтон стал прощупывать степень готовности своих европейских союзников подключиться к выполнению этой миссии, ссылаясь при этом на то, что европейские страны нуждаются в «ближневосточной» нефти больше, чем сами Соединенные Штаты [10. С. 737].

4. В 1980-е годы «ближневосточная» стратегия США базировалась на так называемой **«доктрине Рейгана»**, которую можно свести к делению мира на «белых» («мы») и «черных» («они»). «Они» — это Советский Союз, страны социалистического блока и все те, кто угрожает американским интересам; для

обеспечения этих интересов следует проводить в жизнь стратегию, включающую три элемента [18. С. 93]:

А. «Блокирование и конфронтация». Под этим подразумевалось, что арена военного противостояния с Советским Союзом не ограничится каким-то определенным регионом, а охватит всю планету. Причем конфронтация должна быть не только военной, но и торговой, экономической, дипломатической и т.д.;

Б. «Региональная взаимосвязь», т.е. выделение цепочки стратегических регионов мира, безопасность каждого из которых была бы увязана с безопасностью другого региона;

В. «Вооружение», призванное обеспечить выполнение двух предыдущих задач.

Практически реализация этой стратегии привела к тому, что значимость каждого из элементов мировой системы стала определяться сквозь призму американской военной мощи. Для идеологического прикрытия стратегических целей Вашингтона использовалась идея «обеспечения безопасности и мира во всем мире». Широкое употребление получили такие идеологические клише, как «свободный мир», «культурное наследие Запада», «демократические ценности», «реформы» и т.п. В свою очередь, эти клише повлияли на разработку концептуальных основ новой стратегии и на характер внешнеполитической деятельности США. В частности, это проявлялось в разных подходах к тоталитарным и прочим режимам на Ближнем Востоке — исходя из того, что нетоталитарные режимы представляют меньшую угрозу для западных ценностей, чем тоталитарные (см.: [26]). Следовательно, по мысли Вашингтона, необходимо заменить «опасные ценности» иными, в том числе посредством международного вмешательства.

На смену былым международным отношениям, ставившим во главу угла принцип суверенитета, пришли новые нормы и представления, допускающие прямое вмешательство с целью смены политического режима, «представляющего угрозу для международной стабильности» (см.: [7; 9; 11]). Оценивать степень такой угрозы предоставлялось доминирующей державе. Очевидно, что такая подмена в механизме международных отношений предполагала избирательный подход мировых держав к понятию «стабильность», которая вовсе не воспринималась как самоцель. Страны стали делить на «хорошие» и «плохие», «добрые» и «злые». Критерий же оценки заключался в том, насколько то или иное государство готово принять такие перемены и способствовать их осуществлению. Режимы, соглашающиеся с ними, получают помощь и поддержку, а на тех, кто их отвергнет, будет оказано деструктивное воздействие.

Такая политика — не новость в истории международного противостояния. Традиции вражды и агрессивности сыграли свою роль и в формировании политической психологии. Не случайно недавний «исламский друг» после дезинтеграции Советского Союза превратился в «исламского врага», а во избежание роста насилия и террора стали предлагаться проекты «реформ». А коль скоро нынешние жители Ближнего Востока, в отличие от своих предков, не в состоянии сами исправить положение в своих странах, то им нужно в этом помочь, чтобы их проблемы не разрослись до уровня, угрожающего «международному миру и безопасности» [14. С. 45—47].

Именно такое идеологическое обоснование легло в основу известного американского проекта «Большой Ближний Восток», или даже «Новый Ближний Восток». Фактически это обряженный в новые одежды старый проект, призванный обеспечить стратегические интересы США в регионе. Особую актуальность он приобрел в связи со «стратегическим вакуумом», возникшим вследствие развала социалистического лагеря и снижения европейского влияния (как «старого», так и «нового») [6. С. 33].

*Практическое воплощение современной американской стратегии
на Ближнем Востоке*

Публичное четкое оформление стратегии США в арабском мире произошло лишь в середине 90-х годов двадцатого века. От контроля над ситуацией через посредство своих агентов Вашингтон перешел к установлению в регионе своей гегемонии путем применения военной силы. Что касается оправдания, призванного обосновать правомерность такой трансформации в глазах мировой общественности, то это все та же забота о «международном мире и безопасности», которым на сей раз угрожают «исламские террористы».

После ряда террористических актов в странах Запада ислам стал новым врагом «цивилизованного мира», придя на смену коммунистическому врагу эпохи «холодной войны» (см.: [8]). Такой подход оправдывается ростом террористической активности исламистских группировок, взявших на вооружение радикальные религиозные, расистские и националистические концепции. Поскольку данная ситуация представляет постоянную угрозу для международной стабильности [16. С. 155], то, по мнению США, следует устранить эту угрозу путем исправления политической, социальной и экономической ситуации, возникшей вследствие «нерациональной» политики, проводящейся правящими в арабском и мусульманском мире режимами. За этими идеологическими доводами, по сути, стоят все те же колониальные традиции, однако возрождаются они при помощи новых путей и средств. Наиболее расхожими концепциями их современного оформления являются идеи «ближневосточного партнерства», «средиземноморского партнерства» и, наконец, «Большого Ближнего Востока» и «Нового Ближнего Востока» [23. Р. 5—9].

Проект «ближневосточного партнерства», в основе своей американский, продвигался Израилем после второй войны в Заливе (1991 г.) с целью добиться тотального изменения ситуации в регионе. В него включались арабские страны, Израиль и ряд азиатских и африканских государств. Само собой разумеется, что при этом говорилось о необходимости интеграции и сотрудничества между всеми государствами региона, а не только в рамках той или иной группы стран, в частности арабских. Фактически же ставилась задача предотвратить естественное объединение арабского мира, базирующееся на многочисленных основаниях [18. С. 103—104].

Что касается идеи «Большого Средиземноморья», то она возникла в Европе и апеллирует к необходимости сотрудничества между государствами, располо-

женными как на северном, так и на южном побережьях Средиземного моря. Появление данного проекта было обусловлено рядом соображений, важнейшие из которых можно свести к следующему.

В глобальном разрезе европейско-средиземноморская инициатива стала реакцией на стремление Соединенных Штатов монопольно распоряжаться ресурсами «Ближнего Востока», которое отчетливо просматривалось со времен второго кризиса в Персидском заливе [21. Р. 8—12]. Кроме того, отошли на второй план опасения, связанные с советской угрозой европейской безопасности.

Что касается регионального измерения, то оно связывается с новыми угрозами, исходящими в большинстве случаев из районов Южного и Восточного Средиземноморья. Ввиду близости Европы к арабскому миру всякая дестабилизация в любой арабской стране влияет на стабильность в Европе, и наоборот. Выдвигая лозунг «безопасная Европа в лучшем мире», Европейский Союз осознавал, что для его претворения в жизнь необходимо наладить такие отношения с арабскими странами, которые исключали бы перенос «терроризма» в Европу, а также воспрепятствовать распространению экстремистских идей среди мусульманских меньшинств Старого Света [12. Р. 43—44].

Идея «средиземноморского партнерства» воплотилась в проекте, озвученном на учредительной конференции министров иностранных дел стран Евросоюза и Средиземноморья, проведенной в Барселоне 27—28 ноября 1995 г. Работа конференции завершилась принятием Барселонской декларации, состоявшей из трех главных разделов:

1) партнерство в сфере политики и безопасности, главные принципы которого сводятся к уважению прав человека, демократических норм и основных свобод и борьбе с терроризмом [4. С. 24];

2) экономическое партнерство (в областях сельского хозяйства, промышленности, научных исследований, транспорта, водоснабжения, охраны окружающей среды);

3) социальное и гуманитарное партнерство, предусматривающее диалог культур и цивилизаций с целью сближения народов региона.

Однако объявленные намерения не отражают истинных целей, преследуемых Евросоюзом в ходе Барселонского процесса, которые сводятся к следующему:

1) утвердиться в арабском мире вопреки противодействию Соединенных Штатов и Израиля;

2) изыскать рынки сбыта для своих товаров, услуг и капиталов путем создания зоны свободной торговли, которая предоставила бы европейским странам преимущества на рынках арабского региона;

3) положить конец или, по крайней мере, ограничить нелегальную миграцию жителей Южного Средиземноморья в Европу [3. С. 101].

Что касается проекта «Большой Ближний Восток», то он был представлен Соединенными Штатами на саммите «восьмерки» в Си-Айленде в июне 2004 г. Авторы проекта определяли его цели как построение демократических, эконо-

мически процветающих, открытых и толерантных обществ, где не будет почвы, порождающей терроризм, а следовательно, и угрозы для жизненных интересов держав [2. С. 163]. Данный проект во многом напоминает Хельсинский заключительный акт 1975 г., подготовленный США и их союзниками по НАТО с целью распространения демократии, обеспечения прав человека и проведения кардинальных экономических преобразований в СССР и странах Восточной Европы [10. С. 750—751].

Учитывая, что Хельсинский акт сыграл немалую роль в распаде СССР, кое-кому представляется, что реализация проекта «Большой Ближний Восток» будет способствовать расслоению и распаду арабо-мусульманского мира. Чтобы придать проекту вид объективности и непредвзятости, его разработчики ссылались на то, что в своем анализе сложившейся в арабском регионе ситуации они опирались на доклады «О человеческом развитии» и «О человеческом развитии в арабском мире», представленные ООН в 2002—2003 гг.

В названных докладах диагностировался кризис, охвативший арабские общества, и препятствия, стоящие на пути подлинного гуманитарного подъема в различных арабских странах. Основываясь на данных, содержащихся в этих двух докладах и отражающих отсталость и уязвимость арабских обществ, план «Большой Ближний Восток» характеризовал ситуацию в регионе как «ужасающую». По мнению авторов проекта, эта ситуация приведет к еще большему распространению экстремизма, терроризма, международной преступности и нелегальной миграции. Приводя статистику, демонстрирующую глубину цивилизационного кризиса в современном арабском мире, разработчики проекта указывали на то, что международный доклад представляет собой убедительный призыв к тому, чтобы незамедлительно начать действовать в регионе, изыскать серьезные решения, способные защитить его от «угроз», которым он подвергается, во имя общих интересов стран — членов «восьмерки» [19. С. 150—151]. Суть предлагающихся решений можно выразить одним словом: реформы. В качестве составных частей грядущих преобразований предлагается следующее:

- 1) поощрение демократии и благотворного эффективного управления;
- 2) построение информационного общества;
- 3) расширение экономических возможностей и эмансипация женщин.

С практической точки зрения проект «Большой Ближний Восток» стал порождением ситуации, возникшей после двух разрушительных войн, развязанных Вашингтоном против Афганистана и Ирака, и начала новой войны, которую иногда называют «войной идей». Вчитавшись в текст этого проекта, в нем можно обнаружить несколько специфических особенностей.

1. В нем арабы ни разу не упоминаются как особая нация (ни в географическом, ни даже в идентификационном смысле).

2. Проект охватывает обширный и многообразный геополитический регион, включающий в себя и арабский, и мусульманский миры со всеми их составными частями. По мнению ряда наблюдателей, цель такого культурного «смешения» заключается в том, чтобы обеспечить Израилю лидирующие позиции,

превратить его в локомотив, тянущий за собой все остальные государства, охватываемые этим проектом [2. С. 67].

3. В проекте полностью игнорируются вопросы, касающиеся арабо-израильского конфликта. Это означает, что американская стратегия не отталкивается от необходимости урегулировать подлинные проблемы региона [19. С. 155].

4. Проект отдает Соединенным Штатам безраздельную монополию на ресурсы региона, а Старому Свету предоставляет финансировать планируемые преобразования из своего кармана. Тем самым он продолжает то, что начато войной в Ираке.

5. Существующие в арабском мире негативные явления (бедность, экстремизм, терроризм и т.п.) проект объясняет чисто внутренними причинами, в том числе отсутствием демократии и недостаточной социальной справедливостью. Тем не менее, наряду с демократизацией, распространением свобод, эмансипацией женщины и т.д. реализация проекта предполагает адаптацию к условиям Всемирной торговой организации, либерализацию рынка финансовых услуг, отстранение государства от хозяйственной деятельности. Однако подобные процессы могут привести не к достижению объявленных целей, а к появлению новых авторитарных режимов, связанных с местной мафией, сросшейся с иностранными монополиями (см.: [27]). Таким образом, «демократизация» и «противодействие деспотизму» могут обернуться прикрытием для экономического ограбления, диктата, оккупации и создания марионеточных режимов.

Из всего этого можно сделать вывод о том, что проект «Большой Ближний Восток», декларирующий стремление «подарить» арабским странам фундаментальные реформы, на деле лишает их свободы, парализует волю и делает их полностью зависимыми от решений, принимаемых в Вашингтоне в свете стратегического видения «неоконсерваторов». Таким образом, данный проект представляет собой лишь общие контуры обширной политической программы, призванной обеспечить цели и интересы его авторов, связанные с установлением гегемонии в регионе. Что касается таких важных элементов, как сложная демографическая, культурная и религиозная структура региона, то их планируется превратить из фактора силы в фактор слабости и дезинтеграции. В результате регион может превратиться из крупной цивилизационно-политической общности в набор разрозненных образований, управляемых по воле внешних (зарубежных) центров. Это программа интегрированных политических, экономических и культурных действий. И программа эта связана не только с инициативой Джорджа Буша. В случае, если не появится местных альтернатив, она должна стать долгосрочной программой, преследующей далеко идущие цели.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аббас Р.* Американская внешняя политика после Второй мировой войны // *Индустрия ненависти в арабо-американских отношениях*. — Бейрут, Марказ дйрасат аль-вахда, 2003 (на араб. яз.).

- [2] *Ал Таиар С.* Арабские реформы и международные вызовы. — Парис, марказ дйрасат Аль-араби-уроппи, 2005 (на араб. яз.).
- [3] *Ал Химиш М.* Сионизм и региональные проекты. — Дамаск, 1999 (на араб. яз.).
- [4] *Басим Ф.* Европейско-средиземноморское сотрудничество // Ал Ахрам, 1997 (на араб. яз.).
- [5] *Имара А.* Американская стратегия на ближнем востоке после Второй мировой войны. — Каир Аль-маруса, 1997 (на араб. яз.).
- [6] *Литонк Р.* Империалистическая республика после 11 сентября // Аль-Мустакпал Ал Араби, 11.03.2004 (на араб. яз.).
- [7] *Острём С.* США и ООН — смешивать не рекомендуется // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [8] *Подиан Ж., Дрида Ж.* Менталитет террора. — Аль-Дар Аль-баида, Аль-Марказ, Аль-Сакафи, Аль-Араби, 2003 (на араб. яз.).
- [9] *Примаков Е.* Иракский кризис и перспективы урегулирования // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [10] *Раби М.М., Мукаллид И.С.* Энциклопедия политических наук. — Кувейт, 2001 (на араб. яз.).
- [11] *Уркхарт Б.* Объединенные Нации в XXI веке // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 4.
- [12] *Уткин А.И.* Новый мировой порядок. — М.: Алгоритм, 2006.
- [13] *Уткин А.И.* Удар американских богов. — М.: Алгоритм, 2006.
- [14] *Фрйсон С.* Корни американской антитеррористической компании // Аль-Мустакпал Ал Араби, 2002 (на араб. яз.).
- [15] *Фукуяма Ф.* Строительство государств: пособие для начинающих // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [16] *Хаидар М.* Беззащитное государство. — Дар Ал Раис, 2004 (на араб. яз.).
- [17] *Хайрия К.* Американская политика и запад. — Бейрут, Марказ йрасат аль-вахда, 1982 (на араб. яз.).
- [18] *Хамаде Т.* Реформа и развитие — мировой порядок и Большой Ближний Восток. — Дар Аль-мйхаж Аль-байда, 2005 (на араб. яз.).
- [19] *Хамаш Н.* Империя обмана. — Бейрут, Аль-марказ алараби лидирасвт ва аль-нашйр, 2004 (на араб. яз.).
- [20] *Campbell J.* Defense of the Middle East: Problems Of American Policy. — New York: Harper, 1960.
- [21] European Commission, Strengthening the Mediterranean Policy of the European Union: establishing a Euro-Mediterranean partnership // Bulletin of the EU. — 1993.
- [22] *Ghassan S.* Turn between the Atlantic and Mediterranean, Europe and the Middle East in the post cold era // The Middle East and Europe Rout Ledge. — NY, 2000.
- [23] *Jophan A.M.* The Eastern Question: A Historical Study in American Diplomacy. — Oxford University Press, 2003.
- [24] *Peres S.* The New Middle East. — NY, Henry Holt and Company, 2004.
- [25] *Shurdom J.* The United States Early Involvement in the Arab World. — The University of Miami, 1979.

Интернет-ресурсы

- [26] *Билйкзез А.* Политика шантажа и дезинформации. 20.05.2006 // www.arabrenwal.com (на араб. яз.).
- [27] *Кауал М.* Арабский Восток. — 12.2004 // www.almoaton.com (на араб. яз.).

THE MIDDLE EAST IN AMERICAN STRATEGY

Ashwad Abbas

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This research discusses the position of Middle East in American Strategy, and what this area means for that strategy, specially according to the international policy.

The research discusses the changes in American Strategy which related to this area, through study the development dealing American with Middle East during the history of American Strategy, and various foreign policy theories.

ДИХОТОМИЯ «ИСЛАМСКИЙ МИР — ЗАПАД» В УЧЕНИИ СЕЙИДА КУТБА (1906—1966)

И.Г. Яшин

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Михлухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу отношений между странами Запада и исламским миром в учении Сейида Кутба (1906—1966) — известного египетского исламского мыслителя и идеолога Ассоциации братьев-мусульман. С. Кутб рассматривает ислам как универсальную социальную систему, которая неизбежно вступит в противостояние с материалистической и гедонистической цивилизацией Запада. В своих работах С. Кутб предсказывал, что настоящее столкновение миров произойдет между «бездуховным» Западом и исламской социальной системой, основанной «единственно истинном и священном знании».

Сейид Кутб считается крупнейшим мыслителем и идеологом радикального течения в исламе. Его перу принадлежит множество трудов об исламской религии, о важнейших аспектах исламского представления о человеке и обществе. Идеи Сейида Кутба необходимо рассматривать в контексте исторического и общественного развития Египта и региона Ближнего Востока в середине прошлого века, в контексте развития общественной и религиозно-политической мысли. Основные идеи по проблеме Запад — Исламский мир Кутб изложил в своих поздних работах, написанных уже в тюрьме в период правления Насера. Главная его заслуга заключается в развитии положений радикальной религиозно-политической исламской мысли и приложении ее к современности. Большое влияние на С. Кутба оказали идеи современников из числа исламских деятелей — Мухаммеда Абдо, Джамалуддина Афгани, Хасана аль-Банни, Абул Ала Маудуди и других. Репрессии также наложили отпечаток на его труды, в которых он развивал понятие *такфира* (обвинение в неверии) и применил понятие *джахилии* (общества неверия) к современному обществу.

Одной из основных проблем, разрабатываемых С. Кутбом, является вопрос об отношении Запада и Исламского мира. Эта проблема затрагивается им в таких работах, как «Социальная справедливость в исламе», «Будущее принадлежит этой религии», «Вехи на пути» и других. В этой статье мы рассмотрим особенности дихотомии Запад — Мир ислама в учении Сейида Кутба, влияние концепции Кутба на дальнейшую трансформацию отношения Запад — Исламский мир в политической идеологии и практике исламского движения.

Сейид Кутб считает, что в целом мусульманская *умма* (нация, общность) сохранилась как единое целое и сохранила основные религиозные принципы, однако сохранившиеся в мусульманском государстве национальные и этнические идентичности, татаро-монгольское нашествие и прочие факторы, безусловно, оказали влияние на ислам [6. С. 182—184]. По его мнению, ислам в чистом виде не существует, «исламскую жизнь» необходимо возродить. Он отвергает утверж-

дения некоторых западных востоковедов, что для сохранения ислама необходима модернизация в духе реформ Кемалья Ататюрка, и предпринимает попытку анализа отхода от исламских законов, ценностей, исламской общественной системы.

Исламская общественная система, убежден Кутб, уникальна, и ее нельзя сравнивать с другими системами. «Ислам, — пишет он, — представляет для человечества модель всеобъемлющей системы, аналога которой не найти ни в какой системе на земле до и после появления ислама. Ислам может в каких-то частностях сближаться с другими системами или отличаться от них, но всегда остается целостной и полностью независимой, аутентичной системой. Основное отличие ислама от других систем в том, что в его основе лежит принцип божественной *хакимии* (всевластия Бога) (1); единственным источником власти является Аллах, а не народ, какая-то его часть или отдельный человек» [6. С. 75—76].

Сейид Кутб последовательно отстаивает абсолютную уникальность исламской системы. Он утверждает, что халифат нельзя сравнивать с империями, отрицает понятия «исламской демократии» и «исламского социализма», которые считает неприемлемыми, поскольку самодостаточная исламская модель не нуждается в западных интерпретациях. Несмотря на это, тем не менее, он сам вынужден постоянно заниматься сравнением исламских ценностей, традиций, институтов и их современных аналогов или антиподов (2).

С. Кутб считает, что противостояние по линии Запад — Исламский мир имеет глубокие корни, и нельзя понять и осмыслить его без знания истории борьбы. Большое значение он уделяет походам крестоносцев, из которых, по его убеждению, берет свое органическое начало западный колониализм. — Во-первых, крестоносцы нанесли огромный урон мусульманской культуре, представлению об исламе на западе через сложившиеся в «менталитете европейцев» стереотипные представления и предрассудки об исламе и мусульманах. Во-вторых, по его убеждению, европейские и американские колонизаторы сознавали, что «исламский дух — это скала сопротивления на пути распространения империализма» и «поэтому американский и европейский империализм неизбежно становится врагом этой религии» [6. С. 189].

Именно противостояние на идеологическом уровне с Западом для Кутба имеет первостепенное значение. Он последовательно исходит из цивилизационного противостояния между Западом и Исламским миром. Кутб считает, что не крестовые походы были прикрытием для колонизации, как принято считать, а, наоборот, «колонизация впоследствии стала прикрытием для духа крестоносцев, который уже не мог не скрывать своего лица, как в средние века». Этот дух разрушился о сопротивление мусульман разного происхождения, которые объединились под знаменем веры (см.: [5]).

Положения, высказываемые Кутбом, являются не просто идеями, мнениями мыслителя, но и неотъемлемой частью его вероубеждения. Для Кутба ислам уникален и универсален. По его мнению, ислам в будущем станет глобальной системой, однако это нелегкий путь, поскольку запад сильнее, у мусульман и запада противоречивые и пересекающиеся интересы. «...несмотря на мою аб-

солютную веру в неизбежность возрождения ислама в мусульманском мире, в готовность ислама стать не локальной, а глобальной системой в будущем, я не хотел бы идти на поводу всепоглощающего воображения и утверждать, что это будет легко и просто». «Мы не одни в этом мире, мы не живем в нем изолированно от него. Пересечение интересов и проблем с этим миром, в котором господствует определенная культура с полностью противоположной исламу ментальностью, еще многие годы будет делать наши шаги в направлении возобновления правильной исламской жизни медленными и требующими больших жертв» [6. С. 191]. Таким образом, для Кутба миссия ислама — объединение человечества, в то время как в послевоенный период мир находился в состоянии жесткого противостояния между западным капиталистическим и восточным социалистическим блоками.

С. Кутб убежден, что именно «западная цивилизация» привела мир к двум мировым войнам всего в течение четверти века, а также к разделу планеты на западный и восточный блоки, к угрозе новой всеобщей войны, голоду и бедствиям в трех четвертях земли. Вся глобальная система находится в состоянии хаоса и поиска новых путей, поиска «духовной пищи», которая вернула бы у людей веру в общечеловеческие принципы (см.: [7]).

Под «западной цивилизацией» здесь понимается и западный капиталистический блок под предводительством США, и восточный социалистический лагерь, возглавляемый СССР, поскольку для Кутба, как он утверждает, не существует какой-то значительной разницы между этими двумя системами, представляющими две стороны единого целого. Капитализм обвиняется в потребительстве, погоне за прибылью, попрании основных человеческих ценностей — равенства, социальной справедливости; социализм — в противоположном: в попытке искоренить в человеке «заложенные природой» инстинкты и потребности, в отрицании семьи и частной собственности. Обе системы обвиняются в отрицании духовности и религии и признаются единой материалистической культурой, враждебной исламу.

Кутб пишет, что после двух мировых войн мир, как представляется многим, оказался разделен на два крупных блока: коммунистический на востоке и капиталистический — на западе. «Но мы считаем, что это разделение поверхностное и не истинное, поскольку это разделение по поводу интересов, а не принципов, это борьба за товары и рынки, а не идеологии и мысли. Природа американской и европейской мысли, по сути, не отличается от природы русского мышления. Обе концепции основаны на правлении идеи материализма в жизни» (см.: [7]).

По убеждению Кутба, настоящая борьба в будущем будет развернута вовсе не между капитализмом и коммунизмом, а между материализмом во всем мире и исламом. Он считает, что как восточный, так и западный блоки понимают эту истину, и, несмотря на все соперничество и противоречия, сотрудничают с целью сокрушить движения исламского возрождения повсюду в мире.

Сейид Кутб говорит о «расколе» в человеческой цивилизации, под которым подразумевает, прежде всего, умаление роли религии в жизни западного общест-

ва, приведшее к выхолащиванию духовной составляющей западной цивилизации и к полному отрицанию, атеизму в странах коммунистического лагеря. «Раскол», по мнению Кутба, уравнивает западные режимы в своем неприятии религии. «Формальные отличия не имеют значения, пока общественные строи, идеологические доктрины во всех этих странах не вытекают органически из представления, основанного на вере в Бога, которое гарантировало бы правильное толкование истины бытия, его отношения к Творцу, истины бытия человека, его места в бытии, цели его существования» (см.: [7]).

Из этого Сейид Кутб делает вывод о том, что «роль белого человека закончилась, потому что тяжелый раскол в европейской истории, во всех доктринах, путях, системах и режимах, характерных для Запада, предопределил, в свою очередь, конец роли белого человека». По его мнению, необходима новая основа, идеологический фундамент, на котором строилась бы жизнь, и роль такого «фундамента» может сыграть только ислам (см.: [7]).

Кутб отрицает существование «капиталистической или социалистической морали, социалистических или капиталистических ценностей», а признает лишь мораль исламскую и мораль «джахилийскую» (неправедную), исламские и джахилийские ценности. Для него политические и экономические явления, как и социальные явления в целом, являются лишь ответвлениями идеологического (религиозного) представления и реальным применением ценностей, берущих начало в этом представлении [6. С. 198—199].

История человечества извращается, считает Кутб, поскольку в современной исторической науке господствует Запад. Западная историография отличается материализмом, недооценкой «духовных факторов» и европоцентричностью. Для ислама же необходим собственный подход в изучении и понимании истории. «Это новое учение должно в первооснове своей базироваться на исламских источниках, чтобы исследователь жил своим разумом, душой и чувствами в духе ислама — как идеологии, движения, идеи и системы» [6. С. 209].

По сравнению с другими идеологами «братьев-мусульман» Сейид Кутб более последовательно и четко очерчивает свое отношение к Западу. В отличие от предводителя группировки Хасана аль-Банны Кутбу почти не приходилось заниматься политикой на практике, идти на какие-то компромиссы или даже тактическое сотрудничество с противостоящими политическими силами или колонизаторами (см.: [1]). Большую часть времени в качестве активного члена братства и его идеолога он провел в тюрьме, когда режим Насера сближался с СССР. Этим отчасти объясняется его неравнозначное отношение к двум составляющим Запада. С. Кутб, хотя и говорит, что настоящее противостояние будет между Западом и исламом, различает внутри западного мира два блока. Восточный, «коммунистический», блок он не приемлет совершенно, а в отношении западного, капиталистического блока занимает более мягкую позицию.

Кутб не приемлет коммунистические режимы из-за их материалистической идеологии. В книге «Будущее принадлежит исламу» он говорит об «утопии марксизма»: «представляя себе все человеческие порывы как основанные на элемен-

тарных чувствах голода и борьбы за кусок хлеба и описывая все исторические движения как следствие смены средств производства, марксизм тем самым отвергает важнейшие ценности, отличающие историю человека от эволюции животного мира» (см.: [7]). Другой важной причиной является полное неприятие самих основ и принципов социализма — прежде всего, классовой борьбы и ликвидации частной собственности. Право частной собственности, которая «составляет основу исламской экономики», он считает естественным и неприкосновенным, за исключением редких случаев. Отрицание же частной собственности он называет пустыми фантазиями [6. С. 89—91]. Ислам, пишет также Кутб, отвергает «классовую ненависть», его видение целей человечества «гораздо шире и выше» [6. С. 207].

С другой стороны, Кутб уделяет много внимания воззрениям бывшего госсекретаря США Джона Даллеса и ученого Алексиса Карреля, «вещающих об опасности материальной цивилизации». Он жестко критикует и капиталистическую систему, однако здесь критике подвергаются не столько основы западных обществ, сколько их практика — отход от религии, морали, излишества и увлечение материальными ценностями (3). Д. Даллес, по словам Кутба, «ищет путь, который не потерпит неудачи в возможности добиться социальной справедливости без атеизма и материализма». А. Каррель же, по его мнению, отрицает «индустриальную религию» и «технологию», ищет путь, который не делал бы людей жертвами иллюзий К. Маркса, В. Ленина, З. Фрейда. Поиски Карреля и Даллеса Сейид Кутб называет непоследовательными и неполными, поскольку они не смогли вырваться из своих ошибочных представлений о «науке о человеке» и роли церкви (см.: [7]).

Таким образом, Кутб не противопоставляет Запад и исламские страны как некие антагонистические геополитические блоки, поскольку и на Западе, по его мнению, есть люди, осознающие опасность «материалистической бездуховной цивилизации» и ищущие альтернативу. С другой стороны, он считает, что вирус бездуховности и материализма охватил не только Запад, но проник и в мусульманское общество, охватив, прежде всего, его верхи. Если в исламской традиции мир подразделяется на две основные зоны — Дар аль-Ислам (Мир ислама) и Дар аль-Харб (Мир войны), где первый включает в себя исламские страны с формальной и практической точки зрения, а второй, согласно классической концепции, — это «территория, откуда исходит реальная угроза или ожидаются враждебные действия в отношении мусульман» [2. С. 130], то у Кутба географические границы этих зон теряют прежний смысл, потому что основная угроза не военная, а идеологическая, и уже присутствует внутри самого мира ислама. Поэтому у Кутба Запад и Исламский мир не являются просто геополитическими категориями, это идеологические системы, и столкновение между ними, столкновение между «джахилией» («неверием») и исламом носит, прежде всего, идеологический характер и происходит, в первую очередь, именно на традиционно исламской территории.

Идеи Сейида Кутба развивались в контексте борьбы Египта и других стран «третьего мира» за национальное освобождение. Типичной чертой британской колониальной политики являлась опора на местные элиты. В Каире Британская империя опиралась на монархов из династии Мухаммеда Али. Отношения «братьев-мусульман» с дворцом были противоречивыми — от тесного взаимодействия до разрыва. Свержение монархии было поначалу принято ими восторженно, а после 1954 года наступил период жесточайшей конфронтации с режимом Насера. Сейид Кутб, который провел больше десяти лет в тюрьме при правлении Насера, внес весомый вклад в развитие идей такфира (обвинения в неверии) и джихада. Ислам, пишет Кутб, провозгласил целью освобождение человека от рабства и поклонения кому-либо, кроме Бога. Понятия «мир» и «джихад» нельзя трактовать слишком узко. Мир означает не просто безопасность исламского мира от внешней агрессии, а правление в соответствии с исламскими законами, а джихад означает борьбу за установление исламского порядка, за торжество божественной хакимии (см.: [5]).

После Второй мировой войны бывшим колониям была уготована участь периферии мировой экономики. Проекты догоняющего развития, индустриализации, построения национального государства давали скромные результаты. Регион Ближнего Востока сотрясали войны. Левые и социалистические движения, по мнению С. Кутба, оказались неспособны представить реальную альтернативу. Развитие капиталистических отношений, сама логика рынка, все глубже проникающая в мусульманские общества, входила в противоречие с архаичными социальными и религиозными институтами. Процесс модернизации и адаптации религии и традиций к новым реалиям экономической и политической жизни шел сложно, с постоянными рецидивами. На этом фоне исламское движение стало тем руслом, в рамках которого стали протекать процессы массового сопротивления агрессивной политике крупных держав, причем не только западных, но и «восточных» — СССР и Китая. Идеи Сейида Кутба в это время оказались как никогда востребованы.

Проблема дихотомии «Исламский мир — Запад» и «ислам — джахилия» у Кутба переходит во внутреннюю проблему, идея такфира обращается вовнутрь мусульманского сообщества. Однако разными исламистскими течениями идеи Кутба воспринимаются неоднозначно. По вопросу о власти он не дал исламской политической системе адекватной современной интерпретации. Кутб говорил о современной *джахилии*, однако так и не решил окончательно проблему понимания джахилии и практики такфира. Его последователи выделили три основных интерпретации этих идей. Одни считали, что безбожие царит повсюду, за исключением узкой группы правоверных. Они выносили тотальный такфир. Другая группа последователей отлучала от ислама «неверных» правителей, которые правят не по шариату, однако не обвиняла в неверии всех верующих. Наконец, третьи — в основном «братья-мусульмане», толковали спорные места в учении Кутба не буквально, а в аллегорическом духе. Разрыв с обществом, с джахилией, должен был пониматься в духовном, а не материальном смысле [4. С. 37].

Таким образом, Сейид Кутб представляет мировую политику в противостоянии Запада и Исламского мира. Ислам для него не просто религия, а универсальная система, полностью отвечающая потребностям и устремлениям человечества. Однако эта система, по его мнению, не данность, ее еще нужно возродить, наполнить реальным исламским содержанием. Кутб отстаивает абсолютную уникальность исламской системы, однако демонстрирует свою подверженность влиянию других систем, говорит современным языком. Противостояние же между исламом и Западом для Кутба — прежде всего идеологическое, имеющее глубокие исторические корни. Он считает Запад ответственным за «раскол» человеческой цивилизации, который не обошел стороной и мусульманское сообщество. Противостояние между исламом и неверием существует и внутри мусульманской уммы, где элиты и определенные слои под влиянием запада отошли от исламских законов. Тем не менее, вопрос о такфире и джахилии Кутб оставил не решенным до конца, а среди его последователей появляются разные интерпретации этих идей. В отношении единого Запада, противостоящего исламу, он демонстрирует неравнозначное отношение к западному и восточному блоку внутри него, однако утверждает, что подобные деления имеют второстепенное значение, поскольку основной конфликт будет разворачиваться между материалистической цивилизацией Запада и исламом. В этом идеи Сейида Кутба перекликаются с основными положениями цивилизационного подхода в политической науке.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Понятие «хакимии» в русском языке не имеет адекватного перевода. Само слово восходит к арабскому корню «хакама», от которого образованы такие слова, как «хукм» — правление, «хукума» — правительство, «хаким» — правитель, судья, «хикма» — мудрость. Термин же означает приблизительно «всевластие Аллаха» во всех сферах жизни, исключительную мудрость Аллаха, абсолютную божественную истину и абсолютный критерий. В шиитской традиции аналогом этого термина является «марджайя», однако у шиитов особую роль играют духовные авторитеты, к которым часто применяют этот термин. У С. Кутба же «хакимия» не связана ни с какими авторитетами, а представляет прямую божественную волю, всевластие и мудрость Бога. Французский исламовед Ж. Кепель относит этот термин к пакистанскому мыслителю Маудуди. По его мнению, Маудуди и Кутб сделали «хакимийят Аллах», который он переводит как «суверенитет Бога», критерием подлинно исламского государства, противопоставив его «суверенитету народа», свойственного «джахилии» — доисламскому варварству, возродившемуся в новых формах в 20-м веке [4. С. 31, 348].
- (2) Язык Кутба больше современный, чем исламский, он оперирует современными понятиями и категориями, вынужден разбирать концепции ненавистных для него марксизма и либерализма, искать «исламские» ответы на поставленные жизнью проблемы. Многие исследователи отмечают, что в идеях и практике братьев-мусульман нет чего-то принципиально нового, специфического, что они многое позаимствовали из теории и практики массовых движений и партий начала прошлого века. Это признают и видные представители самих «братьев-мусульман» (см.: [11]).
- (3) Если в работах Кутба можно обнаружить снисходительное отношение к «заблудшим» западным мыслителям, то на практике «Братья-мусульмане» пошли гораздо дальше. В семидесятые годы они играли важную роль в борьбе с влиянием левых групп внутри страны и влиянием Советского Союза, а в восьмидесятых — против советского втор-

жения в Афганистан. Генеральный наставник Омар Тельмасани писал, что с «неверными коммунистами» невозможен никакой диалог. Что касается американцев, то, по его словам, «даже если их враждебность исламу огромна, мы не перестаем считать их «людьми писания» [9. С. 4]

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алям Ф.* Братья и я (Аль-Ихван ва ана). — Каир, 1996 (на араб. яз.).
 - [2] *Афифи М.С.* Ислам и международные отношения (Аль-Ислам ва аль-алякат ад-дувалия). — Бейрут, 1986.
 - [3] *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. — Москва: Международные отношения, 2003.
 - [4] *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В.Ф. Денисова. — М.: Ладомир, 2004.
 - [5] *Кутб С.* Вехи на пути (Маалим фи ат-тарик) // [\(http://www.daawa-info.net/books1.php?parts=148&au=سید قطب20%\)](http://www.daawa-info.net/books1.php?parts=148&au=سید قطب20%) (на араб. яз.)
 - [6] *Кутб С.* Социальная справедливость в исламе (Аль-Адаля аль-иджтимаия фи аль-ислам). — 15-е изд. — Каир, 2002 (на араб. яз.).
 - [7] *Кутб С.* Будущее принадлежит этой религии (Аль-Мустакбаль лихаза ад-дин) // [\(http://www.daawa-info.net/books1.php?parts=119&au=سید قطب20%\)](http://www.daawa-info.net/books1.php?parts=119&au=سید قطب20%) (на араб. яз.)
 - [8] *Мусаад Н.А., Ахмед А.М.* Внешняя политика исламских движений (Ас-Сиясат аль-хариджия лиль харакат аль-исламия). — Каир, 2000 (на араб. яз.).
- Периодические издания
- [9] Журнал «Ад-Даваа». — Каир, 1979. — № 43.
- Интернет-ресурсы
- [10] Интернет-портал «Аль-Джазира» // <http://www.aljazeera.net/>
 - [11] Интервью с Фаридом Абдель Халеком // <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/5910530A-2CB5-4634-8D53-00360FEA9EBB.htm>

THE DICHOTOMY OF «THE ISLAMIC WORLD — THE WEST» IN THE DOCTRINE OF SAYID QUTB

I.G. Yashin

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article analyses the relationship between the West and the Islamic World in the teaching of a famous Egyptian Islamic thinker and an ideological leader of the Muslim Brothers Association — Sayyid Qutb (1906—1966). Qutb considers Islam as a unique and universal social system which eventually will oppose the materialistic and hedonistic system of the West. In his writings Qutb predicted, that the real clash in the World will arise between the faithless West and the Islamic system deriving from «the only true sacred knowledge».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В МАТЕРИАЛАХ И ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Стивен Арис (1)

Центр исследования России и Восточной Европы
Бирмингемский университет
Эдгбастон, Бирмингем, Великобритания, B15 2TT

В статье выделяются основные подходы к анализу Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на Западе. Рассмотрев спектр и эволюцию взглядов ведущих западных экспертов по центральноазиатскому региону, автор приходит к выводу, что со временем эта организация станет органичным элементом современной системы международных отношений и Европейский Союз должен делать ставку на взаимодействие с ШОС для реализации своих интересов в Центральной Азии.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) мало известна на Западе. Недостаток информированности ощущается даже в кругу специалистов по международным делам. А те, кто все же что-то знают о ШОС, зачастую руководствуются ложными представлениями, ведущими к неправильному пониманию целей и деятельности Шанхайской организации. До последнего времени в западном информационном пространстве превалировали негативные оценки деятельности ШОС: одни видели в ней непосредственную угрозу собственным национальным интересам, другие, более информированные эксперты, пытались представить ее как слабую, малоэффективную организацию. По выражению А. Бэйлса: «иностранные аналитики часто доходили до крайностей, изображая ШОС в образе агрессивного «анти-НАТО» или же вовсе нивелируя ее роль до малозначимого «декоративного фона» [4. Р. 27]. С другой стороны, результаты последних исследований позволяют авторам сделать и более позитивные выводы относительно эволюции и перспектив ШОС (2).

ШОС и интересы Европы

До недавнего времени Центральная Азия не являлась значимым приоритетом внешнеполитического курса ни Западной Европы, ни Соединенных Штатов Америки. Географическая удаленность и наследие полувековой холодной войны не способствовали налаживанию прочных связей стран Центральной Азии с Европейским Союзом. Руководство ЕС не относило вопросы безопасности и эконо-

мического развития в постсоветских республиках к сфере своих национальных интересов и уделяло мало внимания эволюции политических режимов и вопросам регионального сотрудничества в Центральноазиатском регионе (ЦАР) после распада Советского Союза. Как отмечает Оксана Антоненко, представители ныне председательствующей в Совете ЕС Германии надеются, что «саммит ЕС 2007 года впервые в истории примет единую стратегию ЕС по отношению к Центральной Азии» (см.: [2]). Таким образом, становление механизма взаимодействия в рамках «шанхайской пятерки», его преобразование в полноценную региональную организацию с шестью постоянными членами долгое время не получало должной огласки на Западе (3).

Однако последнее время вместе с ростом влияния ШОС, на волне значимых глобальных событий, мы отмечаем последовательное усиление интереса международного сообщества к организации. Террористические атаки 11 сентября 2001 г. обратили внимание мировой общественности на ситуацию в Центральной Азии. Кроме того, саммит ШОС 2005 года заставил западных политологов всерьез взяться за изучение этой организации. По мнению британского аналитика, профессора Дэвида Вола: «для многих людей ШОС начала существовать лишь после того, как на четвертом саммите организации, который проходил в июле 2005 года в новой столице Казахстана — Астане, главы государств обратились к США с просьбой вывести свои войска из Центральной Азии» (см.: [9]). Это обращение, в котором государства — члены ШОС потребовали от США предоставить график вывода своих войск из региона, стало предметом ожесточенных дискуссий на Западе. Интересно, что этому требованию было уделено гораздо больше внимания, чем, как нам представляется, более значимому событию, которое произошло годом раньше на Ташкентском саммите, когда была запущена работа двух основных постоянно действующих органов Организации — Секретариата ШОС и Региональной антитеррористической структуры (РАТС). Окончание фазы институционального оформления ШОС прошло на Западе незаметно. Это пример, иллюстрирующий, что большинство западных аналитиков руководствуются преимущественно геополитическими соображениями, исследуя, как может деятельность Шанхайской организации повлиять на «баланс сил» в Восточной Евразии, на позиции стран, проявляющих активность в регионе и вне его. Таким образом, роль и задачи ШОС непосредственно в центральноазиатском регионе оказались вне фокуса многих исследований. Это, конечно, не означает, что такие исследования не проводились. Но широко распространяемые работы по ШОС как-то не демонстрируют такого подхода (4).

Эмоциональная оценка сущности ШОС

При недостатке понимания сущности происходящих процессов естественным образом возникают предубеждения, больше построенные на личных ощущениях, чем на рациональном осмыслении окружающей действительности. Это происходит в России по отношению к угрозе китайской экспансии на Дальнем Востоке, похожее настороженное отношение к миграции встречается и во многих странах Европейского Союза. Аналогичным образом ШОС, как малопонятное для западной ментальности объединение, стало объектом спекуляций в отдель-

ных кругах. Так, ряд американских политологов изображает ШОС в качестве откровенно антиамериканского блока, который бросает вызов присутствию США в постсоветских республиках. Суть таких эмоциональных заявлений сводится к тому, что ШОС объявляется «самой опасной организацией, которая когда либо была известна Соединенным Штатам Америки», что это «больше, чем экономическое объединение, это, потенциально, — новый „Варшавский договор“» (5). Воодушевляет, что подобные замечания не пользуются особым доверием в органах принятия решений ни ЕС, ни США, где имеют место более взвешенные оценки. Согласно докладу одного из американских функционеров, «ШОС — это не антиамериканская и недемократическая организация. Применение стереотипов и парадигм, характерных для периода холодной войны, неадекватно современным политическим реалиям» [7. Р. 6]. Тем не менее, такие утверждения очень громогласны и широко известны в профессиональной среде, хотя и не пользуются заметной поддержкой.

Другие, критически настроенные специалисты, изображают Шанхайскую организацию в виде «клуба автократов» (см.: [9]), обращая особое внимание на характер политического режима государств — членов ШОС. Они подвергают жестким нападкам недостаток либерально-демократических принципов, процедур и регулярные нарушения основных прав и свобод человека, которые якобы имеют место в этих странах. Иллюстрацией такого подхода к ШОС может послужить статья «Непреодолимое возвышение диктаторского клуба», которая вышла в британской ежедневной газете «Гардиан» как раз накануне Шанхайского саммита в июне 2006 года. Автор статьи указывает на «несоблюдение законности в регионе ШОС и на отсутствие заинтересованности в свободе, демократии и справедливости» (см.: [8]). Но и в этом случае подобное отношение к Шанхайской организации сводится к личному мнению нескольких отдельных авторов, хотя затрагиваемые ими проблемы останутся значимыми для широких кругов западных специалистов в будущих исследованиях, ибо принципы демократии, уважения прав человека лежат в основе внешнеполитических доктрин европейских стран.

Скептическая оценка ШОС

Представленные выше полярные точки зрения, хотя и существуют, но не являются основополагающими в аналитических работах серьезных исследовательских учреждений. Но и там под вопрос ставится жизнеспособность ШОС, поэтому общие оценки перспектив развития организации весьма пессимистичные. Как подчеркивает Элисон Бэйлс в последней работе СИПРИ (6): «вне стран — участников ШОС мнение об организации в основном либо скептическое, либо негативное. Многие задаются вопросом, есть ли в этом проекте что-нибудь помимо символической сущности, другие выделяют недостаточную распространенность демократических традиций среди участников, что ставит под сомнение легитимность решений организации перед лицом мирового сообщества» [4. Р. 1]. Подобные работы сосредотачивают фокус своего внимания на проблемах, с которыми сталкивается организация, и спекулируют на тему, как эти проблемы могут сказаться на будущем развитии организации. В основе скептической интерпретации

ШОС — сомнения в долговечности взаимных интересов России и Китая, отношения между которыми являются несущей конструкцией организации, и ссылки на недостаточную политическую волю к интеграции лидеров центральноазиатских республик.

Представления о затянувшейся взаимной подозрительности членов организации подпитывают аргументы, что ШОС не способна стать чем-то больше, чем так называемый «дискуссионный клуб». Наиболее часто используемый аргумент о недостаточной дееспособности Шанхайской организации — это слабая реакция на события, происходящие в регионе. По мнению американского аналитика Сина Йома, «события 9 сентября и война в Афганистане набросили тень неопределенности на будущее ШОС», поставив под сомнения эффективность механизма обеспечения безопасности в регионе и способность организации справиться с растущим американским влиянием (см.: [10]). Критики Шанхайской организации сотрудничества как инструмента противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам, ссылаются на то, что «она совершенно не способна противостоять локальным вызовам безопасности ... и не только не смогла ничего сделать, чтоб справиться с атаками 11 сентября, но к ней даже не обратились во время недавней революционной ситуации в Киргизстане» [5. Р. 13]. Логический посыл, который лежит в основе подобных суждений, сводится к тому, что реальная интеграция маловероятна по причине отсутствия определенности и согласия между членами ШОС по поводу потенциальной выгоды от участия в деятельности организации. Таким образом, западные аналитики не видят возможности эволюции ШОС в наднациональную интеграционную структуру по принципу ЕС или НАТО. А раз так, то ее эффективность и возможность действовать решительно в критических ситуациях существенно ограничены.

Еще одна довольно распространенная позиция строится вокруг сомнений относительно общего желания заставить организацию работать. Часто встречается мнение, что ШОС влиятельна ровно на столько, на сколько крепки российско-китайские отношения, которые все равно имеют ограниченный потенциал и поддерживаются на высоком уровне, лишь чтобы служить противовесом американским интересам. «Это инструмент политики Москвы и Пекина для поддержания регионального баланса против Вашингтона» [1. Р. 478]. «Подобные цели (инструментализации ШОС в качестве противовеса США) вряд ли будут поддержаны республиками Центральной Азии, которые стремятся развивать двухсторонние отношения по вопросам безопасности с Соединенными Штатами» [1. Р. 478], поэтому совпадение целей участников проекта все же выглядит сомнительно. ШОС воспринимается как преимущественно российско-китайское предприятие, а что касается республик Центральной Азии, то многовекторные двухсторонние внешние связи видятся западным экспертам более предпочтительными, чем обязательства, которые налагает участие в многосторонней организации. Согласно позиции некоторых исследователей, «ШОС так и не вышла из маргинального положения после событий 11 сентября, в которое она попала, когда республики Центральной Азии в рамках двухсторонних договоренностей подключились к антитеррористическим операциям, руководимым Соединенными Штатами в регионе» [1. Р. 479].

Появление позитивных интерпретаций ШОС

Последнее время все чаще стали появляться публикации, которые в более оптимистичном ключе стали освещать динамику развития ШОС. Некоторые эксперты, которые остались скептически настроенными, тем не менее, подчеркивают отдельные позитивные сдвиги в интеграционном взаимодействии стран ШОС. В принципе, нет ничего удивительного, что западные специалисты не очень хорошо информированы о принципах работы организации, ведь в Великобритании действует всего одна исследовательская программа, посвященная непосредственно Шанхайской организации, которую возглавляет одна из наиболее известных и последовательных сторонников этого объединения (7). Хотя нельзя однозначно констатировать, что при большем понимании и более пристальном внимании к событиям в центральноазиатском регионе можно надеяться на менее критические оценки экспертов. По крайней мере, в настоящее время подавляющее большинство исследователей признает, что ШОС будет играть значительную роль в Центральной Азии и увеличит в среднесрочной перспективе диапазон своей активности на международной арене. Бэйлс и Данэй подчеркивают, что «ШОС удалось выработать механизм саморегулирующегося развития и утвердить свое влияние в соседствующих государствах, что является неотъемлемой характеристикой успешных интеграционных проектов где бы то ни было — как в случае с Европой, так и в Юго-Восточной Азии. Это свойство так и не было достигнуто в других организациях на постсоветском пространстве, например в ОДКБ» [4. Р. 4]. Вместе с растущим интересом к организации параллельно развивается и понимание того, как сотрудничество с ШОС может пойти на пользу интересам в области безопасности, которые имеются у западных держав в регионе. В своей последней работе О. Антоненко рассматривает случай взаимодействия ЕС с ШОС как лучший механизм реализации интересов Европейского Союза. Она пишет, что «если ЕС хочет укрепить свою роль в Центральной Азии, то необходимо строить не только прямые отношения отдельно с каждой из стран, но и иметь дело с региональными организациями, ключевой из которых является Шанхайская организация сотрудничества» (см.: [2]). Другая очень характерная точка зрения была высказана в статье Грега Остина. Он настаивает, что «нельзя поспешно ставить на ШОС печать неудачи, которая больше подходит предыдущим попыткам региональной интеграции. Лучший вклад в будущее Афганистана, который может быть сделан ЕС и НАТО — это содействие решительному и эффективному развитию ШОС, включающей Пакистан и Афганистан» (см.: [3]). В стабильности Большой Центральной Азии заинтересованы все государства, включая страны Запада. Мировое сообщество все больше интересуется вопросом, сможет ли Шанхайская организация как механизм, укорененный в действительности Центральной Азии, противостоять тем специфическим, новым вызовам, которые угрожают безопасности международной системы в целом.

Еще одной положительной тенденцией в динамике развития ШОС является то, что ее организационная структура закрепляет равное представительство всех стран-членов, а присутствие в составе двух мировых держав препятствует ее эво-

люции в сторону гегемонистской организации. Таким образом, с точки зрения центральноазиатских республик «необходимость учитывать внешнеполитические приоритеты Китая частично уравнивается российскими интересами. В принципе, это создает ситуацию, когда республики могут продвигать свои приоритеты и оставить свой отпечаток на повестке дня ШОС»[4. Р. 2]. Поэтому даже критикам Шанхайского объединения все чаще приходится признавать, что значение ШОС нельзя нивелировать до геополитического инструмента в руках одной единственной державы.

В ответ на замечания по поводу недостатка конкретных военных акций в рамках ШОС можно ответить, что от некоторых исследователей ускользает тот факт, что Шанхайская организация концентрирует усилия на противодействии вызовам безопасности, таким, как терроризм и трансграничная преступность. Они коренятся в социально-экономических противоречиях внутри государства, но имеют трансгосударственную природу. Поэтому традиционные военные подходы малоэффективны применительно к вызовам, которые не имеют четких государственных границ и затрагивают «актеров вне суверенитета». Именно это и делает Шанхайскую организацию сотрудничества по-своему уникальной, ведь она старается дать ответ на «новые» угрозы безопасности. Как подчеркивают Бэйлс и Данэй, ШОС приняла «повестку дня двадцать первого века», которая позволяет вести совместную борьбу с негосударственными угрозами (терроризм, сепаратизм, экстремизм), которая признает значимость таких факторов для решения вопросов безопасности, как инфраструктура, коммуникации, энергоресурсы и экономическое равновесие.

В результате проводимых мной в настоящее время полевых исследований в странах — членах ШОС (Россия, Казахстан, Узбекистан, Китай), я тоже прихожу к весьма оптимистичным выводам в отношении перспектив развития ШОС. Организация сталкивается со многими трудностями, которые вытекают из частично не совпадающих интересов участников по отдельным направлениям сотрудничества, которые возникают из технических проблем, связанных с процессом постепенной отработки, отшлифовки организационных механизмов, а также из необходимости постоянной адаптации к переменчивым условиям потенциально уязвимого региона. Но мы не видим неразрешимых проблем и полагаем, что подход ШОС к вопросам региональной безопасности и экономического развития выдержит проверку временем. По поводу возможного конфликта интересов между Европой и ШОС целесообразно согласился с позицией Марты Брил Олкотт, что «существование ШОС никогда не будет служить интересам США, но ей и незачем напрямую препятствовать им» (см.: [6]). Безусловно, интересы ЕС, США и ШОС вряд ли будут полностью совпадать, но это естественные разногласия, характерные для всех участниками международных отношений. Интересы США и ЕС тоже не совпадают, когда речь заходит о соперничестве за рынки и ресурсы на европейском континенте. Эти противоречия разрешаются в формате дружеского диалога, и нет никакой принципиальной причины, почему бы что-то было иначе в ситуации с Центральной Азией. Исследователи ШОС на Западе все

чаще вынуждены признавать, что Шанхайская организация является открытым объединением в том смысле, что каждый участник волен по своему разумению выстраивать двухсторонние отношения. Это постепенно ослабляет волнение европейцев по поводу агрессивных намерений ШОС в отношении Запада. К слову, Казахстан — одна из стран — основательниц ШОС, но вряд ли может быть уличен в антизападной политике.

Имидж Шанхайской организации на Западе

На данный момент, пока еще слышны мнения о «клубе автократов», «восточном НАТО», «антиамериканизме» ШОС, действительно, стоит проблема имиджа организации на Западе. Отказаться от данных предубеждений поможет планомерное развитие «Шанхайской шестерки», при использовании принципов открытости, «шанхайского духа», «организации нового типа», и рост ее влияния на международной арене. В таком случае, вероятно, гораздо больше исследований будут посвящены ШОС в странах Запада, и крайние суждения уступят место более взвешенным заключениям. Если ШОС станет органичным элементом современной системы международных отношений, то со временем придет и понижение сущности организации, и доверие к ней, как это было в случае с другими региональными организациями. Мощный толчок укреплению позитивного имиджа ШОС способно дать присоединение Индии на правах полного члена организации, потому что Индия свободна от багажа устаревших стереотипов и парадигм времен холодной войны и традиционно всегда состояла в хороших отношениях с западными странами, особенно с США и Великобританией. Факт присоединения развеет предубеждения европейских стран о формирующемся антизападном военном блоке. А вступление в организацию Ирана, напротив, может произвести обратный эффект и зародит искру беспокойства об истинной сущности и намерениях Шанхайской организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Перевод с английского и научная редакция Н.В. Задерей.
- (2) Речь идет о двух аналитических записках, вышедших в мае 2007 года в Великобритании [2; 4].
- (3) В какой-то степени это естественно, ведь деятельность ШОС в течение довольно короткого периода своего существования концентрировалась на внутренних вопросах своего региона ответственности, который не являлся приоритетом ЕС.
- (4) Можно сказать, что «отношение к ШОС как среди Европейских политиков и аналитиков, так и среди американских, было преимущественно отстраненное, негативное или даже враждебное» (см.: [2]).
- (5) Цитируется по докладу сенатора правления комиссии Хельсинской конференции по безопасности и сотрудничеству, эксперта США Сэма Браунбака, «Central Asia: US Helsinki Commission concerned about SCO's influence», *EURASIA Insight* (10/01/06) <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/pp100106.shtml>
- (6) SIPRI — Stockholm International Peace Research Institute.
- (7) Международный институт стратегических исследований (Лондон), Исследовательский проект, посвященный ШОС и вопросам безопасности в Центральной Азии, под руководством доктора Оксаны Антоненко.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Allison R.* Regionalism, regional structures and security management in Central Asia // *International affairs*. — 2004.
- [2] *Antonenko O.* The EU should not ignore the Shanghai Co-operation Organization // *Policy Brief*. — Centre for European Reform. — May 2007.
- [3] *Austin G.A.* More Effective Way to Reconstruct Afghanistan // *The Foreign Policy Centre, UK* // <http://fpc.org.uk/articles/272>
- [4] *Bailes A. & Dunay, P.* The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution // *The Shanghai Cooperation Organization*. — Stockholm International Peace Research Institute. — Policy Paper. — May 2007 // <http://www.sipri.org/contents/publications/Policypaper17.html#download>
- [5] *Blank S.* The Shanghai Cooperative Organisation: Post-Mortem or Prophecy. CEF Quarterly. — The Journal of the China-Eurasia Forum (Summer 2005) // http://www.chinaeurasia.org/files/CEF_Quarterly_August_2005.pdf
- [6] *Olcott M.* Central Asia: US Helsinki Commission concerned about SCO's influence // *EURASIA Insight* (10/01/06) // <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/pp100106.shtml>
- [7] *Oresman M.* The Shanghai Cooperation Summit: Where Do We Go From Here? // *The Journal of the China-Eurasia Forum: Special Edition: The SCO at One*. — 2005. — July // http://www.silkroadstudies.org/new/docs/CEF/CEF_Quarterly_July_2005.pdf
- [8] *Tisdall S.* Irresistible rise of the dictators' club // *The Guardian* (06/06/2006) // <http://www.guardian.co.uk/worldbriefing/story/>
- [9] *Wall D.* The Shanghai Cooperation Organisation: uneasy amity // *Open Democracy Website* (16/06/2006) // <http://193.41.101.59/debates/article.jsp?id=6&debateId=28&articleId=3653>
- [10] *Yom S.* Power Politics in Central Asia // *Harvard Asia Quarterly*. — Vol. 6 // <http://www.asiaquarterly.com/content/view/129/>

THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION IN THE ENGLISH LANGUAGE WEST

Stephen Aris

Centre for Russian & East European Studies
European Research Institute
University of Birmingham
Edgbaston, Birmingham, the UK, B15 2TT

Although the Shanghai Cooperation Organization remains relatively unknown in Western foreign policy analysis, it is the focus of some strong opinions. These viewpoints range from interpreting the SCO as an alliance directed against the West to those that make the case for engagement with the SCO as the best mechanism for achieving Western interests in the region. This short paper argues that as the SCO becomes better known and understood with time and research, views that consider the SCO as a threat will decrease and views that assess it positively for both the Central Asian region and for cooperation with West on common interests will increase.

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА ДОГОВОРА, УСТАНОВЛИВАЮЩЕГО КОНСТИТУЦИЮ ДЛЯ ЕВРОПЫ

О.М. Мещерякова

Кафедра иностранного языка № 3
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблеме отклонения Договора, устанавливающего Конституцию для Европы. Большое внимание уделено роли национальных государств в формировании политики Европейского Союза. В статье отражены основные тенденции деятельности Европейского Союза, наметившиеся в последнее время.

Проект Конституции Европейского Союза, который был в 2003 г. разработан Европейским Конвентом и 29 октября 2004 г. торжественно подписан в Риме, должен был вступить в силу 1 ноября 2006 г. Этому должен был предшествовать длительный процесс ратификации во всех (тогда двадцати пяти) странах — членах Европейского Союза. Однако этот процесс закончился провалом Конституции, которому предшествовало ее отклонение на референдумах в двух старейших членах Европейского Союза — 29 мая 2005 г. во Франции и 1 июня 2005 г. в Нидерландах.

Ответом на это послужило решение Европейского Совета от 21—22 июня 2007 г. об отмене Конституции. Это решение предусматривает внесение изменений в ранее существующие договоры вместо принятия Конституционного договора. Указанным решением также предусматривается подписание Договора о реформе, который будет принят без всенародного голосования.

Тем не менее, этим же решением Европейского Совета предусматривается включить значительную часть текста Конституционного договора в основополагающие документы Европейского Союза.

Поэтому возникает вопрос, почему Европейский Совет решился на разработку Договора о реформе, который по сути своей переносит основной текст Конституции в ныне действующие Договоры (Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества)? Более того, Европейский Совет хочет избежать длительного периода ратификации путем всенародных референдумов. Однако это, в свою очередь, вызывает сомнение в том, что европейские государства допустят, чтобы ратификация Договора о реформе прошла без обсуждения на референдумах. Поэтому невольно возникает вопрос, не ведет ли этот путь в никуда? И не является ли Договор о реформе началом конца Европейского Союза? Ответ на эти вопросы опять же следует искать, прежде всего, в тексте проекта Конституции.

Думается, что основная причина отклонения проекта Конституции Европейского Союза — это не только столь ненавистное для противников федералистского направления определение «Конституция», но и явно прослеживающееся в этом документе стремление придать Европейскому Союзу государственноподобный характер, что, в свою очередь, не может не затронуть суверенных прав государств-членов.

Ведь для Европейского Союза суверенитет — это категория, которая всегда вызывала и продолжает вызывать острые разногласия, и сегодня, в период кардинального реформирования Союза, стала своеобразным символом. Борьба за суверенитет государств-членов стала основной характеристикой тех процессов, которые в настоящее время происходят в Европейском Союзе.

Содержание категории «суверенитет» формируется в Европейском Союзе определенной системой понятий, диалектически взаимосвязанных между собой, которые выстраиваются в понятийный ряд: национальная идентичность — национальный суверенитет — национальный интерес — государственный суверенитет.

Национальная идентичность — это право каждой нации на культурное своеобразие, на свои традиции, другими словами, это право на различие.

Национальный суверенитет — это полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью целиком и полностью распоряжаться своей судьбой, в первую очередь способность политически самоопределяться [1. С. 167]. Полновластие нации проявляется именно в реальной возможности решать вопросы, касающиеся ее государственно-правовой организации, взаимоотношений с другими нациями, развития всех сторон национальной жизни.

Следовательно, национальный суверенитет характеризует собой политическую, культурную, языковую, территориальную свободу и самостоятельность нации, которые проявляются в полноте суверенных прав в указанных областях социальной жизни нации, что делает это понятие близким к понятию «национальная идентичность».

Национальный суверенитет не внешняя по отношению к нации, не приобретаемая «со стороны» черта, а внутреннее, присущее только ей качество [4. С. 45—46]. Национальный суверенитет является производным свойством нации. Он возник одновременно с возникновением наций. Как определенной качественной стороной им располагают все без исключения нации, большие и малые, независимо от уровня их развития [5. С. 169].

Национальный суверенитет имеет своей объективной предпосылкой национальный интерес — те цели и задачи, которые стоят перед нацией в конкретный исторический период.

В содержании понятия «национальный суверенитет» имеется два аспекта: внутренний и внешний. Поэтому государственный суверенитет и национальный суверенитет — это понятия, близкие по значению, т.к. государственный суверенитет представляет собой качество государственной власти, определяющее ее верховенство и единство в рамках национальной правовой, социальной и поли-

тической систем. В свою очередь, самостоятельность государства и его независимость при осуществлении внешних функций является важным элементом его международно-правовой правосубъектности.

Однако в эпоху глобализации суверенитет государств ограничивается не только недостатком его материальной составляющей у отдельного государства, но и, что касается Европейского Союза, подходом наднациональных институтов Союза к пониманию этой проблемы.

И, разумеется, если Европейский Союз — это наднациональный союз государств, он не может обладать суверенитетом, им обладают только государства.

Например, Э.М. Аметистов считает, что «в лице институтов европейских обществ мы имеем дело с весьма громоздким, многоступенчатым, опосредованным косвенным представительством международным механизмом согласования воли государств, в какие бы «новаторские» наднациональные формы ни облекались результаты этого голосования» [1. С. 93].

А.Я. Капустин определяет Европейский Союз как межгосударственное объединение с собственной институциональной структурой, правовую основу которой составляют международные договоры [3. С. 36].

Поэтому о суверенитете Союза не может быть и речи, а, говоря о Европейском Союзе как о международной организации, следует подчеркнуть, что его членами являются суверенные государства. Сам же Союз создан на основе учредительных межгосударственных договоров.

Отсюда и комплекс проблем, связанных с вопросом актуальности малого государства в эпоху глобализации и с вопросами суверенитета государств — членов интеграционного сообщества.

На первый взгляд может показаться, что же тут сложного? Государства передают интеграционному образованию часть своих суверенных полномочий, которыми, в свою очередь, наделяется интеграционное объединение.

В процессе интеграции происходит постепенное выравнивание экономического и социально-культурного уровней, а сам объединительный процесс идет по пути постепенного углубления интеграции.

Однако это далеко не так. И опыт европейской интеграции, этого сложного социально-экономического и политического явления, показывает, что интеграционный процесс столкнулся с проблемой, в решении которой очень сложно найти компромиссное решение, — с проблемой суверенитета государств — членов Европейского Союза.

Ведь суверенитет — это именно то, за что государства-члены ведут постоянную борьбу с наднациональными органами Союза с тех самых пор, как только эти наднациональные органы настолько окрепли, чтобы обладать собственной компетенцией.

А общим источником всех тревог и опасений в странах Европейского Союза является угроза размывания в процессе интеграции национального суверенитета и национальной самобытности.

Следовательно, вопрос о суверенитете возник со всей очевидностью потому, что именно национальный суверенитет создает то пространство, в котором осуществляется принцип национальной самобытности.

И хотя, как и Договор о Европейском Союзе, Конституционный договор подтверждал, что целью европейской интеграции является не создание единого европейского государства и общей для всех европейской идентичности, а союз европейских народов, организованных в национальные государства [2. С. 100—101], он был отклонен, а причину этого нужно искать все в той же неразрешимой на данном этапе интеграции проблеме — проблеме суверенитета.

К тому же, после длительных усилий, направленных на усиление наднациональных институтов, наблюдается ренессанс национальных государств. Отсюда и попытки усиления роли национальных парламентов, закрепленные в тексте отклоненной Конституции Европейского Союза, отсюда и усиление роли Совета, который представляет национальные государства и служит инструментом для достижения компромисса в процессе принятия решений [3. С. 315—319].

Таким образом, вопрос о суверенитете государств-членов служит постоянной причиной острых споров и усиливает центробежные устремления. К тому же расширение Европейского Союза только усиливает эти проблемы.

И дело не в том, что одни государства согласны ограничить свой суверенитет в пользу Союза, а другие — нет. Причина состоит в том, что для вновь вступивших государств Союз — это источник определенных благ, т.е. ограничение их суверенитета в пользу Союза подпитывает материальную составляющую их национального суверенитета, а для старых членов Европейского Союза ограничение их суверенитета не означает ничего, кроме передачи части своих суверенных полномочий Союзу.

К тому же существующий на сегодняшний день порядок распределения так называемых «взвешенных» голосов в Совете министров, когда, например, Германия, которая является крупнейшим донором в Европейском Союзе, располагает 29 голосами, а такая гораздо менее населенная и менее экономически развитая страна, как Польша, располагает 27 голосами, является постоянным источником нестабильности в Европейском Союзе и подпитывает центробежные тенденции [6. S. 31].

Поэтому после передачи государствами части своих суверенных полномочий Союзу возник вопрос, как конкретно это добровольное отчуждение отразится на самих государствах-членах и их возможностях по реализации отдельных суверенных прав.

Например, важнейшей вехой на пути Германии к интеграции на основе концепции «Европы отечеств», т.е. на пути максимально возможного сохранения национального суверенитета, стало рассмотрение Федеральным Конституционным Судом в Карлсруэ, ни много ни мало, вопроса о *соответствии Договора о Европейском Союзе Конституции ФРГ*. В своем заключении по этому вопросу Суд определил ряд ориентиров с целью устранения возможного выхода

европейской интеграции за те пределы, которые установлены для правительства ФРГ ее Конституцией. К важнейшим из этих ориентиров относятся:

- демократическая легитимность европейских структур достигается контролем за их деятельностью со стороны национальных парламентов;

- расширение ответственности и власти европейских сообществ ограничено демократическим принципом;

- ратификация Договора о Европейском Союзе не означает, что Германия превращается в объект автоматического движения к экономическому и валютному союзу, находящемуся вне ее контроля. Напротив, каждый последующий шаг требует последующего одобрения правительством Германии, учитывающим мнение германского парламента;

- договор о Европейском Союзе учреждает союз стран с целью достижения все более тесного союза европейских народов (организованных в государства), а не создание государства, опирающегося на народ Европы;

- *любая расширительная интерпретация Договора о Европейском Союзе не имеет юридической силы в отношении Германии.*

Поэтому представляется, что государства и далее останутся суверенными субъектами международного права. И следует отметить, что, в первую очередь, это выгодно малым государствам, тем более что вопрос о суверенитете непосредственно связан с принципом национальной самобытности.

Таким образом, государства-члены, хотя и отказываются добровольно от части своих суверенных полномочий в пользу наднациональных институтов Союза, в тоже время остаются во владении ими по-прежнему. Они не становятся вследствие этого урезанными в правах членами европейской федерации.

Суверенитет национальных государств находит свое отражение и в том, что именно они наделяют компетенцией наднациональные органы Союза. Кроме того, ни один из институтов Союза не наделен самостоятельной законодательной инициативой.

Например, часть III Конституции Европейского Союза «Политика и функционирование Союза» вводит стандартную законодательную процедуру. Законодательные полномочия на паритетных началах поделены между двумя институтами Европейского Союза: Советом министров и Парламентом. Если Европарламент и Совет министров не могут достичь компромисса по проекту документа, он не может быть принят.

Процедура, предложенная в Конституции, предполагает три чтения. В тех случаях, когда Конституция не предусматривает иное, законодательные акты Европейского Союза могут быть приняты только на основе предложения Комиссии. Европейская комиссия — институт Европейского Союза, сходный по многим принципам своей деятельности с правительствами национальных государств. В ее функции входит: осуществление надзора за применением «европейского права» под контролем Суда Европейского Союза; исполнительная функция; представительство Европейского Союза на международной арене; подготовка инициатив по составлению программ деятельности Европейского

Союза. Особенно важной функцией, специально выделенной Конституцией Европейского Союза (п. 2, ст. 1—26) является право правотворческой инициативы.

Комиссия направляет проект решения Парламенту и Совету министров. Парламент должен принять свою позицию по проекту решения в первом чтении и направить в Совет министров.

Если Совет министров утверждает парламентский проект, он считается принятым.

Если Совет министров не утверждает проект, предложенный Европарламентом, он должен принять собственную позицию в первом чтении и направить ее в Парламент.

Парламент может утвердить позицию Совета в первом чтении или вообще не рассматривать ее. В этом случае она считается принятой.

Парламент может также отклонить позицию Совета или предложить поправки к ней. Текст с поправками направляется Совету министров и Комиссии.

Совет квалифицированным большинством утверждает поправки. После этого решение считается принятым.

Если Совет не утвердил поправки, Председатель Совета министров по согласованию с Председателем Европарламента должен собрать заседание Согласительного комитета. Эта согласительная процедура является вторым чтением.

Согласительный комитет состоит из членов Совета министров или их представителей и равного количества членов Европейского парламента.

Третье чтение является факультативным. Если Согласительный комитет утверждает совместный текст, то Европарламент, действующий большинством голосов присутствующих, и Совет министров, принимающий решения квалифицированным большинством, могут принять решение в целом. В противном случае акт считается отклоненным.

Следовательно, эта сложная процедура, претерпевшая значительную трансформацию в процессе углубления интеграции, показывает, что Европарламент не наделен правом законодательной инициативы, и, более того, зависим от национальных парламентов.

Кроме того, все решения по содержанию договоров, на которых основан Европейский Союз, должны быть утверждены государствами-членами, которые принимают окончательное решение по всем вопросам конституционной структуры Союза (ст. 48, 49 Договора о Европейском Союзе). В этом случае используется формулировка: «ратификация происходит в соответствии с надлежащими конституционными процедурами». Именно эта формулировка предполагает участие национальных парламентов в данном акте осуществления власти в Европейском Союзе.

В Совете Европейского Союза представители государств-членов получают легитимацию от национальных парламентов, т.е. Совет является легитимным в той мере, в какой национальные парламенты могут осуществлять эффективный контроль.

В целях получения представления о позициях государств-членов по вопросу, находящемуся на рассмотрении, Комиссия проводит консультации с нацио-

нальными экспертами, хотя национальные эксперты и не являются официальными представителями государств-членов. Комиссия также обязана проводить консультации с парламентскими комитетами национальных парламентов.

Информирование национальных парламентов о своих решениях является задачей Комиссии и Совета. Европейский парламент обладает также обязательством предварительного информирования национальных парламентов о вопросах, которые предстоит обсудить.

Поэтому несомненно, что существование в Европейском Союзе двух уровней принятия решений (Европейский парламент и национальные парламенты) усложняет этот процесс.

И, несмотря на то, что в соответствии с официальной позицией Европейского парламента деятельность на европейском уровне является его исключительной прерогативой, он обязан считаться с позициями национальных парламентов в определении европейской политики.

Таким образом, наднациональные органы Союза не могут принимать решения без участия национальных парламентов, т.к. большая часть политики Европейского Союза осуществляется на национальном уровне.

Следовательно, Европейский Союз должен ежедневно заслуживать интеграционную волю суверенных государств. А сама интеграция призвана подпитывать материальную составляющую суверенитета национального государства, помогая решать те вопросы, которые национальное государство в условиях глобализации не в состоянии решить в одиночку.

Это подтверждают и те процессы в Европейском Союзе, которые направлены на принятие Договора о реформе. Если государства-члены смогут найти компромисс, то уже в декабре 2007 г. новый Договор будет подписан.

Однако на саммите в Лиссабоне, начавшемся 17 октября 2007 г., уже выработано решение о внесении изменений в ревизионный Ниццкий договор. Поэтому вряд ли процесс реформирования пойдет так быстро, как это первоначально предполагалось. А основной девиз этого реформационного процесса можно сформулировать следующим образом: «Не допустим передачи суверенитета Европейскому Союзу».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аметистов Э.М. Современные тенденции развития права Европейских сообществ // Советское государство и право. — 1985. — № 7.
- [2] Конституция Европейского Союза с комментариями (отв. ред. Кашкин С.Ю.). — М., 2005.
- [3] Протокол «О применении принципов субсидиарности и пропорциональности» // Конституция Европейского Союза с комментариями (отв. ред. Кашкин С.Ю.). — М., 2005.
- [4] Мухомов М.Б. Единство интернациональных и национальных интересов в советском многонациональном государстве: теоретико-методологические проблемы. — Казань, 1975.
- [5] Шевцов В.С. Государственный суверенитет. — М., 1979.
- [6] Tadden H. von. Mit Nizza wird die EU wenig Punkte machen. — Munchen, 2005.

**THE SOVEREIGNTY OF THE STATE — MEMBERS
OF THE EUROPEAN UNION AND PRINCIPAL CAUSES
OF A FAILURE OF THE TREATY ESTABLISHING
A CONSTITUTION FOR EUROPE**

O.M. Meshcheryakova

The Department of Foreign Languages № 3
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the problem of the abrogation of the Treaty establishing a Constitution for Europe. Main attention is given to national participation in Community policy-making. All general trends in the activities of the EU in last decade are shown in the article.

НАШИ АВТОРЫ

Ашвад Аббас — аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Сирия)

Батюк Владимир Игоревич — ведущий научный сотрудник Института США и Канады Российской Академии Наук, кандидат исторических наук

Дзанайты Хадзымату Георгиевич — заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Горского Государственного аграрного университета, доктор экономических наук

Задерей Наталья Валерьевна — аспирантка и ассистент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов

Кубышина Галина Александровна — ученый секретарь Центра Азиатско-Тихоокеанского региона Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ, кандидат политических наук

Мещерякова Ольга Михайловна — старший преподаватель кафедры иностранного языка № 3 института иностранных языков РУДН, кандидат исторических наук

Пономарь Светлана Пантелеевна — старший преподаватель кафедры прикладной политологии Государственного университета Высшей школы экономики

Самир Исмаил — доцент кафедры политологии факультета политологии Дамасского университета (Сирия)

Смирнова Ольга Анатольевна — доцент кафедры международно-политических коммуникаций и страноведения ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат политических наук

Стивен Арис — научный сотрудник Центра исследования России и Восточной Европы Бирмингемского университета (Великобритания)

Шуленина Надежда Викторовна — доцент кафедры политических наук Российского университета дружбы народов, кандидат философских наук

Яшин Игорь Геннадьевич — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов